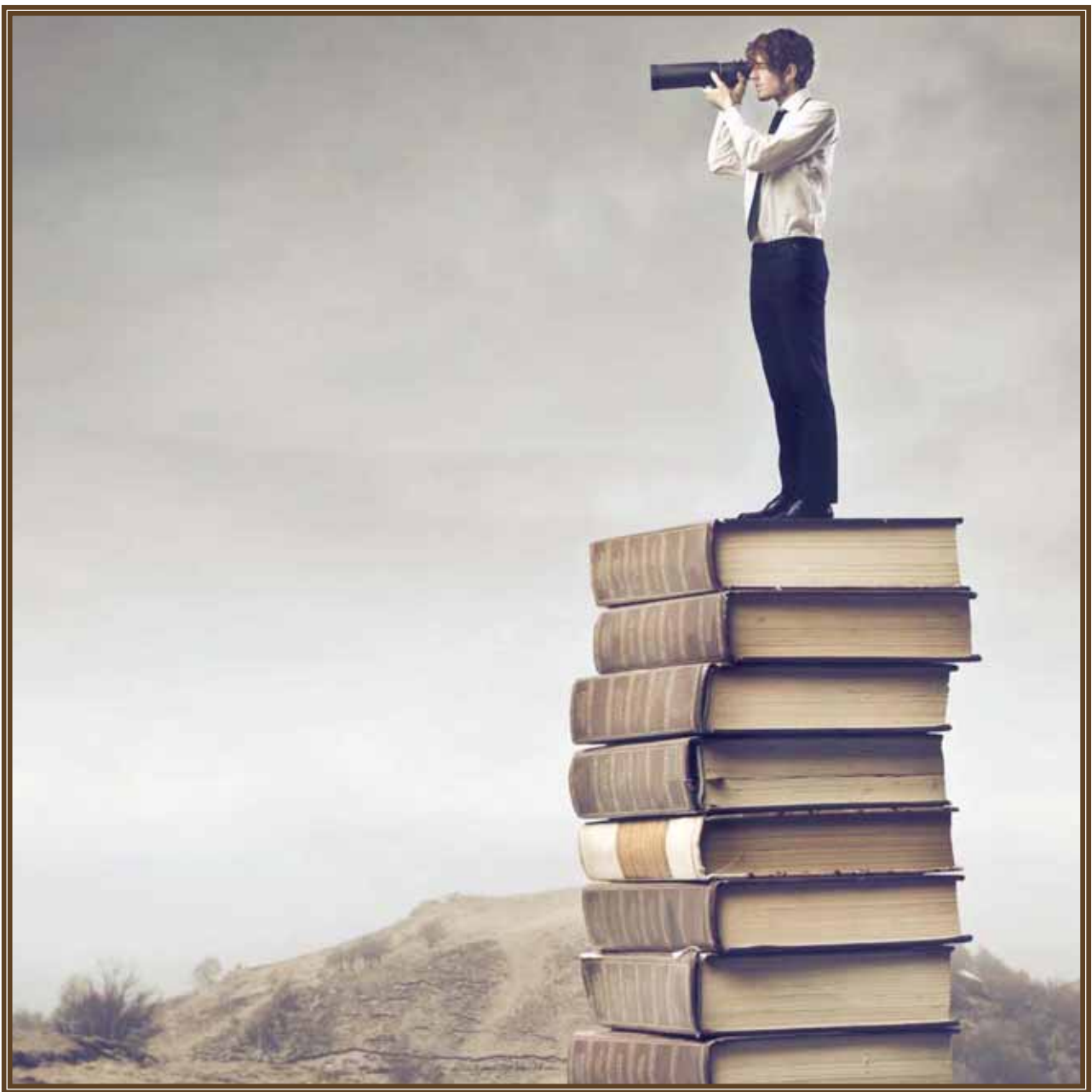

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
International Scientific Analytical Project

№ 2 Liberal* | October 2013

Expert group:

Marianna Balasanyan (Georgia), Diana Ismailova (Kazakhstan), Galina Kontsevaya (Republic of Belarus),
Elena Kosykh, Marina Zheltukhina, Maria Shemyakina, Alexandra Zalevskaya (Russia),
Magdalena Petrova Kostova-Pananyotova, Mariyana Parzulova (Bulgaria), Jemal Mehmed (Turkey)

Dear readers!

If you ever happen to hear that philology is a boring science, you certainly may believe this conclusion. After all nobody can prevent the person from considering even an unbelievable idea to be the actual reality. And in this case the situation will be just like that because language as the carrier of sense and the instrument of communication cannot be boring objectively. Why? At least because substantial and logic constructions, predetermining corresponding emotions (for example interest or boredom) are expressed in language forms.

All intellectual part of human life is filled with language categories and their combinations. Features of every personality are characterized by conceptual elements not only from the outside, but are also internally predetermined by the special way of thinking and the intellectual activity of certain persons. And all these personal qualitative features are filled with an exclusive combination of semantic - language segments, moreover they are predetermined and accompanied by them. Language turns everyone of us into a member of the society. It predetermines an image of subjective thoughts and acts, forms "our place" within the system of public relations through the socialization and education.

If we agree to consider the language as dull, bothering or boring, it will be equal to considering the life itself as useless! Isn't it a pretty pessimistic and even a bit painful and desperate logical conclusion?

Life and language both deserve to be loved and enjoyed! Such attitude to actual and linguistic reality must be inherent even to those whose joyless memories about school and college everyday life are associated with tiresome learning of texts... Try to be objective: after all those were almost the most important days and best times of your life. Without them you might have missed a lot of things you like to recollect today!

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
October 17, 2013

GISAP: Philological sciences, №2 Liberal* (October, 2013)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. Pavlov V.V.

Copyright © 2013 IASHE

ISSN 2053-1532

ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Stadnichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE), 1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom.

Phone: +442032899949, e-mail: office@gisap.eu, [www: http://gisap.eu](http://gisap.eu)

- ! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without
• the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article.

«* - Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of development of the journal («Professional») involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world».

CONTENTS

Баласанян М.А., <i>Ахалцихский государственный университет, Грузия</i> О ВОПРОСЕ ГЕНДЕРА В ЯЗЫКЕ	2
Баркаръ У.Я., <i>Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского, Украина</i> ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧИСЛА '2' И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ	6
Хамзе Д., <i>Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария</i> КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СПЕКТР ПАРОДИИ.	10
Араева Л.А., <i>Кемеровский государственный университет, Россия</i> РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПОЛИМОТИВАЦИИ В РУСИСТИКЕ.	17
Залевская А.А., <i>Тверской государственный университет, Россия</i> ПРИНЦИПЫ НАВИГАЦИИ В ЖИВОМ ПОЛИКОДОВОМ ГИПЕРТЕКСТЕ	22
Залевская А.А., <i>Тверской государственный университет, Россия</i> ЧТО ТАМ – ЗА СЛОВОМ?	26
Ли В.С., <i>Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан</i> ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СЕМАНТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛОВА-КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА РАБОТАТЬ).	30
Shumenko O.A., <i>Sumy State University, Ukraine</i> SEMANTIC EVOLUTION OF QUANTITATIVE WORDS	34
Arayeva L.A., <i>Kemerovo State University, Russia</i> GRAPHIC OF A SPEECHWRITER'S TEXT AS A DETERMINANT OF A SPEAKER'S EFFECTIVE SPEECH	36
Redkva Y., <i>Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Ukraine</i> HISTORICAL OIKONYMY OF THE WESTERN UKRAINE IN COMMON SLAVIC CONTEXT (AS EXEMPLIFIED BY THE EVOLUTION OF TOPOFORMANT *-IŠČE // *-ISKO IN SLAVIC LANGUAGES).	42
Taranenko L., <i>National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute", Ukraine</i> DIFFERENTIATION OF SMALL FOLKLORE TEXTS ACCORDING TO THEIR LENGTH	46
Kobyakova I., <i>Sumy State University, Ukraine</i> VERBALIZATION OF HUMOUROUS TEXTS	49
Аязбекова С.Ш., <i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Казахстанский филиал, Казахстан</i> КОСМОГОНИЧЕСКАЯ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ: КОНЦЕПТ УСТНОЙ ИСТОРИИ.	51
Пыхтина Ю.Г., <i>Оренбургский государственный университет, Россия</i> СТРУКТУРА ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «S.N.U.F.F.»	55
Екшембеева Л.В., <i>Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан</i> ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ КАЧЕСТВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	59
Ikonnikova O.N., <i>South Federal University, Russia</i> THE SALISHAN LANGUAGE GROUP AS A REPRESENTATIVE OF THE ARCHAIC LANGUAGE TYPE	63

Баласанян М.А.,
д-р филол. наук, ассоц.
проф., руководитель
направления «Русский
язык и литература»
факультета Просвещения,
гуманитарных
и социальных наук
Ахалцихский
государственный
университет, Грузия
Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

О ВОПРОСЕ ГЕНДЕРА В ЯЗЫКЕ

В статье анализируются результаты развития, так называемой, феминистской лингвистики. Её подробное изучение зафиксировано в словесной культуре разных наций неравным полом, и выражено созданием гендерно нейтральной языковой нормы, кодифицированной в специальных словарях (Dictionaries of Gender-free Usage) с целью преодоления «языкового сексизма». Лингвисты, работающие в этом направлении, ожидают от такого преодоления как минимум повышения уровня взаимопонимания в процессах коммуникации. Кроме того, было установлено, что в условиях языкового сексизма, который иначе можно назвать маскулинным дискурсом, маскулинный гендерный тип является чуть ли не нормой, престижным проявлением полового характера.

Ключевые слова: гендерная система, фемининность, маскулинность

Results of so called feministic linguistics are analyzed in this article. Its detailed studying is recorded in verbal culture of different nations by inequality of sex and it's expressed by creation of gender-neutral language norm, which is coded in special dictionaries (Dictionaries of Gender-free Usage), and the purpose is to overcome "a language sexism". The linguistics who work in this direction expect from such overcoming at least an increase of level of mutual understanding in process of communication. And besides, it was established that in the condition of language sexism, which can be also differently called a masculine discourse, masculine gender type is almost a norm, prestigious manifestation of sexual character.

Key words: gender system, feminism, masculinity.

Гендер создается обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании и др.). Гендерная система как таковая отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола. Не имеет значения, каковы социальные роли мужчин и женщин: они могут быть различными в разных обществах. Во все времена и во всех обществах существовала гендерная асимметрия. В большинстве современных обществ это асимметрия в пользу мужчины. При гендерной асимметрии то, что предписывается мужчине, оценивается как первичное, и соответственно, приписываемое женщине, оценивается как вторичное. Социальные нормы меняются со временем, однако гендерная асимметрия остается. Таким образом, можно сказать, что гендерная система – это социально сконструированная система неравенства по полу.

Всякая социальная характеристика индивида проявляется в использовании им языка. Речевые особенности служат одним из важнейших признаков, по которому определяется статус человека. Женщине и мужчине присущи разные модели речевого поведения. Различия в использовании языка

в большинстве случаев обусловлены социальным разделением людей по полу. Положение мужчин и женщин и в правовом, и в бытовом отношении различно, и расхождении в языке – естественное следствие этого социального неравенства. В некоторых обществах различия в речи мужчин и женщин настолько серьезны, что говорят о двух «языках» – мужском и женском. По свидетельству В.Г. Богораза, в чукотском языке существует особое женское произношение [1, 34] Женщины в отличие от мужчин вместо ч произносят ц, в особенности после мягких согласных. Некоторые народности, живущие на Малых Антильских островах, имеют два словаря: один из них используется мужчинами и женщинами, когда они говорят с мужчинами, второй – женщинами, когда они говорят между собой. В языке индейцев, проживающих в Северной Калифорнии один и те же предметы и явления называются по-разному, в зависимости от того, кто о них говорит: мужчина или женщина: огонь – ауна(м), аух(ж), олень(бана(м), медведь – теньна(м), тетя(ж).

В индийском племени таджу мужчины и женщины практически не общаются между собой. Дело в том, что они говорят на абсолютно разных диалектах, которые так и называются: «мужской» и «женский». Даже семей-

ные люди, особенно мужчины, плохо знают язык своей половины и выучить его не стремятся, предпочитая молчание или универсальный язык мимики и жеста.

При желании и китайки способны разговаривать между собой так, что присутствующие мужчины не поймут ни слова. В китайском женщинам часто запрещалось общаться друг с другом, и они изобрели секретный язык «нушу». На нём написаны сотни поэм, рассказов, писем. За несколько веков мужчины так и не смогли подобрать к нему ключа [1, 69].

У цивилизованных народов различия в языке у мужчин и женщин намного меньше, они в основном касаются не набора языковых единиц, а частоты их использования, а также речевого поведения, языковых вкусов и предпочтений. Так, считается, что женщины употребляют меньше ненормативных форм, более восприимчивы к социально престижным языковым моделям.

А.П. Нильсен пишет о том, что в словаре Вебстера ею было обнаружено 517 названий профессий с признаками двух родов, 385 с признаками только мужского рода и 132 с признаками женского рода. Объяснение этой диспропорции А.П. Нильсен видит в исторически сложившихся особен-

ностях разделения профессиональной деятельности, где мужчинам принадлежит неоспоримое первенство [5, 134].

Е. Горошко приводит классический пример того, что в языке идентификация идет по мужскому роду, даже если референт женщина. Эта история заимствована ею в работе Сьюзен Романи. Отец и сын попали в катастрофу, в которой погиб отец. Сын в тяжелейшем состоянии был доставлен в больницу, когда хирург его увидел, он отказался оперировать ребенка, сказав: «Я не могу ничего делать (имеется в виду оперировать). Это мой сын». Для многих, услышавших эту историю, она казалась парадоксальной, т.к. то, что хирург мог быть женщиной и матерью мальчика, никто из слушателей не предположил.

В.И. Беликов и Л.П. Крысин [1, 79-82], отмечая социальное неравенство людей по полу и отражение этого в языке, приводят в пример, в частности, формы приветствия, свойственные мужчинам и женщинам: в частности, употребление форм приветствия: например, Здорово!, Дай закурить! – употребляются мужчинами, и только ими.

Эти же ученые отмечают, что женщины чаще употребляют эмоционально-оценочную лексику и уменьшительные образования (например, обращения типа детка, милочка и некоторые другие чаще употребляются женщинами), в их речи больший спектр цветообозначений...

Иногда различия в использовании тех или иных слов достаточно глубоки и имеют разные возможности употребления. Так, в английском языка – He's professional – означает, что мужчина хорошо владеет какой-либо профессией, а She's professional – значит: «Она проститутка» (по наблюдениям R. Lakoff). R. Lakoff делал наблюдения и над метафорическим употреблением названий животных по отношению к мужчинам и женщинам: dog – собака к м., bith – сука, fox – лис, lixen – лисица (ведьма, сварливая баба) [11, 46].

Л.П. Крысин, долгое время работающий над гендерными проблемами в языке и сексизмом в языке, отмечает, что в большинстве случаев разли-

чия между мужской и женской речью носят количественный характер, т.е. каких-то элементов в речи мужчин больше, чем в речи женщин, и наоборот.

Мужская и женская речь имеют постоянный набор признаков, который называют гендерлектом. Термин этот представляется нам спорным, так как различия в мужской и женской речи не столь разительны и не проявляются в любом речевом акте. Вместе с тем, сегодня наука не отрицает существования некоторых стилизованных особенностей, свойственных преимущественно мужчинам или преимущественно женщинам. Широко распространена, например, точка зрения, что женщины употребляют больше уменьшительных суффиксов и вежливых форм, чаще называют партнера по коммуникации по имени и в целом используют больше контактоустанавливающих речевых действий (невербальная коммуникация). Труды по изучению мужских и женских ассоциаций дают основания предполагать определенные различия в мужской и женской ассоциативной картине мира [7, 13].

Последние годы многие ученые занимаются гендерными проблемами в языке [см. прилагаемый список литературы]. Считается, что женщины:

- перенасыщают свою речь прилагательными,
- бывают лучше ориентированы в определении цветовой гаммы, в то время как мужчины
- чаще пользуются терминами, связанными с различным техническим инструментарием,
- уснащают свою речь грубой, ненормативной лексикой.

Однако необходимо заметить, что хотя большинство членов общества считают мужчин более склонными к употреблению ненормативной лексики, а также к враждебной, недружелюбной настроенности, к богохульству, чем женщин, однако, как показало исследование американского психолингвиста К. Стелли (Staley, 1978), в использовании ненормативной лексики мужчины женщины могут демонстрировать гораздо больше сходства, чем различия.

На основании многочисленных

исследований как «культурных», так и бесписьменных языков ученые пришли к выводу, что язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения, поэтому он не только антропоцентричен, т.е. ориентирован на человека, но и андроцентричен, иначе говоря, ориентирован на мужчину: язык создает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает, главным образом, в роли объекта, в роли «другого», «чужого» или вообще игнорируется.

Лингвисты выделяют следующее признаки андроцентризма:

1. Отождествление понятий человек и мужчина. Во многих языках они обозначаются одним словом: man в английском, homme во французском, Mann в немецком, kas в грузинском и др.

2. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Кассир – кассирша, доктор – докторша, поэт – поэтесса, врач – врачиха. Им часто сопутствует негативная оценочность. Применение мужского обозначения к референту-женщине допустимо и повышает ее статус, наоборот, номинация мужчины женским обозначением несет в себе негативную оценку [8, 91].

Дискриминацию по признаку пола в языке называют языковым сексизмом. Кто такая генеральша – женщина-генерал или жена генерала? Скорее всего, жена генерала. Тогда возникает другой вопрос: почему не женщина-генерал? И может ли женщина быть генералом? В редких случаях социальное пространство поделено таким образом, что мужчина может быть генералом, а женщина может быть только его женой. Окружающая нас реальность, включая социальные статусы и позиции мужчин и женщин, отражается в языке. Поэтому для нас милиционерша – жена милиционера, а не женщина-милиционер, купчиха – жена купца. В данном случае мы сталкиваемся с проявлением языкового сексизма – дискриминацией по признаку пола в языке.

В русском языке пол в названии профессий может быть обозначен,

например: крановщик – крановщица, художник – художница, журналист – журналистка. Некоторые профессии называют и мужчин и женщин, но в форме мужского грамматического рода, например: доктор, врач, профессор и др. Многие из них имеют женский вариант в разговорной речи, например докторша, профессорша. Проблемой является стилистическая сниженность «женских» вариантов названий профессий по сравнению с «мужскими», которые часто снисходительно или пренебрежительно характеризуют их обладательниц. Статус врачихи значительно ниже статуса профессора выше статуса профессорши.

Выступая в таком качестве, формы мужского грамматического рода отодвигают женщину на задний план, исключают ее присутствие. Мы, не задумываясь, используем формы мужского грамматического рода для обозначения лиц, пола которых не знаем: к нам пришел на работу новый специалист, в то время как новым специалистом может быть и женщина. Мужской род в данном случае отождествляется с общим.

3. Существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно, то есть для обозначения лиц любого пола (дилер, поэт, менеджер). В данном случае действует механизм «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Так, если имеются в виду учителя и учительницы, достаточно сказать «учителя», студенты и студентки – студенты. Таким образом, согласно феминистской критике языка, в массе случаев женщины вообще игнорируются языком.

4. Фемининность и маскулинность разграничены резко и противопоставлены друг другу, в качественном (положительная и отрицательная оценка) и в количественном (доминирование мужского как общего) отношении, что ведет к образованию гендерных асимметрий.

Эта тематика особенно подробно разработана на материале английского и немецкого языков. Начавшееся позднее изучение гендерной асимметрии

других языков дает основания предполагать неодинаковую степень андроцентризма разных языков [7, 107].

Андроцентризм языка связан с тем, что отражает социальную и культурную специфику общества, в том числе и мужские доминирование, большую ценность мужчины и ограниченную частной сферой деятельность женщины.

По мнению А. Кирилиной, характерологические особенности языка могут рассматриваться также в аспекте гендерной метафоры: «мужественные» и «женственные» языки. (Особенности русского языка соотносимы с метафорой фемининности. То есть ему свойственны (в противоположность маскулинности): эмоциональность (а не рациональность), отсутствие активности, страдательность и т.д.

По мнению Робин Лакофф, речевое поведение женщины по сравнению с мужским отличается неуверенностью на своего партнера. Женщина более внимательно выслушивает мнение собеседника. Мужчины более агрессивны, стремятся в беседе держать ситуацию под контролем, менее склонны к компромиссам. В связи с этим речевой стиль женщины отличается неуверенностью в себе и некомпетентностью, что наносит ущерб её имиджу. Если же женщина начинает использовать «мужские» речевые тактики, то она воспринимается как неженственная, наглая феминистка [11, 69].

Дебора Таннен, анализируя мужские и женские речевые стили, приходит к выводу, что разговор между мужчинами и женщинами представляет коммуникацию противоположных культур. Мужчины и женщины овладевают языком в двух разных мирах (мире мальчиков и мире девочек). Во многих отношениях различия мужского и женского стилей не симметричны. Мужчины и женщины, оказавшись в одной группе, скорее всего начнут говорить в манере более привычной и удобной для мужчин. Оценка тому и другому стилю также дается, как правило, исходя из стандартов мужского стиля, который считается нормой.

А. Вежбицкая в исследовании, посвященном анализу характерологи-

ческих особенностей русского языка, отмечает следующие его черты:

1. «эмоциональность» – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков;

2. «иррациональность» (или «нерациональность») – в противоположность так называемому научному мнению... подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни;

3. «неагентивность» – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица стремящегося к своей цели и пытающегося достичь ее; как контролера событий;

4. любовь к морали – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других, и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям [2, 33-34].

Труды по изучению мужских и женских ассоциаций дают основания предполагать некоторые различия в мужской и женской ассоциативной картине мира.

На современном этапе развития цивилизации ролевые функции женщин и мужчин в обществе испытывают весьма серьезные изменения. Однако люди не учитывают их во взаимоотношениях друг с другом, что и ведет к возникновению проблем, обостряющих гендерно-коммуникативную взаимосвязь.

Одним из результатов развития, так называемой, феминистской лингвистики является подробное изучение зафиксированного в словесной культуре разных наций неравноправия полов, а также создание гендерно нейтральной языковой нормы, кодифицированной в специальных словарях (Dictionaries of Gender-free Usage) с целью преодоления «языко-

вого сексизма». Лингвисты, работающие в этом направлении, ожидают от такого преодоления как минимум повышения уровня взаимопонимания в процессах коммуникации. Кроме того, было установлено, что в условиях языкового сексизма, который иначе можно назвать маскулинным дискурсом, маскулинный гендерный тип является чуть ли не нормой, престижным проявлением полового характера.

Литература:

1. О. Бельчиков, Л.П. Крысин. Социоллингвистика, М., 2002.
2. Вежицкая А., Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. Горошко Е.И. Словарь гендерных терминов. М., Информация – XXI век, 2002, с. 256.
4. Горошко Е.И. Особенности мужской и женской ассоциативной картины мира в русском языке // Weiner Slawistischer Almanach. Munchen. 1997. Band 40.
5. Кирилина А.В. // Словарь ген-

дерных терминов. М., Информация – XXI век, 2002, 256 с.

6. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., Институт социологии РАН, 1999.

7. О.Г. Троицкая. Некоторые проблемы коммуникации с точки зрения гендерного анализа. Ивановский государственный химико-технологический университет. 2000.

8. A.P. Nilsen, ed., Sexism and Language, urbana, III.: National Council of Teachers of English, 1977.

INTERNATIONAL UNION OF COMMERCE AND INDUSTRY

A union of commercial enterprises, businessmen, scientists, public figures and politicians from different countries.

The union combines the social and commercial elements of functioning.

- Promotion of international consolidation and cooperation of business structures
- Promotion of development of commercial businesses of various kinds
- Assistance in settlement of relations and questions of businessmen with each other and with social partners in business environment
- Assistance in development of optimal industrial, financial, commercial and scientific policies in different countries
- Promotion of favorable conditions for business in various countries
- Assistance in every kind of development of all types of commercial, scientific and technical ties of businessmen of different countries with foreign colleagues
- Promotion of international trade turnover widening
- Initiation and development of scientific researches, which support the effective development of businesses and satisfy the economic needs of the society
- Expert evaluation of activities in the field of settlement of commercial disputes, establishment of quality standards and defining of factual qualitative parameters of goods and services
- Legal and consulting promotion of business
- Establishment and development of activities of the international commercial arbitration
- Exhibition activities
- Holding of business and economic forums

Баркаръ У.Я.,
преподаватель
Николаевский
национальный
университет
им. В.А. Сухомлинского,
Украина

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧИСЛА '2' И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

*Статья посвящена исследованию генезиса числа 'два' как понятия и средств выражения его в немецком и украинском языках в сравнении. Авторский подход основывается на понимании первичной бинарности в природе количественных единиц, а уже впоследствии с двоичного понятия образовалось число 'один' как его часть. В результате исследования реконструировано общий пракорень *ie. *k^wa* для обозначения двуединого целого и выведены основные пути развития его дальнейших форм. Кроме того, автором смоделировано семантическое дерево ЛСГ числа '2', общее для обоих языков, которое показывает эволюцию значений производных лексем и морфем.*

Ключевые слова: числительное, два, один, семантика, бинар, двоичность, парная формула, индекс бинарности, индоевропейский праязык, Трипольский субстрат.

*The article is devoted to the genesis of the number 'two' as a concept and the means of its expressing in German and Ukrainian languages in comparison. Authors approach is based on the understanding of the primary binarity in the nature of quantitative units, and afterwards the number 'one' was formed out of a binary concept as a part of it. The study reconstructed the common proto-root *IE. *k^wa* to indicate a twofold whole and deduced the main development path of its further forms. In addition, the author modeled the semantic tree of the lexical-semantic group of number '2', common to both languages, which shows the evolution of meanings of derived lexemes and morphemes.*

Keywords: numeral, two, one, semantics, binar, duality, pair formula, index of binarity, the Indo-European parent language, substrate of Tripoli.

Изучение языка через призму концептов приобретает в современной лингвистике особое значение. Зарождение первых понятий количества и числб, относящихся к фундаментальным категориям человеческого мышления, уходит в историческом плане к глубокой древности и рассматривается многими исследователями как этап становления древнего языка. Несмотря на то, что простые числа относятся к достаточно древнему слою лексики и в целом имеют тождественную семантику в разных языках, исследование их глубинных и специфических значений осуществлено еще не в полном объеме.

Появление в последнее время научных работ, посвященных изучению грамматической категории числа существительных, лексических средств выражения числа и нумеративов, функционирования числительных во фразеологических единицах, определяет вызревание комплексного исследования в понятийной области, которая и предопределяет ту или иную реализацию концепта числа в указанных сферах.

В многочисленных научных тру-

дах первые числа – 'один' и 'два' – рассматриваются во взаимоотношениях, что свидетельствует об их общих истоках при зарождении. Однако различаются мнения ученых о первичности того или иного числа. На сегодняшний день эта проблема остается нерешенной. Наш подход основывается на понимании первичной бинарности в природе количественных единиц, а уже потом с двоичного понятия образовалось число 'один' как его часть.

Первые представления человека о количественных признаках предметов основывались на их внутренней 'двойственности'. Первоначально целостная Вселенная воспринималась набором оппозиций [3], что нашло впоследствии свое отражение в языке, культуре, мифологии и религии разных народов. Двойственное число в противовес единственному и множественному, которые образовались позже, обозначало прежде целостность предмета. Каждый предмет или явление должно было иметь форму бинара – двуединого целого, что составляло основу древнего количественного мышления человека [10; 9].

Бинарность построения общества древних индоевропейцев объясняется в первую очередь дуалистическим характером брачно-семейных отношений [2], а также парной антропометрической симметрией. В мифологии и религии это нашло своё выражение в образовании пантеона парных божеств и культа близнецов, в двойственности как символе полноты.

Современный концепт 'много, очень' сводится по новым исследованиям лингвистов к концепту 'два' [8]. Грамматическая категория двойственного числа называется В. фон Гумбольдтом «коллективным единственным числом» [12]. В славянских языках оно сохранилось до начала XX в., в немецком языке обнаруживаются лишь следы двойственного числа, функционирование которого относится к дописьменному времени. Двойственное число как языковое явление символично и отражает в первую очередь ментальность человека. Утрата им своей символической функции приводит к исчезновению самой субкатегории [5].

На морфологическом уровне языка двойственность проявляется в

7

вая ие. **bhōu* ‘оба’ [14, с. 104]. Этот корень служил основой для образования еще одной лексемы для обозначения числа ‘2’ во многих языках: нем. *beide* < свн. *beide*, *bēde* < двн. *beide*, *bēde*, дсакс. *bēd*, *bēdea* < гот. *bai*, **bos*, *ba*, который Ф. Клюге относит к типу коллективного числительного (ср. также англ. *both*, фриз. *bethe*) [13]; укр. *обоє*, *обидва* < стсл. *оба*, *обѣ* < псл. *oba*, *obě* (ср. рус. *оба*, *обе*, белор. *абое*, пол. *oba*, *obaj*, чеш. *oba*, *obě*, слц. *oba*, *obaja*, влуж. *wobaj*, *wobě*, нлуж. *wobej*, *hobej*, полаб. *vūbē*, слн. *obá*, *obě*); также лит. *abù*, *abì*, прус. *abbai*, лат. *ambō* и т. д. [4, с. 124 - 125].

Переход *dw* > *b* в дальнейшем Ю. Покорный называет лат.-ит. фонетической мутацией [14, с. 784]. Однако формы арм. *erku* ‘два’, *krkin* ‘двойной’, дсканд. *kvistr* ‘ветвь’ (ср. нем. *Zweig*), *kvīsl* ‘расщепленная ветка или инструмент, рукав реки’ (ср. нем. *Zwiesel*) свидетельствуют также о наличии заднеязычного согласного *k* в рассматриваемых формах. Этот языковой факт можно объяснить влиянием на рие. праязык субстрата Трипольского культурного ареала (см. также [7]), вследствие чего могло произойти замещение ие. **k^w* ~ дс. **p* / *b*, **t* / *d* [11, с. 115]. Аналогично вышеуказанному греческий и албанский языки подверглись влиянию Балканского (Кукутень) субстрата, родственного Трипольскому [11, с. 117]. Поэтому, замещённый пракорень **ra-* / **ba-* имеет более древнюю семантику, а именно семантику пракорня **k^wa* для обозначения бинара.

Итак, этимологический анализ позволил нам реконструировать общий пракорень ие. **k^wa* для обозначения двуединого целого, что проявляется в лексемах нем. *beide*, *paar*, укр. *оба*, *пара* и т. п., который после расщепления до ие. **k^w* мог через замещение под влиянием субстрата Триполья дать ие. **dw* [6; 1; 11], правда, уже с эволюцией семантики. Корень ие. **tara-* происходит, очевидно, от ие. **k^wara*, который является вторым членом бинарной оппозиции [10], что объясняет закрепления за указанным формантом семы ‘другой, второй’ и его узуса в качестве порядкового числительного во многих ие. языках. Вместе с тем, рассматривая реализацию двуединой бинарной оппозиции для обозначения самого человека в виде корня ие. **k^wa*, В. Г. Таранец выводит противопоставление ие. **k^wina* / **k^wero* со значением ‘женщина / мужчина’ [10], что буквально можно интерпретировать как ‘первая / второй’. Поэтому формант ие. **ter-* / **tar-* реализуется суффиксально для обозначения человека, как в терминах родства (напр. нем. *Vater*, *Mutter*, *Tochter*, *Schwester*, *Bruder*) или деятеля, а также в существительных, обозначающих древние и современные профессии человека (нем. *Wächter*, *Schneider*, *Schryder*, укр. *плагатар*, *бондар*, *гончар* и т. д.).

Следовательно, основной путь развития языковых форм для обозначения числа ‘2’ можно представить, по нашему мнению, в таком виде (рис. 1).

Реализация рассмотренных корней в различных производных морфемных элементах представлена в следующем семантическом дереве (рис. 2).

Таким образом, наблюдается первичность бинара, или числа ‘2’, из которого впоследствии образовалось ‘1’ как число и как понятие (об этом также свидетельствует у некоторых народов счет ‘двойками’ как первичный, а не ‘единицами’). Увеличение по нашим данным частотности употребления корня **duo-* с семантикой деления в обоих языках свидетельствует о стабильном закреплении его в функции языковой реализации числа ‘2’, с одной стороны, а также о продолжении отхода от бинарного мышления и от бинара-концепта как такового. Незначительное увеличение частотности употребляемости корня **ba-* в немецком языке может свидетельствовать о потенциальном постепенном возвращении немецкого языка к доминирующему бинаризму в концептосфере, что на данный момент в украинском языке на ментальной сфере проявляется больше. Этот и другие факты данного исследования позволяют предположить, что украинский и немецкий языки находятся на разных витках спирали своего развития, в любом случае украинский язык проходит это развитие медленнее, из-за чего мы находим в нём много архаических остатков именно на лексико-семантическом уровне, в немецком же языке они уже, как правило, вытеснены на уровень грамматико-морфологический и почти стерты понятийно.

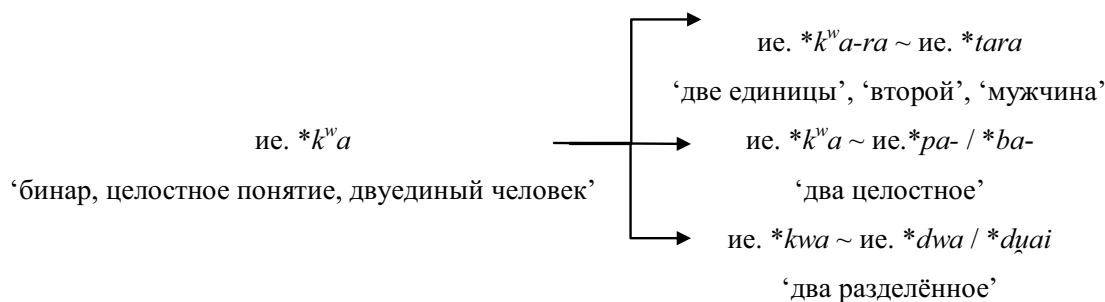

Рис. 1.

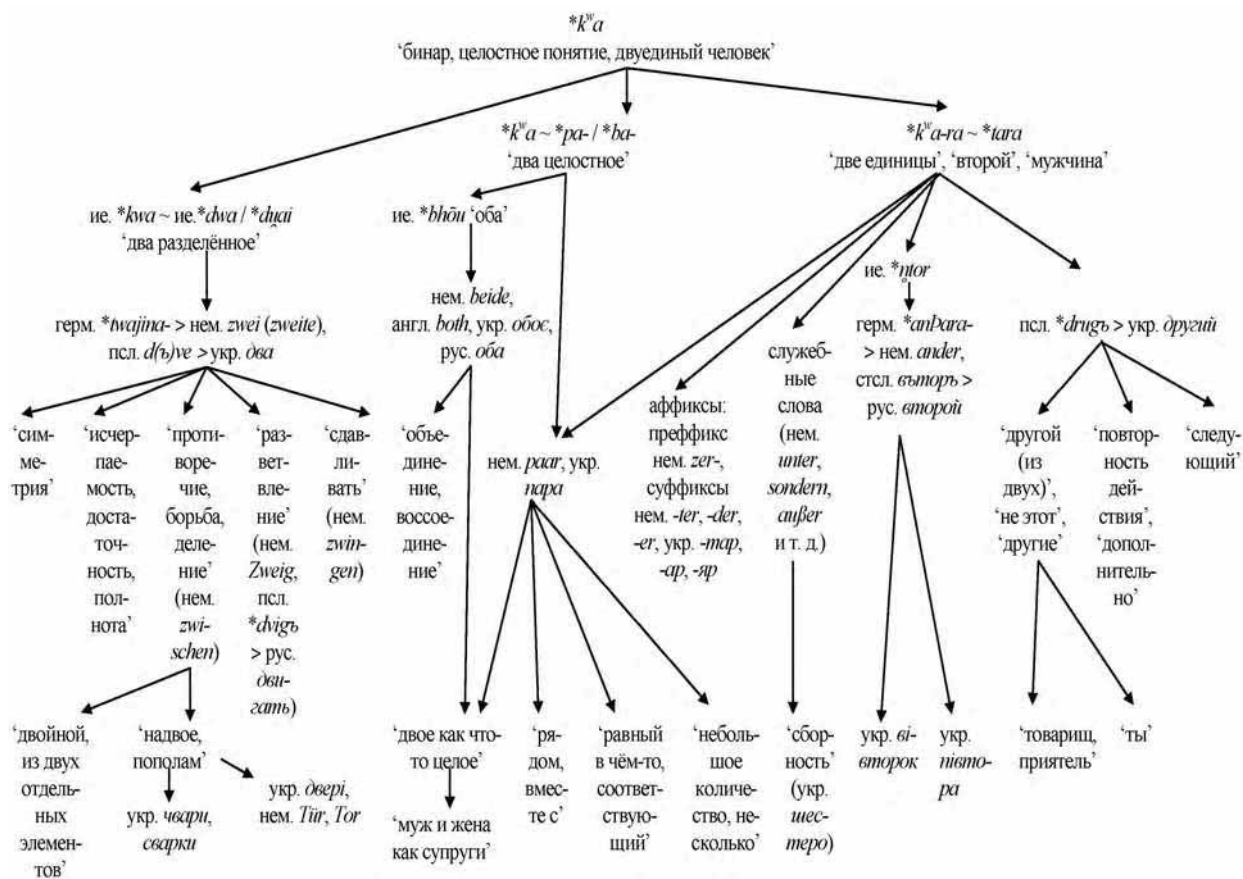

Рис. 2. Семантическое дерево ЛСГ числа '2'

Литература:

1. Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык / Николай Дмитриевич Андреев. – Л.: «Наука», 1986. – 328 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ – М.: Изд-во АН СССР. – 1963. – Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 391 с.
3. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2-х т. / Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Т. 1–2. – 1332 с.
4. Етимологічний словник української мови: в 7-ми т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; [редкол. О.С. Мельничук та ін.]. – К.: Наук. думка. – Т. 4: Н – П. – 2003. – 656 с.
5. Жолобов О.Ф., Крысько В.Б. Двойственное число (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II) / О.Ф. Жолобов; [под ред. В. Б. Крысько]. – М.: Азбуковник, 2001. – 236 с.
6. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Антуан Мейе. – М. – Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – 510 с.
7. Мосенкіс Ю.Л. Українська мова у Євразійському просторі: трипільська генеза милозвучності та віддалені родинні зв'язки / Юрій Леонідович Мосенкіс. – К.: А + С, 2006. – 224 с.
8. Слободцова І.В. Лексико-граматична група слів, яка виражає поняття viel "багато" / wenig "мало" в німецькій мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.В. Слободцова. – Одеса, 2001. – 19 с.
9. Таранець В.Г. Діахронія мови: Збірка статей / Валентин Григорович Таранець; [за заг. ред. проф. Л.М. Голубенко]. – Одеса: Друкарський дім, 2008. – 232 с.
10. Таранець В.Г. Походження поняття числа і його мовної реалізації (до витоків індоевропейської прамо-ви) / Валентин Григорович Таранець. – Одеса: Астропринт, 1999. – 116 с.
11. Таранець В.Г. Трипільський субстрат: Походження давньоєвропейських мов / Валентин Григорович Таранець. – Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2009. – 276 с.
12. Humboldt W. Ueber den Dualis / Wilhelm von Humboldt // Gesammelte Werke: In 7 Bänden. – Berlin: G. Reimer, 1848. – Bd. 6. – 630 S.
13. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Електронний ресурс] / Friedrich Kluge; [bearbeitet von Elmar Seebold]; 24. Auflage. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2002. – CD-ROM. – Назва з титул. екрану.
14. Proto-Indo-European Etymological Dictionary: A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch [Електронний ресурс] / [ред. А. Lubotsky]. – DNGHU ADSOQIATION – INDO-EUROPEAN LANGUAGE ASSOCIATION, 2007. – 3441 с. – Назва з титул. екрану.

Хамзе Д., ассистент,
преп. польского языка
Пловдивский
университет им. Паисия
Хилендарского,
Болгария

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СПЕКТР ПАРОДИИ

В настоящем исследовании делается попытка новой дефиниции понятия пародия, подчеркиваются новые квалификации пародии в прагматическом ракурсе, терминологический аппарат обогащается новыми предложениями в перспективе комплекса речевых актов, модифицируются и уточняются некоторые установленные характеристики категории. Подчеркивается генетическое родство иронии с пародией.

Ключевые слова: пародия, прагматика, речевые акты, сравнение, повторение, негация, оценочность.

This survey is an attempt to redefine the concept of parody, new qualifiers of parody are put forth from a pragmatic point of view, new proposals are added to the terminological tools within the scope of the set of speech acts, and some well established characteristics of this category are further refined. The generic relatedness between irony and parody is highlighted.

Keywords: parody, pragmatics, speech acts, comparison, repetition, negation, evaluation.

1.0. Попытки дефинирования и категоризации пародии

1.1. Предложенные специализированными словарями и энциклопедиями определения пародии не удовлетворительны – они слишком неточные, односторонние и периферийные, не отражают подлинную суть категории и не очерчивают ее стратегию. Можно даже сказать, что они искажают ее природу и умаляют ее цели. В итоге пародия отождествляется с другими проявлениями комического или смешного.

Пародия эстетическими средствами выражает свое критическое отношение к объекту – подражая ему, она как будто его восхваляет. Сама пародия тоже может оказаться в „ироническом” положении – когда, доходя до эксцессии, канонизируется как *интертекстуальная норма*. Тогда она превращается в свое собственное отрицание – начинает пародировать саму себя. В ней можно уловить и автоиронию – „я уменьшаюсь, унижаюсь, чтобы блеснул ты, чтобы я представил тебя в полном блеске”.

И. Паси и С. Янев квалифицируют пародию как мироощущение, что, на наш взгляд, является приоритетом иронии, а пародия – одна из форм его проявления (Паси 1979, Янев 1989). Пародия похожа на развернутое эмпирическое доказательство иронического отношения. Справедливым является мнение Исака Паси (оно полностью совпадает с нашим) о *нежанровой природе* пародии. Ученый не раз подчеркивает: „Юмор, пародия, ирония не совпадают и со структурными особенностями литературных родов и видов, они есть „духовные” формы смешного и понятны в их идейной на-

правленности и эмоциональном тоне” (Паси 1979: 192); „*Не существует рода (жанра) пародии. Пародия – принцип или отношение, доступное различным видам и родам искусства*” (Паси 1979: 194).

1.2. Этимология слова ‘пародия’ ассоциируется с ее эстетической природой. Корень ‘odos’ греческого термина означает ‘песня’. Приставка ‘para’ имеет два противоположных значения: 1. ‘против’, ‘анти’, следовательно, категория может быть интерпретирована как антипесня в смысле противопоставления по отношению к оригиналу; 2. ‘до, при’, означающие близость, соседство. Оба семантических пласта раскрывают оппозитивную структуру категории как *подражания и отвергания*.

Пародия – одна из древнейших техник комического для осмеяния анахронических ритуалов, обрядовых действий, прочных конвенций. Ее диалогический характер отсылает нас к теории Аристотеля об искусстве как вторичном отражении действительности. Еще на этом этапе очерчивается оппозиция: художественное творчество как секундарная проекция – мимесис как прямое отражение объективного мира. Пародия – в точке пересечения двух типов отражения. Н. Боало акцентирует на контрасте между ничтожным содержанием и возвышенным стилем и указывает на основные приметы пародии:

1. Неизбежное наличие оригинала;
2. Неизменная связь серьезного с несерьезным;
3. Смеховой эффект.

Т. Манн отмечает, что культура и пародия стали слишком родственными

понятиями. Ал. Береза выявляет два типа пародии, утвердившиеся в литературно-теоретическом пространстве: 1) как кодифицированное жанровое образование и 2) как функция, подчиненная особенностям других жанров. Польский исследователь не разделяет точку зрения, касающуюся первого типа пародии; сам он придерживается второго взгляда – о беспрекословной жанровой подвластности пародии по отношению к исходному тексту.

Структурная пародийная оппозиция выражается в:

1. имитации оригинала;
2. окарикатуривании оригинала.

В своем глубоком и обстоятельном исследовании *Пародия в литературе* С. Янев дефинирует пародию как серьезную претензию несерьезного отношения к серьезному или несерьезному искусству и/или знаковым формам (взглядам, нравам, качествам, событиям, личностям) жизни (Янев 1989). Иронические интенции, дающие жизнь пародии, превращаются в ее собственные пародийные интенции. Она заимствует их у своего прототипа – иронии. В схематическом виде эта дефиниция представлена следующим образом:

1. Пародия есть отношение;
2. Отношение к искусству;
3. Отношение к жизни и, точнее – к знаковым формам жизни;
4. В комплексе отношений творческого субъекта она является выражением художественного мироотношения (Янев 1989: 43).

1.3. Специфика литературной пародии как отражения (оригинала) профилирует ее на фоне остальных двух комом – иронии и гротеска. Ирония

тоже является вторичным отражением, сжатым до объема аббревиатуры, но для пародии это сущностная характеристика. Гротеск – пластическое отражение авторского видения. По сравнению с иронией, пародия менее свободна. В неоспоримом сходстве с ней (делает вид, что заискивает, а на самом деле упрекает, отвергает) улавливаются и различия. Она не так констативно категорична, как ирония, и ее модальная доминанта на поверхностном уровне – это псевдозаискивание, нередко усиливается (что, кстати, наблюдается и при иронии) восторженной похвалой. Пародия симулирует адекватное отношение к чему-либо, превращаемое ей самой в неадекватное. Эта мимикрия роднит ее больше с гипертрофированным сравнением, чем с метафорой или конверсивной метонимией (как это наблюдается при иронии). В рамках пародии дистанция между двумя планами (поверхностным и глубинным) сокращается благодаря *повторению* как основному пародийному принципу, в результате чего категория становится более легко узнаваемой. Ее идентификация облегчена карикатурным подражанием объекту, но сам он трудно распознаваем, т. е. мы интуитивно улавливаем пародийную цель, но без богатой эрудиции в соответствующей области нам не удалось бы определить, какое именно произведение пародируется. Дешифрованная пародия создает впечатление большей эффективности ее *коррективно-конструктивных функций*. По сравнению с иронией, пародия более динамична и зависима в *темпоральном отношении* – она тесно связана с конкретным произведением, с его временными параметрами, а также с темпоральной маркированностью позиции своего автора, которая служит эталоном критикуемого объекта. Ирония как будто вневременная константа. Она является эмблемой темпоральной статики и соизмеряется с вечностью. Гротеск также словно останавливает время; в одном отрезке мира он концентрирует всю вечность.

Ирония представляет собой прежде всего выражение мироощущения,

философского мироотношения, и это является ее имманентной чертой. На наш взгляд, мироощущенческая позиция при пародии проявляется как *результативная*, она как будто обретает плоть с возрастанием пародийного объема. Направление движения обеих категорий как взгляда на мир противоположное. Ирония есть максимальная редукция, „апофтегма” этого изначального взгляда, а пародия словно собирает его постепенно и достигает его аккумулятивным путем. Ирония имеет в качестве исходной точки свой экзистенциальный статус, от которого идет к конкретной своей реализации в языке. Пародия, наоборот, имеет в качестве исходной точки конкретный жест, гримасу, слово, чтобы прийти в конце пути к эпистемологической генерализации. Мы могли бы дефинировать пародию еще следующим образом:

Пародия не жанр и не стиль; это вид критической, карикатурно-критической интерпретации, осуществляемой посредством негативного подражания выбранному объекту (художественному произведению, жанру, мыслительной, поведенческой или культурологической модели), в ходе которой выкристаллизовывается и утверждается ментальная и оценочная идейно-эстетическая позиция автора-пародиста.

1.4. Что касается *жанровой спецификации*, пародия только утверждает основные жанровые и видовые черты оригинала (эпики или лирики, прозы или поэзии, присутствия или отсутствия рассказчика), в то время как в композиционном отношении она обычно меняет очередность идентифицированных элементов и связи между ними, но не меняет композиционную архитектуру в целом: пародийный вариант стихотворения польского поэта М. Бялошевского „*Ballada o wyjściu na stronę w Zgierz*”¹ (Бялошевски 1957: 111) звучит так: „*Ballada o zejściu do sklepu*”² (Зехентер 1960: 85–87).

1.5. С. Янев различает два типа пародии: *фундаментальную* – как искусство (жанр в искусстве), у которого преобладающая деструктивная функ-

ция, и *всеобъемлющую* – как мироотношение. По его мнению, это не означает, что фундаментальная пародия не выражает его, но она оперирует чужим мироотношением – мироотношением объема серьезного или несерьезного искусства, которое она взяла на прицел. Всеобъемлющая пародия содержит личное мироотношение. При ней пародирующее обычно пародирует само себя. На наш взгляд, здесь пародия есть карнавализованная ирония, а самопародирование напоминает инсценированную самоиронию. Несмотря на то, что оперирует чужим мироотношением, фундаментальная пародия тоже является выражением индивидуального мировосприятия, поскольку выбор пародийного объекта и пародийного подхода на самом деле представляет собой выражение мироощущенческих и эстетических позиций, а оперирование чужим мироощущением является одной из форм непрямого выражения своего видения мира. Следовательно, признак „мироотношение” не может быть дистинктивным для обоих типов пародии, а каждый художественно-критический подход к объекту деструктивен и в то же время перспективно неоконструктивен, реструктурирующий. Любая фундаментальная пародия – это исходный пункт, начальный толчок для пародирования чего-либо глобального: нравов, общественных форм и взаимоотношений, ментальных, эмоциональных, эстетических и поведенческих стереотипов, идейно-мироощущенческих позиций. Каждая фундаментальная пародия может перерасти во всеобъемлющую, а это и есть в сущности развернутая ирония к миру. Самопародирование в свою очередь является выражением самоиронии. Пародийный эффект комплементарен – он обусловлен интерференцией пародии и других категорий комического. Пародия может быть средством выражения всеобъемлющей иронии, а на уровне текста ирония, как и гротеск, могут быть языковыми средствами пародирования. Что касается терминов (фундаментальная, всеобъемлющая пародия), мы считаем, что они неточны. Фундаментальная пародия

1 „Балада за отклонението в Згеж” (перев. мой – Д. Х.) (рус. „Баллада об отклонении в Згеж”)

2 „Балада за отбиването в магазина” (перев. мой – Д. Х.) (рус. „Баллада о заходе в магазин”)

скорее ассоциируется с отношением к знаковым формам жизни, именно она выглядит более широким и объемлющим понятием, иллюстрирующим позицию относительно онтологично-экзистенциальных данностей, в то время как всеобъемлющая пародия связывается в нашем сознании с одновременным всеобъемлющим пародированием всего существующего. Вместо фундаментальной пародии мы предлагаем незамысловатый термин *литературная пародия*, а вместо всеобъемлющей – термин *онтологическая* (или даже фундаментальная).

Исак Паси предлагает разграничивать три преобладающих типа пародии:

1. пародия на *художественные произведения*;
2. пародия на *исторических героев*;
3. пародия на *идеи* (Паси 1979: 221).

Важно отметить, что пародия не всегда вызывает деградацию пародированного текста, не всегда имеет целью компрометировать его. В некоторых случаях автор использует пародийные методы, чтобы проникнуть в современные формы письма и оценить их в свете позитивных требований исторических структур.

Б. Алеман называет пародию *формально-языковым аспектом иронии*, стилистическим принципом (старательной, но преувеличенной имитацией оригинала) (Алеман 2002). Анализируя пародийное, В. Карер очерчивает трихотомию *пародист – оригинал – пародия*, а также оппозицию *процесс – состояние* (пародия = процесс; оригинал = состояние) (Карер 1988: 71). Это наблюдение подтверждает наш тезис о *темпоральном континууме* пародии. Ю. Тынянов определяет пародийность как принятие пародийных форм в непародийных функциях и отмечает, что акцентирование на смешной стороне чувствительно сужает объем категории и исключает из него огромную часть пародийных произведений (Тынянов 1988). Кроме того, можно пародировать не только конкретное произведение, а целый жанр или литературное направление. Важнейшее условие для конструирования пародийного образа – это *лите-*

ратурный трансфер, т.е. перенесение образа из одной системы в другую.

2.0. Связь пародии с категориями *сравнение, метафора, повторение, негация*

2.1. *Метафоричность* в рамках пародии может быть зависимой от метафоричности в оригинале. Она представляет собой ее ироническое повторение или ассоциативное порождение другого метафорического образа, который генетически связан с первым и надстраивает его. Таким образом, формируется общая метафорическая территория, роднящая оригинал и пародию как совмещенные сосуды, с двумя метафорически акцентированными зонами. Пародия, однако, может создавать и свою метафору как средство пародирования. Сопоставляя пародию и гротеск, Ал. Береза улавливает разницу между двумя категориями, но не выявляет специфику их метафоричности. Польский ученый только указывает на метафору, как на их общую семантему (*tertium comparationis*) (Береза 1982).

2.2. *Сравнение*, которое является конструктивной категорией для всех трех комм (иронии, пародии, гротеска), рельефнее всего выделяется при пародии в силу обязательного присутствия оригинала. Оно есть ее смыслопорождающий и структурообразующий фактор. Оценочная суть выражается в непрерывном критическом сравнении пародируемого с пародирующим. Компаративный процесс сопутствует креативному, а сравнение проявляется на двух уровнях: 1) как исходный пункт для пародийных операций – выбор пародийного объекта и 2) как одновременное сопоставление пародирующего с оригинальным произведением. Если у читателя солидные познания, он не лишен шанса идентифицировать произведение, ставшее мишенью пародийной интервенции, причем благодаря ассоциативному сравнению, которое в данном случае играет роль пародийного индекса. Аксиологическая специфика пародии ассоциируется со сравнением как источником оценочности, проявляющейся в негативной идентификации как пародийном методе.

Сравнение – генеративный компонент в глубинной структуре ко-

мем. Оно является первым шагом к *оценочности* как эмоциональной производной. В своей статье „Пародия как вид аксиологического текста” Д. Станишева также определяет пародию как оценочную категорию, значимость которой выражается в следующих функциях: а) координирующей (между человеком и миром объектов); б) стимулирующей (направляющей); в) дидактической; г) регулирующей (или прескриптивной). Мы бы добавили еще три функции: д) эмотивную; е) инфлюативную (оказывающую влияние) и ж) эстетическую. Станишева отмечает исключительное коммуникативное разнообразие оценочных иллюзий в глубинной структуре, имеющих эмоциональное происхождение. Она акцентирует на том обстоятельстве, что в пародии (на поверхностном уровне) не используются оценочные предикативы (в отличие от иронии), выражающие отношение автора-пародиста к художественному произведению (Станишева 1994). Пародия латентно содержит оценку, понятную лишь при условии, что адресат знает пародируемый текст.

Оценочность проявляется в двух направлениях: *идентификации* и *негации*, условно обособленных и разграниченных, но на практике наслаивающихся друг на друга до полного слияния. В пародийном тексте идентификация синхронизируется с негацией, реализуется посредством нее и ради нее. Идентификация при пародировании не означает тождество с оригиналом, а высокую степень подобия, что является результатом сравнения. Оно – важный элемент рецептивного инструментария адресата, так как побуждает его к непрерывному сравнению исходного текста с пародией на него. Сравнение проявляется и в степени приближения к оригиналу, которая свидетельствует о более близкой или более дальней идентификации. В принципе, пародия пространственно аппроксимативна по отношению к исходному тексту, несмотря на изменение отдельных фрагментов, порядка в композиции, контекста и его функции. Градация по ценности („Раз я тебя пародирую, значит твоё творение имеет более низкую ценность по сравнению с примерным этало-

ном, с тем, чем ты можешь быть, или с тем, что мог бы тебе показать или написать я, если бы был на твоём месте”) тоже является функцией сравнения. Пародия – плод предпочтения и выбора как результата предварительного сравнения и градации.

Идентификация – имманентная черта пародии, задача которой состоит в том, чтобы создать текст по образцу пародируемого произведения, но отличающийся карикатурной окраской и новыми внушениями. Идентификация, которая сверяет адрес пародии, есть функция подражания, рождающего подобие, а оно продолжает стилизовать сравнение.

Удобным идентификационным средством пародирования может служить *многозначность слова*, предлагающая разнообразные пародийные возможности. Например, в пародиях В. Зехентера появляются сразу четыре значения слова „*ważka*” (стрекоза): *ważka* – *owad* (насекомое), *ważki* – *male wagi* (небольшие веса), *ważyć się* – *mieć odwagę* (проявлять смелость, осмеливаться), *ważki* – *doniosły* (исключительно важный, существенный, решающий) (Зехентер 1960). Пародируя Б. Лешмяна (Лешмян 1955: 36, 39, 46, 57, 59), А. Свиначски сохраняет знаменитые экстравагантные *неологизмы* поэта (напр. *ksobny* – „всибен”, рус. „поглощенный собой”), вводит и его фантастические творения – *Dusiolka*, *Świdryga* i *Midryga*³ (Свиначски 1955: 43–44). Этот пародийный прием, следовательно, выражается в идентификации лексики и реквизитов. В то же время, однако, по модели неологизмов Лешмяна пародист создает новые: *złpić się*, *bezdno*, *zudzić*⁴. Чтобы не остались в одиночестве *Świdryga* и *Midryga*, он добавляет *Wisiołka*, *Koszalka z Opalkiem*⁵ и др. Наряду с идентификацией лексики и реквизитов, реализуется и идентификация стиля.

2.3. *Повторение* тоже есть функция компаративного усилия. Подобие – это вид повторения. Человек на „реактивной скорости пробегает” путь

сравнения, чтобы остановиться (чтобы выбрать) на том же (исходном): „сравниваю тебя с чем-то другим или ни с чем, чтобы понять, что мне надо тебя повторить (выделить тебя снова)”. Д. Станишева отмечает, что замена элементов оригинала – одно из проявлений пародии как аксиологического текста, совершается или по принципу подобия, или по принципу эмоциональной интенсификации качеств пародируемого произведения, или же путем увеличения их числа (Станишева 1994). Мы считаем, что все это – вариации повторения.

2.4. *Негация* как первопричина, первооснование и движущая идейно-эстетическая сила комикса является ярчайшей репрезентантой пародии как преимущественно оценочной категории. Она тоже есть компаративная производная – чтобы установить, что одна вещь **не** такая, как другая вещь, мы должны сравнить обе вещи, а вторая вещь как отрицание первой тоже является ее повторением, только с обратным знаком. Негация – *двойное повторение* (повторение повторения): первое – это идентификация, которая должна сделать пародируемый объект распознаваемым, второе – негативная идентификация, с целью отрицать, отвергнуть, разоблачить оригинал. Это разделение двух оценочных фаз вполне условно, так как они практически сливаются и нерасчленимы. Негативная интенция пародийного подхода маркирует идентификацию отрицательным знаком. Негация представлена *двойной оппозицией*: между пародией и пародируемым произведением; между элементами, репрезентирующими в пародии элементы оригинала, и элементами, служащими для их отрицания.

3.0. Пародия в прагматическом аспекте

3.1. Пародия и референтность

Что касается референтности, как контекстуально зависимой или независимой языковой отсылки к лицам, предметам и событиям, ирония и пародия обладают более прямой, более

ясной и конкретной референцией по сравнению с гротеском как синкретическим и экстремным для стандартно думающего реципиента языковым изображением целой констелляции отношений, представляемых объектом-символом. Пародия представляет собой *тройную референцию*: указание на оригинал, *непрямое и результативное отношение к самому пародисту* (автореференция) с подчеркиванием его собственной позиции – мироощущения, оснований для пародирования, и *глобальную ориентацию* – на *действительность*, как на источник негативных, критикогенных явлений. Автореференция способствует неидентификации, оценочному „переподтверждению” личности пародиста, сильно напоминающему *автономию* Р. Барта, которая в самую пору пародии и словно подчеркивает вклад пародийного автора: „*Таинственна и энигматична та копия, которая оторвана от оригинала и в то же время воспроизводит и переворачивает его: она может воспроизводить лишь переворачивая, нарушая бесконечную череду подобиий*” (Барт 2005: 60, пер. мой – Д. Х.).

3.2. Пародия и дистанция

Концепция дистанции представляет отношение между субъектом и миром посредством сообщения. В случае максимальной дистанции субъект воспринимает (точнее, оценивает) свое сообщение как интегральную часть, различную от него самого. Минимальная дистанция показывает, что за сообщение берет полную ответственность говорящий. Составитель иронического сообщения в качестве ироника редуцирует максимально дистанцию между собой и миром, беря на себя полную ответственность за содержание сообщения, несмотря на то, воспринято ли оно как буквальное или как иносказательное (т. е. распознано ли как ироническое) послание: „*Ты велик!*” (презумпция: „*Ты невыносим! Ничтожество!*”). Что касается дистанции между автором и адресатом, кажущийся близким

3 Душилка (от сущ. им. *душа* и глагола *душа* (рус. *душить*), Свредлилка (рус. Сверлилка) и Глезалка (рус. Баловалка) (перев. мой – Д. Х.)

4 слъжна се (рус. попасться на удочку), бездно (рус. бездна), бедротегна (от *бедро* и *дотегна*) (рус. бедрокучать, от *бедро* и *докучать*) (перев. мой – Д. Х.)

5 Висалка (рус. Виселка), Кошалка с Трескалки (рус. Лукошко с Щепками) (перев. мой – Д. Х.)

контакт между коммуникантами, „заверенный” дейктическими маркерами (чаще всего личными местоимениями, как в указанном выше примере) в поверхностном пласте, имплицитно максимальной дистанции от сказанного, которая может сократиться при прочтении иронии, но может и сохраниться, если адресату не удастся ее декодировать. Очевидно, дистанция – многоаспектное понятие, и пародия лучше всего показывает это, создавая несколько видов дистанции:

1. дистанцию между *пародистом* и *пародийным объектом* – минимальную как степень приближения к оригиналу и максимальную как отношение (= несогласие, неприятие) к нему. Мы должны уточнить, что имеем в виду классическую пародию, поскольку перспективная тенденция, очерчиваемая определенным типом литературы как пародийный объект, встречает скорее одобрение пародиста и порождает конструктивную пародию.

2. дистанцию между *пародийным автором* и *его собственным сообщением* (упомянутая выше дистанция). Для всех трех категорий комического характерна минимальная дистанция, потому что автор берет на себя полную ответственность за свое сообщение.

3. дистанцию между *автором* и *адресатом*, который раздваивается на: пародируемого автора и нейтрального реципиента пародии (читателя). Дистанция между пародистом и пародируемым автором минимальная – зная отлично собственное произведение, адресат не может не заметить его сознательное искажение и компрометацию – тогда средства выражения пародии превращают ее в ключ для ее же дешифровки, в ее семантический индекс, причем далеко более прозрачный и недвусмысленный, чем иронический. В данном случае пародия, которая может быть классифицирована как *парафрастическая ирония*, действительно напоминает иронию, гарантирующую свою собственную дешифровку. Автор словно снимает дистанцию, ставя себя на место пародируемого автора и говоря от его лица. Если адресат пародии – неискушенный читатель, являющийся тре-

тым коммуникантом в литературном диалоге, и он не знает пародируемый объект (исходный текст), дистанция максимальная и трудно преодолимая. Он мог бы воспринять пародию как оригинальное юмористическое, остроумное, чертовски задорное или сатирическое произведение самого пародиста, без опорной конструкции. Если, однако, у читателя есть солидные познания, он не лишен шанса идентифицировать произведение, ставшее объектом пародийной интервенции, причем благодаря *ассоциативному сравнению*, которое в данном случае играет роль пародийного индекса. *Ирония* – прямое название объекта, но с обратным знаком, т. е. интенционально она есть призыв к иносказательному толкованию и представляет собой *прямую иносказательность*; *пародия* есть *двойная иносказательность* (иносказательная иносказательность): иносказательное указание на объект (непрямое название его) и иносказательное принижение значимости объекта. Поэтому пародия не формулирует прямых оценочных предикатов. Ее диалогичность тоже не прямая, за исключением тех случаев, когда автор пародируемого текста толкует ее как прямой вызов на словесный поединок. В данном случае у нее повышенная диалогическая температура.

3.3. Пародия и иллокуция (речевые акты)

Сходство в семантических матрицах иронии и пародии бесспорно (см. Хамзе 2012: 43–44, Хамзе 2013: 62–66), с некоторым нюансом различия, выражающегося в том, что при иронии мы говорим обратное тому, что думаем, а при пародии якобы принимаем то, что на самом деле отвергаем. Наличие оригинала как объекта критики обязывает нас соблюдать общепринятые нормы, определенный текстуальный регламент, хотя и с обратным знаком. Вот почему пародии часто неосновательно приписывают жанрообразующие функции, но в сущности она не имеет статуса жанра, а лишь повторяет жанр оригинала, придавая ему пародийную окраску. Импликация показывает, что главная роль в аксиологических подступах пародиста достается *сравнению*. Еще на

этапе протопародийных исканий оно порождает предпочтение и соответственно выбор объекта.

Предлагаем следующую импликационную версию пародии:

Импликация пародии

X пародирует Y

говору: Ты есть добро. Я такой, как ты. (**Не** думаю то, что говорю).

думаю: Я **не** такой, как ты. Ты **не** есть добро (Ты **не** то, что я говорю).

хочу: *чтоб ты понял* то, что я думаю,

чтоб ты знал, что ты можешь быть тем, что я говорю (быть чем-то добрым),

чтоб ты стал таким, каким я тебя называю (добром).

Аналитический кондиционал в болгарском языке также мог бы выступать в качестве пародийного средства для выражения негативной позиции посредством пересказывательных форм для двух основных времен (настоящего и прошедшего) – *тийвал съм аз* (мол, выпивал я), и особенно посредством форм для усиленного пересказа: *тийвал съм бил* (дескать, я выпивал) (см. Костадинова-Хамзе 1999: 101). Здесь ирония и пародия переплетаются. В коммуникативном диалоге первична ирония, которая присутствует имплицитно в реакции адресата и мотивирует его перлокутивное послание. Следовательно, ответ превращает его из адресата направленной на него иронии в предыдущем речевом акте в автора пародийного коммуниката в следующем. Таким образом, субъект становится бифункциональным – из адресата иронических интенций он превращается в автора пародийных. В данном случае ирония порождает пародию, а перлокуция превращается в новую иллокуцию. Карикатурное повторение иронического вызова (провокатив) материализуется в пародийное раздражение (ирритатив).

Локутивный спектр в плоскости коммуникантов при пародии слишком много напоминает иронический и может быть представлен следующим образом – в поле автора материализуются следующие иллокутивные акты: 1) *негативная ассерция*; 2) *эвокатив, провокатив*; 3) *экспрессив*; 4) *инфлюатив* (оказание влияния). В поле аудитора перлокутивные акты могут

быть следующими: 1) *алакритив* (готовность приятия послания); 2) *волетив* (неприятие критики: „Не критикуй меня! И не вздумай надо мной смеяться, выставлять меня на посмеище!“); 3) *экспрессив* (ирритатив (раздражение)), *контрапровокатив*, *менасив* (угроза): „Я тебе покажу, я ж тоже тебя буду пародировать!“); 4) *акордатив* (консентив – согласие); 5) *рекнесив* (признательность). Относительно иллюкутивных актов мы предлагаем специализированную терминологию по модели терминологического аппарата, использованного в монографии Ст. Димитровой *Лингвистическая прагматика* (Димитрова 2009).

Если надо обобщить иллюкутивный спектр пародии и символически представить ее как один-единственный, синтетический речевой акт, самым подходящим был бы *экспозитив* как квазичитата (или парафразированная цитата) оригинала – тоже функция повторения.

Проведенные рассуждения приводят к следующим выводам:

1. Как прямая производная иронии, пародия в большой степени ее повторяет: наряду с ассертивной модальностью, в ней в качестве доминанты выступает модальность заискивания (псевдофлативная модальность).

2. Сокращенная дистанция между поверхностным и глубинным планами пародии, благодаря карикатурному повторению оригинала, делает ее более легко распознаваемой, чем ирония, при условии, что адресат обладает богатой гуманитарной культурой.

3. Пародия более динамична и более сильно обязана в темпоральном отношении (ввиду того обстоятельства, что она основывается на конкретном произведении), что создает впечатление о большей эффективности ее коррективно-конструктивной функции.

4. Иронические импульсы как предыстория пародии превращаются в ее собственные пародийные импульсы.

5. Что касается мироощущенческой позиции автора, в отличие от иронии, сужающей ее до апофегмы, пародия воссоздает ее постепенно, „реставрирует“ шаг за шагом на про-

тяжении всего произведения. Это уподобляет пародию развернутой иронии, пропитывающей насквозь весь текст, что создает и иллюзорное впечатление об отдельном пародийном жанре.

6. Литературная пародия функционирует как средство выражения онтологической пародии, а не как член дихотомии. Между двумя типами пародии существует реципрокная зависимость: онтологическая пародия порождает литературную, а она в свою очередь становится ее парафразой.

7. Пародия иллюстрирует рельефно интеграцию и интеракцию между категориями комического. Пародийный эффект комплементарен – пародию можно рассматривать как средство выражения глобальной иронии, а на уровне текста ирония и гротеск могут функционировать как средство выражения пародии.

8. В отличие от иронии, являющейся прямой иносказательностью (прямо назван объект, который оценивается не напрямую), пародия есть двойная иносказательность – иносказательно указывается оцениваемый не напрямую объект;

9. Импликатурные модели иронии и пародии слишком похожи, с известным нюансом различия, выражающегося в том, что при иронии мы говорим обратное тому, что думаем, а при пародии якобы принимаем то, что на самом деле отвергаем. Вот почему ирония напоминает больше метафору, а пародия похожа скорее на гипертрофированное сравнение. Локутивный спектр в плоскости коммуникантов слишком разнообразен, но может быть обобщен и представлен как один синтетично-символический акт – *экспозитив*.

10. Пародийная стратегия не только критическая и осудительная. *Юритативу* (Осудительности) сопутствует *адхортатив* (поощрительность), подсказывающий положительные стороны и стимулирующий их развитие.

11. Более короткая дистанция до пародийного объекта мобилизует и поощряет пародиста не щадить адресата. Она свидетельствует о „настаивании“ пародиста, чтобы его пародийная стратегия была идентифицирована. Это делает индекс пародии более прозрачным. При иронии положение

обстоит по-иному – ироник не всегда настаивает на том, чтобы адресат декодировал его ироническую интенцию. Иногда цель иронизирующего – убедить самого себя в аутентичности и точности своих наблюдений и извлечь удовлетворение, которое позволило бы ему утвердить свое духовное превосходство (в том числе и в качестве объекта самоиронии) и укрепиться инкогнито в своем „наблюдательном пункте“.

12. Сравнение как ключевая репрезентативная пародии, стимулируя творческое начало у коммуникантов, выявляет креативность языка как одну из его основных функций.

13. В пародии оценочность проявляется посредством идентификации и негации, которые наслаиваются друг на друга и иллюстрируют две стороны одного и того же процесса.

14. В отличие от иронии, пародия имеет двуплановый прагматический смысл: она ориентирована одновременно на адресата и на пародируемый текст, т. е. объект пародии двусоставный: само произведение (оригинал) и его автор.

Экскерпированные источники:

Białoszewski 1957: Białoszewski, M. *Obroty rzeczy*. Warszawa, 1957, s. 111.

Leśmian 1955: Leśmian, B. *Wiersze wybrane*. Warszawa, 1955, s. 36, 39, 46, 57, 59.

Swinarski 1955: Swinarski, A. M. *Bolesław Leśmian: Lipa. // Parodie*. Warszawa, 1955, s. 43–44.

Zechenter 1960: Zechenter, W. Miron Białoszewski: Ballada o wyjściu na stronę w Zgierzu. // *Parodie*, wyd. 2, 1960, Kraków, s. 85–87.

Литература:

1. Алеман 2002: Allemann, B. O ironii jako o kategorii literackiej. // *Ironia*. Głowiński, M. (red.). Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2002, 17–41.

2. Барт 2005: Барт, Р. *Ролан Барт за Ролан Барт*. София, CREDO, 2005.

3. Береза 1982: Bereza, A. Pryba analizy parodii [в:] *Acta Universitatis Wratislaviensis Nom.13. Prace literackie V*, 1982, 128–147.

4. Димитрова 2009: Димитрова, С. *Лингвистична прагматика*. София: Велес, 2009.

5. Кареп 1988: Karrer, W. Trawestacja, parodia, pastisz. // Ironia, parodia, satyra. Wyka, M. (red.). Kraków: WUJ, 1988, 41–77.

6. Костадинова-Хамзе 1999: Костадинова-Хамзе, Д. Някои аспекти на теорията на модалността. [в:] Съпоставително езикознание XXIV Ном. 2-3, 1999, 81–103.

7. Малич 1984: Malić, Z. Trans-Atlantyk W. Gombrowicza // Gombrowicz i krytycy, Kraków, 1984.

8. Паси 1979: Паси, И. Смешното. София: Наука и изкуство, 1979.

9. Станишева 1994: Д. Станише в а. Пародия как вид аксиологических текстов [в:] Граматика и семантика на славянските езици в комуникативен аспект. София, Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, с. 27–36, 1994.

10. Тынянов 1988: Tynianov, J. O parodii. // Ironia, parodia, satyra. Wyka, M. (red.). Kraków: WUJ, 1988, 79–94.

11. Хамзе 2012: Хамзе, Д. Категориите на комичното в перспективата на иронията в когнитивно-прагматичен ракурс. // Съпостави-

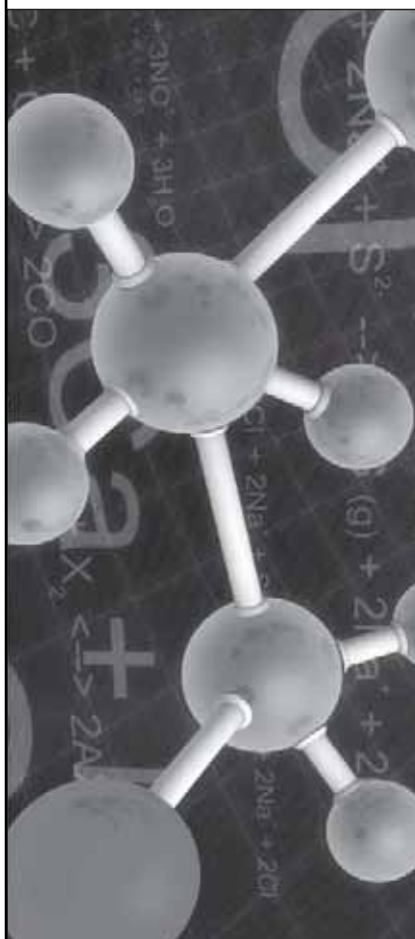
телно езикознание Ном. 3, с. 39–51, 2012.

12. Хамзе 2013: Hamze, D. Slavonic antiquities with S and Sh /An universal unit of sacrum as an appeal to commonsense through cultures/. // Global crisis of contemporaneity in the sphere of mindset, social values and political interests correlation, London: Published by IASHE, 2013, 62-66.

13. Янев 1989: Янев, С. Пародията в литературата. София: Издателство „Наука и изкуство“, 1989.

GLOBAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC ANALYTICAL PROJECT

An international scientific analytical project under the auspices of the International Academy of Science and Higher Education (London, UK).

The project unites scientists from around the world with a purpose of advancing the international level of ideas, theories and concepts in all areas of scientific thought, as well as maintaining public interest to contemporary issues and achievements of academic science.

The project aims are achieved through carrying out the championships and conferences on scientific analytics, which take place several times a month online.

If you wish to take part in the project, please visit:

<http://gisap.eu>

phone: +44 (20) 32899949

e-mail: office@gisap.eu

Араева Л.А.,
д-р филол. наук, проф.
Кемеровский
государственный
университет,
Россия

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПОЛИМОТИВАЦИИ В РУСИСТИКЕ

В данной статье ставится задача представления развития теории полимотивации в русистике в сопряжении с такими дискуссионными проблемами, как внутренняя форма слова и словообразовательный тип.

1. Множественная мотивация в структурно-системном освещении.

Словообразование в XIX веке не выделялось в качестве самостоятельной области научного знания, что не исключало выделение способов словообразования в пределах частей речи, обращение внимания на особенности формально-семантической организации производного слова по сравнению со словами непроизводными. Но уже в XIX веке ученые обратили внимание на такой языковой феномен, как множественная мотивация (см. в этом плане работы Г. Павского [Павский 1842], М.М. Покровского [Покровский 1898], Н.В. Крушевского [Крушевский 1998]).

В советской лингвистике проблема множественной мотивации становится одной из центральных. Академик В.В. Виноградов в книге «Русский язык», изданной в двух выпусках в 1938 г., отметил случаи неединственной мотивации производных слов. В 1947 г. в труде «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», расширив использованный ранее материал, В.В. Виноградов делает акцент на наличии множественной мотивации. В 1951 г. он вновь обращается к этому вопросу, отмечая «возможность вариаций или вариантных форм суффикса в пределах одного и того же словообразовательного типа» при наличии в нем производных с неединственной мотивацией, что является причиной «двойного морфологического членения слов в пределах одного и того же словообразовательного типа», которое «во многих случаях зависит от различной направленности смысловых связей этого слова» [Виноградов 1951:6]. Таким образом, В.В. Виноградов выделил ряд проблем в изучении множественной мотивации: (1) возможность множественной мотивации в границах словообразовательно-

го типа, (2) возможность вариаций и вариантов суффикса в пределах типа, (3) возможность двойного морфологического членения производного слова, связанного с (4) различной направленностью смысловых связей. По сути дела, В.В. Виноградов обозначил ориентиры исследования явления множественной мотивации в русском языке, которые в дальнейшем развивались, углублялись в рамках структурно-системной парадигмы.

В.В. Виноградов задал и категорию, в рамках которой исследуется данное языковое явление, – словообразовательный тип. В 1956 г. Г.С. Зенков в статье «Процесс переразложения основ и его роль в практике суффиксального словообразования русского языка», предлагая более строго очертить словообразующие связи наиболее продуктивных суффиксов с различными разрядами производящих единиц внутри каждого словообразовательного типа, отмечает, что «сложность вопроса в данном случае объясняется наличием одновременно фактов двойной соотнесенности подвергаемых анализу производных слов» [Зенков 1956: 132].

Проблема соотношения множественной мотивации со словообразовательным типом имеет в русистике достаточно богатую традицию. Данная проблема обсуждается в работах таких исследователей, как Ю.С. Азарх, Л.А. Араева, Е.А. Земская, А.Д. Зверев, Г.С. Зенков, К.А. Левковская, И.С. Улуханов, И.А. Ширшов, Н.А. Янко-Триницкая, М.Н. Яценецкая и др. В рамках структурной лингвистики данный вопрос активно обсуждается сразу после определения словообразовательного типа. Одним из критериев определения типа является «тождество частеречной принадлежности мотивирующих единиц». В 1954 г. К.А. Левковская [Левковская 1954]

пишет о том, что критерий тождества частеречной оформленности мотивирующих является лишним при определении словообразовательного типа, ибо производные с мотивирующими, находящимися в отношении синтаксической деривации, не различаются словообразовательной семантикой. В 1992 г. в книге «Словообразование как деятельность» Е.А. Земская также приходит к выводу о том, что данный критерий, в силу значительных достижений в теории синтаксической деривации, оказывается излишним [Земская 1992].

И.А. Ширшов в 1981 году в книге «Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке» [Ширшов 1981] рассматривает данное явление в рамках архетипа, включающего ряд типов с дериватами, мотивирующие которых характеризуются инвариантной семантикой. Основное внимание в работе уделяется мотивирующим с инвариантной семантикой, то есть мотивирующим, находящимся между собой в отношениях синтаксической деривации. Данный подход делает правомерным вывод о системном характере множественной мотивации, проявляющейся в рамках гнезда.

Явление множественной мотивации рассматривается также в пределах словообразовательной ниши, понимаемой как совокупность производных с тождественным формантом, имеющих в основе мотивирующие различной частеречной оформленности и объединенных инвариантно-словообразовательным значением [Араева 1994: 214-230]. Множественная мотивация Л.А. Араевой рассматривается как одна из напряженных точек деривационной системы, обуславливающая подвижность формально-семантических границ словообразовательного типа.

В исследованиях В.Ф. Черепановой [Черепанова 1976], Р.А. Ряснян-

кой [Ряснянская 1980], З.И. Шаталовой [Шаталова 1984] множественная мотивация анализируется в границах производных одной части речи, то есть – в рамках словообразовательной категории.

А.Н. Тихонов, делая в своих работах акцент на выявление видов модификации словообразовательной структуры производного в зависимости от множественной мотивации в рамках словообразовательного гнезда, предлагает заменить термин «множественная мотивация» термином «множественность словообразовательной структуры производного». По его мнению, термин «множественная мотивация» не выражает главного признака таких слов – способности поразному члениться, иметь несколько структур [Тихонов 1970]. С.Ю. Кураева, исследуя множественность словообразовательной структуры сложных прилагательных, выделяет группу, в которой «множественность словообразовательной структуры не выражена», и группу, которая «насчитывает в ряде случаев более двух мотиваций, следовательно, и структур» [Кураева 1976: 228].

Возникший терминологический разнобой обусловлен разными исследовательскими позициями ученых: одни подвергают анализу явление множественной мотивации, для других – ценностным оказывается результат действия множественной мотивации – словообразовательная структура производного. Эти подходы дополняют друг друга: множественная мотивация всегда предполагает множественность словообразовательной структуры слова. Морфемная структура слова при этом может не меняться, в то время как словообразовательная всегда модифицируется. Ср.: *оцен/щик* – тот, кто делает оценку чему-либо, оценивает что-либо.

Первыми в отечественном языкознании на достаточно объемном эмпирическом материале явление множественной мотивации исследовали О.П. Ермакова и Ф.Г. Коровин. В 1964 г. О.П. Ермакова в статье «О некоторых изменениях в системе аффиксов и производящих основ качественных наречий» отмечает: «Для многих образований, имеющих в ос-

нове имя нарицательное, по-видимому, остается возможным два пути – и от соответствующего прилагательного и прямо от существительного» [Ермакова 1964: 140].

Интересны наблюдения Ф.Г. Коровина в области наречий и прилагательных. Исследователь обращает внимание на то, что «в современном русском языке одно и то же значение прилагательного на *-тель-* может быть употреблено в качественном и относительном значении [Коровин 1968: 96]. При этом, пишет он далее, выделяются и различные суффиксы производного. То есть Ф.Г. Коровин развивает на материале наречий и прилагательных мысль В.В. Виноградова о возможности двойственного морфологического членения производных слов на основе различных смысловых связей производного и производящего.

В.В. Лопатин и И.С. Улуханов [Лопатин, Улуханов 1969: 119-132] в аспекте структурно-системной парадигмы выделили критерии множественности мотивации: критерий системности [Лопатин 1977] (В.В. Лопатиным предложено слова с неединственной мотивацией называть двумотивированными и полимотивированными) и критерий разного количества формантов при различии словообразовательных структур [Улуханов 1977]. И.С. Улухановым выделены виды множественной мотивации: основные, сопровождающие, взаимносопровождающие. При синхронном описании системы словообразовательных типов, уточняет исследователь, учитываются как единственные, так и неединственные мотивации. На материале словообразовательных гнезд глаголов с суффиксом *-е-* и с суфф. *-и-* и *-ова/-ирова/-изирова/-изова-*, имеющих значение надления признаком, И.С. Улуханов выделяет возможные виды непосредственных и опосредованных мотиваций.

В 1972 г. на конференции в Самаре по актуальным вопросам русского словообразования (проводимой А.Н. Тихоновым) в качестве основной рассматривается проблема множественной мотивации, множественности словообразовательных структур производных [АПРС 1972]. Появились и противники множественности мо-

тивации. В частности, А.И. Моисеев выступил с докладом «Существует ли «множественность производности» слов?». Основной пафос его выступления в том, что «одна и та же языковая единица не может быть одновременно и здесь и там, в двух или более словообразовательных типах; одно и то же слово (в одном и том же значении) не может быть образовано разными способами, не может быть порождено двумя и более производящими одновременно», если это и происходит, то в результате «слияния в одно слово двух и более равнозначных слов, порознь образованных от разных производящих». А.И. Моисеев отмечает и терминологический разнобой, и демонстрацию одних и тех же производных (*хмелеть*, *жиреть*) в одних случаях как типичного примера множественной мотивации (И.С. Улуханов), в других – как омонимии словообразовательных структур (А.Н. Тихонов).

В рамках структурной лингвистики неоднозначно решается вопрос о том, в пределах какой лексической единицы следует рассматривать множественность мотивации. Большая часть исследователей считают, что множественная мотивация проявляется в границах ЛСВ (Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, И.А. Ширшов). Р.М. Гейгер полагает, что данное явление следует анализировать на уровне лексемы, ибо мы «имеем дело с производным словом, которое в зависимости от разной структурно-семантической соотнесенности поразному членится, что и отвечает понятиям множественной мотивации и множественности словообразовательной структуры» [Гейгер 1986: 36].

Появляется иная точка зрения на множественность мотивации в пределах многозначного слова, обусловленная тем, что лексико-семантический вариант – относительно самостоятельная единица, при исследовании которой важно учитывать ее связи в пределах многозначного деривата, что обуславливает рассмотрение множественности мотивации как соотношения межсловной и внутрисловной деривации. Понимание множественности мотивации как одновременно го действия механизма межсловной

и внутрисловной деривации см. в [Араева 1987; Янценецкая, Араева 1990]. Такое понимание множественной мотивации значимо при изучении глубинных процессов порождения ЛСВ многозначных дериватов, семантической структуры типов и характера соотношения между этими языковыми категориями.

Ряд исследователей к множественной мотивации относят и омонимию словообразовательных структур [см. работы Г.О. Винокура, П.А. Соболевой, Н.М. Шанского]. В аспекте рассматриваемой парадигмы рациональна позиция Е.А. Земской, которая отмечает, что омонимия словообразовательных структур не имеет отношения к множественности мотивации, ибо в данном случае речь идет о единственной мотивации, связанной с разными лексико-семантическими вариантами [Земская 1975: 6].

Таким образом, проблема множественной мотивации достаточно разнопланово решалась в рамках структурно-системной парадигмы. Каждый из ученых, занимавшихся данной проблемой, внес свой вклад в развитие теории полимотивации. В 70-х, 80-х годах XX века данная проблема стала центральной в русистике благодаря конференциям в Самарканде и Ташкенте, проводимым А.Н. Тихоновым.

2. Множественная мотивация в аспекте пропозиционального анализа.

Е.С. Кубрякова расширяет рамки теории мотивации, включая в нее «изучение тех типов производных, которые мотивированы суждениями или же высказываниями, содержащими однокоренное с производным слово» [Кубрякова 1976, 286], что обуславливает различие непосредственно мотивирующего слова или словосочетания и мотивирующего суждения, «в котором непосредственно мотивирующее слово занимает ту или иную синтаксическую позицию» [Там же: 286-287]. Исследование словообразования через глубинный синтаксис в 80-х годах XX века представлено в работах С.Ю. Адливанкина, Ю.Д. Апресяна, Л.А. Араевой, Е.Л. Гинзбурга, Н.Е. Грушко, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, Л.В. Сахарного, П.А. Соболевой, Ю.Г. Панкраца,

И.С. Торопцева, З.А. Харитончик, Н.А. Янко-Триницкой, М.Н. Янценецкой и др. Разрабатываемая концепция не могла не повлиять на исследование в заданном направлении полимотивационных процессов.

Словообразование русского языка в основе своей синтаксично, производная семантика в свернутом виде реализует пропозицию с ее основными элементами и синтаксическими ролями между ними, которые могут быть выражены однокоренными словами, находящимися в отношении множественной мотивации конкретного производного слова. Данный подход представлен в [Араева 1988; Янценецкая, Араева 1990]. Анализ таких примеров, как: *штопать* – *штопка* (действие) – *штопка* (средство действия) – *штопка* (результат действия) / *штопальница*; *молотить* – *молотьба* (действие) – *молотьба* (результат / *молотильщик*; *хлопковое поле* (место действия) – *хлопок* (результат) / *хлопковик*; *прессовать* – *прессовка* (действие) – *пресс* (средство) / *прессовщик*, позволяет выявить пропозициональные структуры и пропозиции, репрезентированные соотношением мотивирующего и мотивированного слов.

Исследование особенностей системных отношений мотивирующих производного слова детерминировало выявление семантических типов множественной мотивации: (1) синтаксическая деривация; (2) метонимические связи производящих и производных (синтаксические функции, которые выполняют мотивирующие и мотивированное слово в глубинном суждении); (3) синтаксическая синонимия [Янценецкая, Араева 1990].

3. Антропоцентрическое видение множественной мотивации.

Новая научная парадигма в лингвистике, которая проявляется в работах отдельных лингвистов, таких, как Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Г.П. Мельников, З.А. Харитончик и др., в период, когда структурная лингвистика еще захватывает умы значительной части лингвистов, набирает силу к концу XX века. Результат – парадоксальный, словообразовательные изыскания оказываются на периферии научной лингвистической мысли.

Данная ситуация продолжается и по настоящее время. Резко сокращается количество работ по дериватологии. Словообразование как самостоятельная сфера научных знаний складывается в семидесятые годы XX века. 70-е, 80-е годы ознаменованы дискуссиями в печати, на конференциях, издается большое количество работ, защищаются кандидатские, докторские диссертации по различным проблемам дериватологии. И – резкий спад. Между тем, словообразование как никакая иная область лингвистического знания наиболее сопряжена с актуализацией мысли, с мировоззрением и культурой человека. Необходимо было возвращение к Гумбольдту, работы которого можно осознать через чтение А. Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина, Э. Кассирера, А.А. Потебни, то есть чтение тех философских работ, которые оказались по объективным причинам вне поля зрения большинства советских лингвистов. Освоение новой парадигмы легче всего осуществляется молодыми исследователями, но они, как правило, не знакомы с традиционной лингвистикой. И проблемы, поднятые в словообразовании в советский период, были преданы забвению. Определенный прорыв в развитии теории полимотивации сделан в работах П.А. Катъшева, который интерпретирует явление полимотивации в аспекте работы сознания, не отрицая того, что сделано в рамках структурной лингвистики. Рассматривая множественную мотивацию как реализацию такой структуры знания, как пропозиция, исследователь приходит к пониманию когнитивной теории полимотивации. В силу того, что значение производного являет собой свернутое суждение, а иногда и не одно, полимотивация может быть актуализирована одним и тем же мотивирующим, выполняющим разные синтаксические позиции в одной и той же пропозиции, либо входящим в разные пропозиции. Например: *булочница* – женщина, которая печет булки, а затем продает (выпеченные ею) булки. В данном случае мотивирующая единица является единственной для производного слова *булочница* (*булки*), которая представлена в двух мотивирующих

суждениях (в одном из них она выступает в аспекте результата действия, в другом – в аспекте объекта действия), что позволяет говорить о множественности мотивационных суждений, формально представленных в производном через одно мотивирующее. То есть в данном случае развивается идея Е.С. Кубряковой о множественности мотивирующих суждений в применении к анализу множественной мотивации.

Таким образом, в языке наряду с грамматической полимотивацией, выявленной в рамках структурной лингвистики, существует семантическая полимотивация, представленная множественностью мотивирующих суждений, в пределах которых мотивирующее актуализовано одним и тем же словом, входящим в разные суждения (ср.: *пасечник* – тот, кто работает на пасеке; тот, кто владеет пасекой), либо одно и то же мотивирующее выступает в пределах одного суждения в разных синтаксических ролях (ср.: *штопальщица* (субъект) – *штопает* (действие) – *штопка* (результат действия)). Дальнейшая разработка данной проблемы позволила выявить синтезированный вид полимотивации – грамматико-семантический (ср.: *оценщик* – тот, кто оценивает что-л., кого-л.; тот, кто делает оценку чего-л., кого-л.). Таким образом, континуумность мысли в таких дискретных языковых единицах, как производное слово, реализуется посредством полимотивационных процессов, представленных тремя видами: грамматическим, семантическим и грамматико-семантическим.

Следовательно, слово характеризуется определенным мотивационным пространством [Катышев 2001], гипостазирование одного или нескольких признаков создает условия актуализации единственной и множественной мотивации. Полимотивационные процессы являют способ актуализации внутренней формы слова, реализации неограниченного числа смыслов, проявляющихся в речи, когда ценностными оказываются самые незначительные нюансы свойств именуемого предмета. Созвучно с этими выводами высказывание Е.С. Кубряковой: «Согласно нашим представлениям, преобразования, наблюдаемые в раз-

ных трансформациях мотивирующего суждения (типа: *машина перевозит груз в пять тонн – машина, перевозящая пятитонные грузы – машина для перевозки пятитонных грузов – пятитонка*; ср. также *шаги черепахи* и *черепахи шаг*; *белая скатерть* и *белизна скатерти* и т.п.), не могут быть признаны эквивалентными, или же равнозначными. Думается, что для нормального протекания дискурса необходимы не столько синонимы, сколько альтернативные разноструктурные единицы со сходным содержанием, но с разной степенью семантической компрессии, когнитивной сложности и, конечно, фокусировкой внимания на разных деталях описываемого. Из этих альтернативных форм наиболее приемлемый вариант часто оказывается представленным производным или сложным словом, ибо они демонстрируют чрезвычайно удобные для оперирования ими в дискурсе знаки» [Кубрякова 2000: 21–22]. Таким образом, внутренняя форма слова – это возможная реализация неограниченного числа смыслов, содержащихся в мотивационном пространстве слова, экспликация которых в производных происходит посредством актуализации различных видов полимотивации. То есть мысль Потебни о понимании внутренней формы слова (дальнейшее значение) как о реализации неограниченного числа смыслов в нашем случае подтверждается, уточняется, каким образом это происходит в языке посредством реализации различных видов полимотивации. Все вышеизложенное дает возможность заключить, что полимотивация в ее грамматическом, семантическом и грамматико-семантическом статусе – явление, прототипичное для сознания русского человека. Все перечисленные виды полимотивации есть реализация через актуализованные в производном однокоренные слова либо одно слово в разных либо одной форме позициональных структур. То есть слово иконически отражает имеющиеся в мотивационном пространстве смыслы. Иконичность в этом случае понимается как стремление к всесторонней представленности свойств именуемого предмета [Антипов 2001; Катышев 2001]. Актуализация инфор-

мации (смыслов), как представляется, индексальна по своей природе, и эта индексация проявляется, в частности, через полимотивацию. Чем более насыщено мотивационное пространство реализованными через слова одного гнезда соотношениями, тем богаче его внутренняя форма, тем сильнее интенция к порождению новых смыслов, обусловленных ассоциативной работой сознания. Метафорические и метонимические связи при этом реализуются в пределах фреймов через такие структуры знания, как пропозициональные структуры и пропозиции. Последние в производном слове объективируются в производном, в частности, посредством членов словообразовательного гнезда. Данная проблема в настоящее время исследуется М.А. Осадчим [Осадчий 2009]. Таким образом, проблема полимотивированности производного слова является одной из основных в словообразовании, рассматриваемом с общегуманистических позиций. Полимотивация, структурируя внутреннюю форму слова, эксплицирует дух русской нации, ее мировоззрение, культуру, идеологию. В полимотивации проявляются механизмы познания мира и системной организации языка.

4. К вопросу об определении словообразовательного типа

Дискуссия в традиционной лингвистике относительно необходимости при определении словообразовательного типа выделения такого критерия, как тождество частеречной оформленности мотивирующих, в свете сказанного, имеет основания. В структурной лингвистике при определении типа, по сути дела, отмечены явления, прототипичные для сознания русского народа. Многочисленные эксперименты, проведенные нами в различных ситуациях, проявили, что без предварительной подготовки реципиенты, характеризуя производное, указывали мотивирующее в грамматической форме, для которой характерна ядерная частеречная семантика. Ср.: *строитель* – это тот, кто строит (а не занимается *строительством, постройкой* и т.д.). То есть структурная лингвистика, стремящаяся к стройности изложения системных связей, зафиксировала прототипичные случаи

мотивационных отношений. Но вместе с тем, для многих исследователей данный критерий при определении типа стал своеобразным камнем преткновения. Что является далеко не случайным. Представляется, что данный критерий эксплицирует прототипичные явления в сознании русского человека, для которого глаголы связаны прежде всего с действием, существительные – с предметом, прилагательные – со свойством предметов, потому что части речи – это основные категории, в пределах которых формируются именованная действительность, но при этом важно осознавать, что сами эти категории имеют полевую организацию и размытые границы. И на периферии этих категорий всегда имеют место случаи, проявляющие асимметрию формы и содержания. Прототипичная семантика – это некий инвариант, предполагающий актуализацию значительного числа вариантов. Невольно приходит на ум ассоциация с фонемой и вариантами и вариациями в ее пределах. Как невозможно исследовать все звуки, реализуемые отдельными людьми в речи, так невозможно определить число смыслов, порождаемых в речи производными. И вряд ли в этом есть необходимость. Человек каждый раз, находясь в разных ситуациях, в зависимости от мотивации, целеполагания, настроения, состояния собеседника и т.д., рождает новые смыслы в разных высказываниях. И это невозможно фиксировать. Фиксировать необходимо то, что является устоявшимся и отмечено в лексикографических изданиях. Так же и словообразовательный тип фиксирует то, что является достаточно устоявшимся. Выделенные виды полимотивации – это нечто инвариантное, которое специфично актуализуется в речи отдельного человека. И это своеобразие создает особенность речевого портрета говорящего. Вместе с тем инвариантность сохраняет целостность значения, не перекрываемую его модификационной реализацией в речи. Ясно одно, тип – это нечто более сложное по сравнению с тем определением, которое он имеет; это некая голограмма, в пределах которой генерируются на основе устоявшихся значений новые смыслы, позволяю-

щие выявить самые незначительные свойства именуемого предмета, то есть тип имеет эпистемологическую значимость. Смыслы рождаются в границах некоего инварианта, коим является лексическое и словообразовательное значение производного, не случайно при постоянных семантических модификациях тип остается идентичным самому себе.

Литература:

1. Актуальные проблемы русского словообразования, Самарканд, 1972.
2. Антипов А.Г. Словообразование и фонология: словообразовательная мотивированность звуковой формы. Томск, 2001.
3. Араева Л.А. Множественная мотивация и некоторые вопросы системных отношений в словообразовании и лексике // Словообразование в современном русском языке. Проблемы деривации и номинации в русском языке. Омск, 1988.
4. Араева Л.А. К вопросу о взаимодействии межсловной и внутрисловной мотиваций // Деривация в речевой деятельности (языковые единицы). Пермь, 1988.
5. Батурина О.В. Идиоматичность словообразовательной формы (на материале микологической лексики русского языка): Дисс. ... канд. Филол. Наук. – Кемерово, 2004.
6. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // РЯШ, 1951. №2.
7. Гейгер Р.М. Проблемы анализа словообразовательной структуры и семантики в синхронии и диахронии. Омск, 1986.
8. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
9. Ермакова О.П. О некоторых изменениях в системе аффиксов и производящих основ качественных наречий // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
10. Катышев П.А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Томск, 2001.
11. Коровин Ф.Г. Из истории становления качественных значений прилагательных с суффиксом –тель-ый в русском языке // Научные труды филол. ф-та Кирг. Гос. Ун-та. Фрунзе, 1968.

12. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М., 1989.

13. Кубрякова Е.С. Теория мотивации и определение степеней мотивированности производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Научные труды. Т. №174, Ташкент, 1976.

14. Кураева Ю.С. Множественность словообразовательной структуры сложных прилагательных на –чск(ий) // Актуальные проблемы русского словообразования. Научные труды. Т. № 174, Ташкент, 1976.

15. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.

16. Левковская К.А. Словообразование. М., 1954.

17. Осадчий М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров. Фреймовая организация гнезда. М.: Либроком, 2009.

18. Павский Г. Филологические наблюдения (Рассуждение второе). СПб, 1842.

19. Покровский М.М. Материалы для исторической грамматики латинского языка. М., 1898.

20. Ряснянская Р.А. Множественность словообразовательной структуры имен прилагательных в современном русском языке. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Ташкент, 1980.

21. Тихонов А.Н. Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке // РЯШ, 1970. № 4

22. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.

23. Черепанова В.Ф. Множественность словообразовательной структуры глаголов в современном русском языке. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Ташкент, 1976.

24. Шаталова З.И. Множественность словообразовательных структур имен существительных в современном русском языке. Автореф. ... дисс. Канд. Филол. наук. – М., 1984.

25. Ширшов И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов, 1981.

26. Янценецкая М.Н., Араева Л.А. Явление множественной мотивации в русском языке // Производное слово и способы его образования. Кемерово, 1990.

Залевская А.А.,
д-р. филол. наук, проф.
Тверской
государственный
университет,
Россия

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

ПРИНЦИПЫ НАВИГАЦИИ В ЖИВОМ ПОЛИКОДОВОМ ГИПЕРТЕКСТЕ

Под «живым поликодовым гипертекстом» понимается совокупность продуктов переработки разнообразного опыта познания и общения, составляющая «внутренний контекст» для продуцирования и понимания высказываний. Обсуждается роль признаков как опор для навигации по сети языковых и энциклопедических знаний и топов как ментальных инвариантов высказываний, на разных уровнях осознаваемости направляющих решение познавательных проблем и обеспечивающих взаимопонимание при общении. Приводится спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста. Принцип гипертекста трактуется как познавательная универсалия, реализующаяся через взаимодействие признаков, топов и механизма глубинной предикации.

Ключевые слова: гипертекст, внутренний контекст, признак, топ, инвариант высказывания, естественный семиозис, выводное знание.

Internal polycode hypertext is treated as a multimodal product of information processing; it serves as inner context for cognition and communication. At different levels of consciousness dimensions and features of objects and word meanings as well as tops – semantic-structural mental invariants necessary for speech production and text comprehension – are used for navigating the hypertext of former verbal and nonverbal experience for solving cognitive and communication problems. A model of word identification and speech comprehension is presented. The hypertext principle (in combination with features, tops and inner predication mechanism) is defined as a cognitive universal.

Keywords: hypertext, inner context, feature, top, speech invariant, natural semiosis, inferential knowledge.

Вводные замечания

В [4] было дано обоснование правомерности трактовки совокупного хранилища продуктов переработки вербального и невербального опыта человека (эмоционально-оценочно маркированных языковых и энциклопедических знаний) как живого поликодового гипертекста; отмечалось, что загадка «разметки» такого гипертекста пока ещё не разгадана. Метафора «живой поликодовый гипертекст» используется вместо ранее фигурировавших в моих публикациях терминов «единая информационная база человека» и «индивидуальное знание». В любом случае имеется в виду, что речемыслительная деятельность человека протекает с опорой на его опыт адаптации к естественной и социальной среде; любой акт мышления, продуцирования или понимания речи возможен только с опорой на *внутренний контекст* – «выход» на образ мира, вне которого никакое понимание и/или взаимопонимание состояться не могут; такой «контекст» формируется при взаимодействии тела и разума человека как личности и как члена некоего социума, что имплицитно подразумевает наличие *разделяемого*

знания, «распределённого» между носителями языка/культуры.

Ниже рассматриваются: возможные опоры для «навигации» по живому поликодовому гипертексту как обширной сети связей (она трактуется как многоярусная, функциональная, самоорганизующаяся в целях решения познавательных и коммуникативных задач); роль признаков и признаков признаков в актуализации нужных «узлов» сети; организующая такой процесс система топов как ментальных инвариантов высказываний, реализуемых посредством механизма глубинной предикации.

Роль признаков в познании и общении

Одной из важнейших особенностей функционирования «живого» слова является постоянная опора носителя языка на признаки и признаки признаков по линиям как языкового, так и энциклопедического знания; те или иные признаки определяют характер эмоционально-оценочного переживания индивидом того, что лежит за словом в культурно-историческом опыте социума и в личностном опыте индивида, выступают в качестве оснований для процессов категоризации

и классификации, получения выводного знания, актуализации образов, «схем», «сценариев» и других опор как «для себя» (в речемыслительной деятельности), так и «для других» – с ориентацией на собеседника.

Проблема признака привлекает внимание учёных разных специальностей, поскольку тот или иной признак обычно лежит в основе любой классификации – как научной, так и обыденной. В зависимости от исходных позиций автора, его целей и материала исследования внимание акцентируется на различных характеристиках признаков как *абстрагированных обобщений* или отдельных видов *признаков некоторых сущностей* – объектов, действий, состояний, в том числе в связи с их именованием языковыми средствами, ср., например, детальный анализ признаков как таковых по форме, содержанию и т.д. у Е.К. Войшвилло (1989) и разностороннее исследование категориальных признаков В.И. Карасиком (1988, 2010). Соответственно выделяются различные виды признаков по тем или иным основаниям для их классификации, ср.: перцептивные и концептуальные признаки / коды; общие, конкрет-

ные, ключевые (характерные, определяющие) признаки; мономодальные, полимодальные и др. признаки; конкретные, конкретно-ситуационные, функциональные, категориальные признаки; точечные, объёмные, динамические семантические признаки; сильные признаки; инвариантные (интегральные, дифференциальные) семантические признаки и варианты (скрытые и открытые) семантические компоненты; подвижные многоплановые признаки; разграничиваются всеобщий признак, непосредственный признак, опосредствующий признак, опосредованный признак и т.д. (см. обзор со ссылками на источники: [3: 187–193]). Сложность классификации признаков определяется их различной природой и многоплановостью, а также тем, что для пользующегося языком субъекта слово слито с называемым им объектом, что неоднократно подчеркивал Н.И. Жинкин [1].

Изучение проблемы признаков с позиций специфики индивидуального знания было начато мною в 1970-е гг. В работе 1977 года (репродуцировано в [2: 31–85]) внимание акцентировалось на роли процессов разложения всего воспринимаемого человеком на признаки и признаки признаков и делалась попытка объяснить происхождение двух типов единиц внутреннего (ментального) лексикона человека – различительных признаков и единиц высшей степени интегративности – с подчёркиванием изначальной связи тех и других с чувственной и аффективной сферами индивида в противовес постулируемой в лингвистических исследованиях эмоционально-оценочной «стерильности» семантических компонентов. Многолетний опыт межъязыкового сопоставления экспериментальных материалов обнаружил особую значимость опоры на признаки при функционировании слова в лексиконе и побудил последовательно учитывать этот феномен при выявлении принципов организации индивидуального лексикона как функциональной самоорганизующейся системы кодов и кодовых переходов. Ныне речь идёт о необходимости разностороннего изучения специфики признаков, позволяющих носителями разных языков и культур мгновенно решать

сложнейшие плохо сформулированные задачи повседневности, успешно ориентироваться в воспринимаемых «расплывчатых множествах», добиваться понимания и взаимопонимания при общении за счёт мгновенной (на разных уровнях осознаваемости) навигации в живом поликодовом гипертексте. Нужно решить ряд вопросов, связанных с ролью признаков в процессах получения *выводного знания* (прямого и многоступенчатого). Важно проследить, как в зависимости от актуализованного признака одно и то же слово может «выводить» на различные «форматы» хранения знаний, а при наличии общих «схем знаний» в условиях межкультурных контактов – на специфическое заполнение тех или иных «слотов» образами типичных для каждой культуры носителей признаков в сочетании с соответствующими эмоционально-оценочными переживаниями (следует обратить внимание на условность оперирования терминами типа «схемы знаний», «слоты» и т.п. – они полезны лишь как *инструменты описания* того, что реализуется у человека при «навигации» по многомерной сети, реализующейся по закономерностям работы головного мозга человека).

Концепция живого поликодового гипертекста объясняет вхождение одного и того же элемента знания (в данном случае – признака) во множество «схем» или «сценариев», доступ к которым может реализоваться по любому каналу – сенсорному, концептуальному, эмоциональному, вербальному. Именно это *фундаментальное свойство* единой информационной базы индивида обеспечивает мгновенную ориентировку в научной и повседневной деятельности человека, лежит в основе *эвристического поиска*, помогает в совершенствовании знаний об окружающем мире, направляет прогнозирование развития ситуации в процессах познания, продуцирования и понимания текста. Требуется целенаправленное изучение особенностей восприятия и дальнейшей передачи сообщений (в научном изыскании, естественном общении, в деятельности переводчика и т.д.) в условиях различных культур в ситуациях, когда неверная идентификация или неточное

восстановление в памяти некоторого признака, выводящего на определённую схему знаний, заполнение той или иной позиции в такой схеме или отнесение к «не той» схеме знаний оказывает влияние на результат понимания сообщения, связанный с эмоционально-оценочными переживаниями и последующими действиями. Например, при межъязыковых / межкультурных контактах даже случайный намёк одного из коммуникантов на признак, отрицательно маркированный в другой культуре, может послужить импульсом для этнокультурной напряжённости с серьёзными социально-политическими следствиями.

Топы как инварианты высказываний и их роль в организации «поиска» в сети

Возникает вопрос: чем направляется опирающаяся на признаки «навигация» по «живой» сети? Что может выступать в роли возможного принципа, организующего актуализацию признаков и всего того, к чему это может приводить?

Мне представляется, что ведущую роль следует отвести *топам как инвариантам высказываний*, детально рассмотренным в работе [6]. В.А. Садикова трактует топику как связующее звено между мыслью и речью, обеспечивающее не только линейное продвижение мысли, но и объёмность высказывания, его глубину, потому что отражает связи между объектами; топка выступает в функции *неформальной логики говорящих*, обеспечивающей взаимопонимание в процессе общения. Топика опирается на «доязыковые» способности человека, на основе которых формируется доязыковой опыт и затем осваивается язык. С опорой на труды Аристотеля В.А. Садикова приводит списочный состав топов, куда входят: ИМЯ, ОБЩЕЕ (АБСТРАКТНОЕ) и ЧАСТНОЕ (КОНКРЕТНОЕ), РОД и ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ и т.д. Всё это хорошо согласуется с моими представлениями о механизмах речемыслительной деятельности и путях становления ментального лексикона человека.

Анализ результатов экспериментов с носителями разных языков показывает, что, действительно, при исполь-

зовании различных исследовательских процедур в сводных материалах, полученных от «коллективного респондента», оказываются реализованными все топы этого перечня, и только их совокупность раскрывает то, что лежит даже за отдельным словом, в ходе опознавания (идентификации) которого формируются лишь частично вербализованные высказывания; параллельно с этим проявляется опора на признаки и признаки признаков, характерные для имплицуруемых тем или иным топом связей между некоторыми сущностями, их особенностями и т.д. Актуализация топов происходит через то, что я называю *глубинной предикацией (для себя)*, которая не всегда отвечает системности и нормативности высказываний на поверхностном уровне (*для других*), поскольку топ – именно связующее звено между мыслью и речью, за его актуализацией может лежать неосознаваемый, но важный для текущего момента признак или признак признака.

Взаимодействие принципа опоры на признаки и топов, через механизм глубинной предикации направляющих навигацию по сети, можно, как мне представляется, считать одной из универсальных особенностей *естественного семиозиса*.

Моделирование процесса навигации в живом поликодовом гипертексте

Один из моментов актуализации множественных связей в сети отображается спиралевидной моделью идентификации слова и понимания текста, вербально описанной мною в 1988 г., представленной в виде рисунка в 1999 г. (воспроизведено: [3: 168] и приведённой здесь на рис. 1. Ныне требуется замена обозначения «картина мира» на «образ мира», ибо за это время произошло размежевание терминов «языковая картина мира» и «образ мира как достояние индивида». Эта схема помогает: (1) акцентировать внимание на преломлении всего, что входит в сферу деятельности субъекта, через имеющийся у него образ мира; (2) показать постоянное воздействие факторов внешнего и внутреннего контекста; (3) отобразить взаимосвязь опоры на прошлый опыт и прогнозирования последующего

развития ситуации (по линиям языковых и энциклопедических знаний, вероятных / невозможных следствий из тех и других); (4) указать на возможность различной «глубины» раскрутки гипотетической спирали, достаточной для решения некоторой задачи, например, для достижения консенсуса при общении через выход на уровень «достаточного семиозиса»; (5) подчеркнуть (посредством изображения ряда горизонтальных плоскостей – условных «срезов» того или иного этапа рассматриваемого процесса) наличие множественных вероятных свя-

зей на любом уровне глубины процесса идентификации слова (см. стрелки на примерах таких плоскостей).

Эта модель была далее модифицирована моими учениками. Так, Н.И. Курганова [5] установила, что направление актуализации связей при «раскрутке спирали» у носителей разных языков и культур может быть связано с приоритетным выбором: а) генеральной стратегии идентификации слова – рационально-аналитической или эмоционально-оценочной; б) уровней осмысления информации – ситуативно-образного и понятийно-

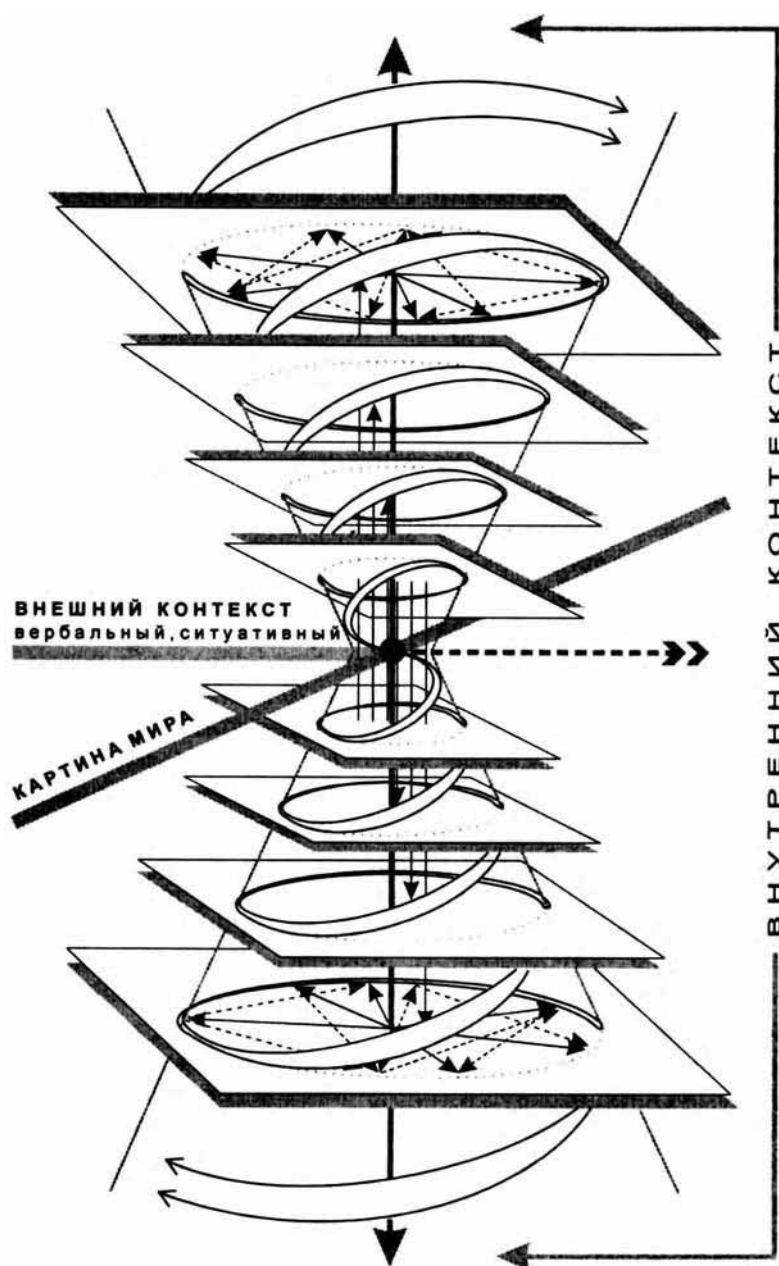

Рис. 1. Спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста [3: 168]

логического; на этой основе разработана процессуальная модель выхода на образ мира (см. рис.2), уточняющая возможную вариативность «угла» раскрутки спирали на любом «срезе» моей спиралевидной модели в зависимости от лингвокультурных предпочтений.

Принцип гипертекста представляется мне познавательной универсалией, различные проявления которой описываются в лингвистике через понятия пресуппозиции, импликации, метафоры, выводного знания и т.п. Дальнейшее развитие концепции живого поликодового гипертекста ведётся по линии её сопоставления с имеющимися в мировой науке моделями структуры ментального лексикона человека.

Литература:

1. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982. – 157 с.
2. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. – М., 2005. – 542 с.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. 2-е изд. – М., 2007. – 560 с.
4. Залевская А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» // XXXI Международная научно-практическая конференция «Пути преодоления кризисных явлений в педагогике, психологии и языкознании» / URL: gisap.eu/ru/node/13717/
5. Курганова Н.И. Смысловое поле при моделировании значения слова. – Мурманск, 2012. – 296 с.
6. Садикова В.А. Топика: история, теория, практика. – Тверь, 2009. – 188 с.

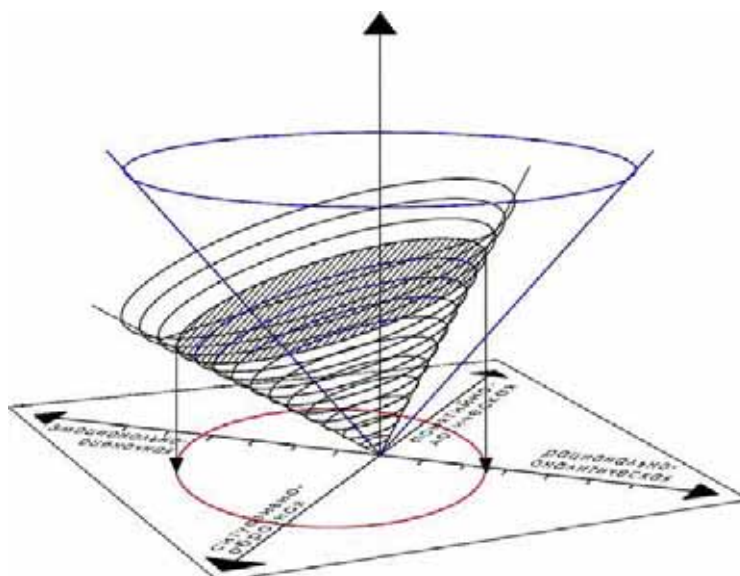
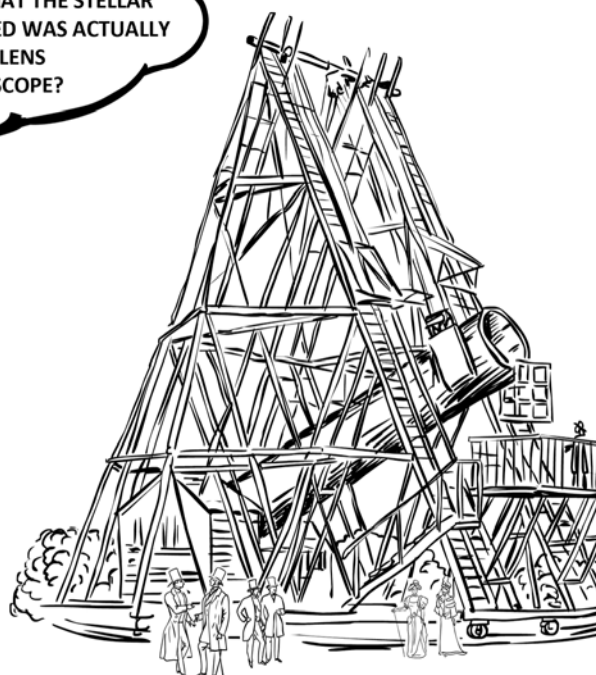

Рис. 2. Процессуальная модель выхода на образ мира [6: 253]

Frederick William Herschel

SO YOU ARE SAYING THAT THE STELLAR NEBULA I HAVE DESCRIBED WAS ACTUALLY JUST DIRTY LENS OF THE TELESCOPE?

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

Залевская А.А.,
д-р. филол. наук, проф.
Тверской
государственный
университет,
Россия

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

ЧТО ТАМ – ЗА СЛОВОМ?

Прослеживается динамика подходов к анализу значения слова от приравнивания его к понятию через поиски путей выхода за рамки логико-рационального подхода к трактовке значения как сложного продукта взаимодействия многих внешних и внутренних факторов. Предлагается трактовка значения живого слова как интерфейса между социумом и индивидом, между линейными дискретными языковыми единицами и нелинейным живым мультимодальным гипертекстом как продуктом переработки перцептивно-когнитивно-аффективного опыта адаптации человека к естественному и социальному окружению.

Ключевые слова: значение слова, интегративный подход, интерфейсная теория значения, живой мультимодальный гипертекст, выводное знание.

Different approaches to word meaning analysis are discussed. Transition from logical analysis of meaning to an integrative approach to it is traced. Word meaning is treated as an interface between the social and the personal, between linear and discrete linguistic items and nonlinear live multimodal hypertext as an enormous net connecting products of perceptive-cognitive-affective information processing formed by personal adaptive activity.

Keywords: word meaning, integrative approach, interfacial theory of meaning, live multimodal hypertext, inferential knowledge.

Вводные замечания: в поисках эпиграфа

Значение слова – вечная и неисчерпаемая проблема. В обыденной жизни мы не замечаем, как используем слова, не задумываясь, почему выбираем те, а не другие, и только в случаях непонимания или неадекватной реакции слушателя возникает потребность обратиться к рефлексии – осмыслить, что лежит за словом, обеспечивая взаимопонимание при общении. В какой мере нам помогает лексикографическое описание значений слов? Является ли оно исчерпывающим? В этой связи вспомним высказывание А.А. Потебни, которое могло бы служить эпиграфом к докладу на заявленную тему: «Пример предрасудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это всё равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живёт, а как искусственно подготовлено для целей познания» [11: 465–466]. По какому же пути следует идти, чтобы максимально приблизиться к тому, как слово действительно живёт? В этом отношении в качестве эпиграфа подходит высказывание И.А. Бодуэна де Куртенэ, видевшего одну из задач семасиологии в исследовании *психического содержания языковых явлений*, т.е. представлений, связанных с

языком и движущихся в его формах, но имеющих независимое бытие как отражение «внешнего и внутреннего мира в человеческой душе *за пределами языковых форм*» [1: 214]. Принимая эти высказывания в качестве комплексного эпиграфа к моему докладу, попытаюсь показать динамику подходов к значению слова от описания, «искусственно подготовленного для целей познания» (т.е. трактуемого в русле идей аналитической философии и расчленяемого на семантические составляющие значения-понятия), через стремление выйти за пределы анализа слова, взятого в отрыве от носителя языка, к включению значения в более широкий круг проблем Номо Лоquence. Но человек говорящий в то же время и человек чувствующий, переживающий, воображающий, оценивающий, а это требует принципиально новых подходов к исследованию значения как достояния пользующегося языком индивида.

Динамика научных подходов к значению слова

Философия Нового времени фактически приравнивала значение слова к понятию, что оказалось очень прочно закреплённым в сознании учёных благодаря широко известному семиотическому треугольнику Огдена–Ричардса (*знак, понятие, предмет*), вошедшему в компендиумы, так или иначе связанные с проблемой значения, и «узаконившему»

устойчивую логико-рациональную традицию анализа значения через выявление набора необходимых и достаточных (к тому же – преимущественно или исключительно *существенных!*) признаков объектов некоторого класса, группы и т.п.

Критика «семиотического треугольника» как упрощения описываемых отношений велась по ряду направлений. Так, венгерский исследователь Э. Лендвай [9] обосновал сугубо лингвистическую (по его собственному определению) идею трапеции значения как соотношения между знаком, значением, понятием и предметом, при котором *конвенциональная цепочка букв* (или последовательность звуков) вызывает у носителя языка *ментальный образ предмета*, определённый набор существенных признаков класса таких предметов (т.е. *понятие*), а также *значение* (денотативное, сигнификативное, прагматическое). Выделенные курсивом обозначения помещены в различные вершины постулируемой автором трапеции значения. Отбросить идею треугольника и заменить её более сложной схемой взаимодействия знаний и умений пользователя словом предлагает психолог Ж. Верньо [3], акцентирующий особенности работы познавательного аппарата человека: концептуализация происходит и из действия, и из языка; представления и понятия формируются у индивида

в действии и для действия, действие организовано через *схемы* и увязано прежде всего с *ситуациями*, но не с объектами. Отсюда вытекает необходимость формирования *операторных* (деятельностных!) *инвариантов*, позволяющих принимать и использовать информацию, подходящую для выводов и решений.

Ещё более «глубоко» заглядывает за слово патопсихолог Ф.Е. Василюк [2], развивающий идеи А.Н. Леонтьева [10] относительно роли чувственной ткани образа в познании и в формировании значений. Василюк увязывает значение с *образами сознания* индивида через модель психо-семиотического тетраэдра, объединяющую *внешний мир* (предметное содержание образа), *внутренний мир* (личностный смысл), *культуру* (значение) и *язык* (слово); это «пограничные «сущности», каждая из которых обращена и к объективной реальности, и к самому индивиду. Таким образом создаётся *объём, заполненный «живой, текучей, дышащей плазмой чувственной ткани»*, которая «живёт, движется в четырёхмерном пространстве образа, задаваемом силовыми полями его узлов, и, будучи единой, она вблизи каждого из полюсов как бы уплотняется, концентрируется, приобретает характерные для данного измерения черты» [10: 8].

Конец XIX и начало XX вв. знаменуются пристальным вниманием к проблемам взаимодействия тела и разума человека, включённости индивида в глобальные взаимодействия, его адаптации к естественной и социальной среде, роли множества внешних и внутренних факторов (в том числе биологических, включая специфику структуры мозга и принципы его функционирования), что не могло не отразиться на новейших концепциях значения слова. Например, Х. Рутроф [13] разрабатывает корпоральную теорию значения, согласно которой невербальные знаки (продукты взаимодействия тела человека с окружающим миром, контролируемые культурой) составляют *глубинную структуру языка*, в то время как значение реализуется через ассоциативные связи между невербальными и вербальными знаками; тем самым

тело обеспечивает квазиперцептивное отображение мира, а язык лишь выполняет роль посредника, помогающего отсылать к миру, но при условии, что мы знаем, какие невербальные знаки обеспечивают заполнение «пустых языковых формул».

Единую сеть не только языковых, но и любых физиологических, психических и мозговых процессов предусматривает концепция семантических констелляций, обосновываемая Кристиной Харди [12]. Речь идёт о системе смысловых объединений разных уровней – от «концептов» до «экполей» (связей за пределами индивида, необходимых для взаимодействия с другими людьми и/или объектами). Принцип «*сеть–в–сети*» с многократными и многообразными пересечениями реализуется при сочетании осознаваемых и неосознаваемых процессов, взаимопереплетении ощущений, аффективных переживаний, жестов, абстрактных понятий, действий и соответствующих нейробиологических процессов. Харди определяет концепты как динамичные самоорганизующиеся семантические констелляции с расплывчатыми границами, склонные к модификациям, порождающие новые концепты, интегрированные в процессы мышления.

Концепцию семантики опыта и выводного знания разрабатывает Патриция Виоли [14]. Конечное число дискретных языковых единиц используется для описания бесконечного континуума нашего опыта, поэтому относительно стабильные в синхронии значения слов служат опорами для получения выводного знания, что обеспечивает пластичность языкового знака, значение которого задаётся не системой фиксированных корреляций, а набором возможных инференций при различных ситуациях и контекстах. Й. Златев [8] предлагает биокультурную теорию значения и указывает на контролирующую функцию *ценностных систем* (как врождённых, так и приобретённых, в том числе имеющих конвенциональный характер культурных ценностных систем), на тесную связь значения с эмоцией и чувством и т.д. Кратко суть этой концепции

описывается формулой: «Значение = Жизнь + Культура». П.П. Дашини-маева [4] обосновывает психонейролингвистическую теорию значения как значимости: значение обладает только некоторым потенциалом, оно прекращает свое существование в акте семиозиса, ибо происходит личностное переживание значимости при взаимодействии эмоциональных, сенсорных, модально-волевых составляющих.

Интегративный подход к значению слова у носителя языка и культуры

Даже по необходимости краткий обзор свидетельствует о существенных изменениях в понимании того, что представляет собой значение слова у индивида. Становится очевидным, что при разработке новой теории значения, способной объяснить то, что лежит за словом у пользующегося языком человека, нельзя оставаться в прокрустовом ложе лингвистики: требуется объединение усилий представителей многих наук о человеке как представителе вида и как личности, включённой в естественную и социальную среду. Речь идёт не о механическом «сложении» результатов, полученных в разных областях знания, а о творческом синтезе, учитывающем взаимодействие многих внешних и внутренних факторов, что обеспечивает переход на более высокий уровень теории объяснительного типа.

Для успешности такой теории необходим *целостный подход* к человеку, у которого: а) постоянно взаимодействуют тело и разум, т.е. знание в некотором смысле «распределено» между сенсорикой и интеллектом как комплементарными механизмами (см.: [5]); б) язык функционирует как один из психических процессов (в слаженном ансамбле с памятью, мышлением, воображением и т.д.); в) перцептивные процессы реализуются во взаимодействии с когнитивной переработкой и эмоционально-оценочными переживаниями; д) имеет место постоянная динамика уровней осознаваемости любой (в том числе – речемыслительной) деятельности при особой роли механизма контроля – как сознательного, так и (в большей мере!) неосознаваемого.

При этом: е) индивид всегда включён в некоторые естественные и социальные взаимодействия и ситуации; ж) его знания носят распределённый характер, поскольку они усваиваются в культуре и через культуру; з) разделяемое с другими людьми знание координируется благодаря особой – медиативной (опосредствующей) роли значения слова, обращённого одной своей ипостасью к социуму, а другой – к индивиду, которому необходимо соотносить свой личный опыт познания мира с опытом других людей для взаимопонимания при общении и совместной деятельности. Что же обеспечивает саму возможность такого взаимопонимания?

Легче всего представить себе, что у каждого индивида имеется некоторый «словарь в голове», в котором слово хранится в единстве всех его форм и значений (об этом своё время говорил В.В. Виноградов). Такое впечатление создаётся, когда мы начинаем думать о словах, т.е. осуществляем целенаправленную *метаязыковую* деятельность. Однако следует различать: (I) ситуацию *естественного семиозиса* как многоэтапного процесса (точнее – взаимодействия ряда процессов) с выходом на табло сознания только конечных результатов поиска опор для переживания понятности воспринимаемого (в таком случае мы думаем *не о словах*, а о *действительности*, на что указывает Н.И. Жинкин [5]), и (II) ситуации научного анализа и/или бытовой рефлексии, фокусирующиеся на словах как таковых, т.е. на *именованиях* того, что лежит за словом. В обеих противопоставляемых ситуациях взаимодействуют именуемая «вещь» и её «имя», но акценты принципиально различаются: в первом случае главное – «имя ВЕЩИ», а во втором – «ИМЯ вещи», поэтому различаются и результаты поиска того, что лежит за словом. Что же лежит за именем ВЕЩИ?

Ещё в 1960–1970-е гг. А.А. Леонтьев указывал на то, что значение слова у индивида реализуется как *процесс*. В современных терминах представляется правомерным говорить о том, что за словом у пользующегося языком человека лежат процессы навигации в живом

мультимодальном гипертексте – его образе мира, совокупном продукте переработки невербального и вербального опыта адаптации к естественной и социальной среде. Воспринимаемое слово только «задаёт» возможные направления поиска формальных и смысловых опор, через посредство которых в голограмме образа мира целостно «высвечивается» конвенционально именуемый объект во всём богатстве его признаков, связей, отношений, каждое из которых (включая возможные ситуации, пути их развития и вытекающие из них следствия) может быть далее развёрнутым в широкие круги и цепи выводных знаний. Особую роль в рассматриваемых процессах играют признаки разных модальностей (перцептивные, когнитивные, эмоционально-оценочные), топы как смысловые инварианты высказываний, механизм контроля с петлями «обратной связи» и механизм глубинной предикации, обеспечивающий замыкание устанавливаемых в гипертексте связей «для себя» (см. подробно: [6; 7]).

«Интерфейсная» концепция значения слова

Сказанное выше даёт основания для *интерфейсной концепции значения слова*, задающей определённую «систему координат», суммарно представленных ниже.

1. ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ значения слова сформировалась и функционирует вследствие необходимости специфического интерфейса между социумом и индивидом.

2. Значение слова у пользующегося языком человека по своей природе представляет собой ЖИВОЕ ЗНАНИЕ со всеми вытекающими отсюда следствиями.

3. На довербальной стадии онтогенеза у ребёнка в различных ситуациях и через разнообразные познавательные действия формируются ПЕРЦЕПТИВНО-КОГНИТИВНО-АФФЕКТИВНЫЕ ОПОРЫ, со временем увязываемые с принятыми в социуме именованиями.

4. Всё воспринимаемое индивидом подвергается происходящим независимо от нашей воли и сознания процессам анализа, синтеза, сравнения и классификации (И.М. Сеченов);

это приводит к постоянной реорганизации формирующейся в мозге сети связей между следами разных модальностей по множественным параметрам, признакам и признакам признаков, что в совокупности переживается как МНОГОМЕРНЫЙ ОБРАЗ МИРА – голограмма, обеспечивающая (на разных уровнях осознания) идентификацию *целостных объектов и ситуаций с обширными кругами выводных знаний и сопутствующих им переживаний*.

5. Независимо от возраста человека воспринимаемое им (со слуха или в письменном тексте) слово остаётся «пустым», «мёртвым», если не удаётся соотнести его с имеющимися в предшествующем опыте вербальными и невербальными опорами. Поиск таких опор может описываться как *навигация по живому мультимодальному гипертексту*.

6. Постоянное взаимодействие двух ипостасей значения слова (закреплённого социумом и описываемого в словарях, с одной стороны, и являющегося результатом поиска в мультимодальном гипертексте, с другой стороны) обуславливает реализацию словом множественных функций интерфейсной природы: знаковой, референтной, инферентной, регулятивной, идентифицирующей, синтезирующей, прогностической, рефлексивной и др.

7. Объяснительный потенциал понятия интерфейса реализуется на разных уровнях: (I) при переходе от (а) социального (закреплённого в словарях и текстах) к (б) индивидуально-личностному (бытующему «в голове»); (II) при переходе от хранящихся у человека (в) линейных и дискретных языковых форм к (г) нелинейному, недискретному, имеющему расплывчатые границы и зависящему от взаимодействия многих внешних и внутренних факторов глубинному содержанию того, что лежит за словом у индивида как представителя вида, члена социума и личности в качестве продукта адаптации к окружающей среде.

8. Интерфейсная концепция значения слова является результатом изучения особенностей ЕСТЕСТВЕННОГО СЕМИОЗИСА и непосред-

твенно связана с трактовкой живого мультимодального гипертекста как ВНУТРЕННЕГО КОНТЕКСТА ПРОЦЕССОВ ПОЗНАНИЯ И ОБЩЕНИЯ.

9. Объяснительный потенциал интерфейсной концепции значения слова важен для рассмотрении проблематики межъязыковых контактов, двуязычия / многоязычия и т.д.

Закключение

Интерфейсная концепция значения составляет непосредственное продолжение моей теории слова как достояния человека и в той или иной мере перекликается с приведёнными выше новыми подходами к значению, а также с биологическими теориями языка, концепциями телесного воплощения, распределённого знания, разделяемого знания и др.

Литература:

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.
2. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
3. Верньо Ж.К. К интегративной теории представления // Иностранная психология. М., 1995. № 3. С. 9–17.
4. Дашиинимаева П.П. Философия языка и теория значения. Улан-Удэ, 2010.
5. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
6. Залевская А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» / URL: <http://gisap.eu/ru/node/13717>.
7. Залевская А.А. Принципы навигации в живом поликодовом гипертексте / URL: <http://gisap.eu/ru/node/21650>.
8. Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. М., 2006. С.308–361.
9. Лендвай Э. Лексическая семантика русского языка. Budapest, 1998.
10. Леонтьева А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977.
11. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
12. Hardy, C. Networks of meaning. Wesport, Con.: London, 1998.
13. Ruthrof, H. The body in language. London; New York, 2000.
14. Violi, P. Meaning and experience. Bloomington, 2001.

Ли В.С.,
д-р филол. наук, проф.
Казахский национальный
университет
им. аль-Фараби,
Казахстан

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СЕМАНТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛОВА-КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА РАБОТАТЬ)

В статье рассматривается проблема концептуального анализа языка как одной из важнейших задач современной когнитивной лингвистики. Характеризуется природа концепта, определяется роль пропозиционального содержания в формировании его смысловых компонентов. На материале концепта «работать» описывается когнитивно-пропозициональная структура, которая служит источником семантического развития слова-концепта.

Ключевые слова: концепт, пропозиция, когнитивно-пропозициональная структура, семантика, концептуальный анализ.

In the article considered the problem of conceptual analysis of language as one of the most important tasks of modern cognitive linguistics. Characterized by the nature of the concept, the role of propositional content in forming its semantic components. On the material of the concept "work" describes the cognitive-propositional structure, which serves as a source of semantic word-concept.

Keywords: concept, proposition, cognitive-propositional structure, semantics, conceptual analysis.

В начале было слово... Сколько поколений мыслителей, философов, ученых (не только теологов) размышляло над смыслом этого библейского изречения и было вдохновлено им в поисках истины Бытия человека и всего сущего! Слово не только источник, начало всех начал (ср. название известной книги В.В. Колесова «Жизнь начинается от слова...» [6]), но и хранилищем вечности Бытия, вечности жизни. Для лингвистики как самостоятельной отрасли научного знания слово («логос») – это хранилище наших знаний о мире и одновременно средство познания всего сущего. Изучая слово, мы изучаем мир, в котором живем, ибо жизнь слова – это и есть сама жизнь. Именно такое (собственно лингвистическое) понимание онтологии слова как феномена языка нашло отражение в учении о концепте и концептосфере языка.

Учение о концепте, вне всякого сомнения, стало одним из ведущих в системе парадигм знания в современной лингвистике. В научной литературе последних десятилетий концепт как категория наших знаний о мире используется не только для решения собственно лингвистических (преимущественно семантических), но и логико-философских, культурологических, семиотических, этнопсихологических, социально-прагматических и прочих задач, выходящих далеко за пределы

тех проблем, которые ставились и решались первоначально в школах средневековой философии и гносеологии, в частности в учении средневековых схоластов (споры между реалистами и номиналистами). В современной лингвистике, особенно в когнитивно ориентированных ее направлениях, под концептом понимаются явления преимущественно ментального характера, лежащие в основе категорий, в которых фиксируются элементы наших представлений о мире бытия, элементы сознания, а также коллективный языковой и духовный опыт определенного народа. Вместе с тем различные интерпретации концепта в итоге оперируют понятиями, которые непосредственно репрезентируются и верифицируются языковыми сущностями. Однако статус концепта, как известно, окончательно не определен, более того, нередки случаи использования этого понятия и, соответственно, термина «концепт» в значениях, отнюдь не тождественных или синонимичных (см., в частности, работы [1], [3-5], [7] и др.).

Существенные сведения о природе концепта, его статусе в системе современных научных категорий можно получить в рамках когнитивно-пропозиционального подхода к исследованию и описанию концепта и концептосферы: «...концептосфера имеет полевую структуру, ядром

которой является когнитивно-пропозициональная структура, в свернутом виде передающая идею концепта. В составе лексико-семантических групп эту функцию выполняют базовые глаголы-идентификаторы.» [2: 218].

Понятие когнитивно-пропозициональной структуры (модели) принято использовать для установления важнейших форм репрезентации знаний о мире в памяти человека, прежде всего в его оперативной памяти. Считается, что пропозиция, в базовой форме представленная в виде субъектно-предикатной конструкции, в расчлененном, а потому в более конкретном, детализированном и актуализированном виде, передает в нашем сознании предметно-событийный мир и его фрагменты. Этим пропозициональные структуры отличаются от гештальтов, образов, символов и т.п. репрезентаций, отличающихся целостностью и нерасчлененностью. В пропозиции, следовательно, формируется и передается особый тип знаний, вербализуемый в языке с помощью предложения-высказывания и всевозможных его трансформаций, сохраняющих в неизменном виде объективное содержание всех языковых манифестаций пропозиции. Вместе с тем вполне очевидно, что языковые формы и структуры – лишь вершина или «видимая» часть того сложного психоментального

(речемыслительного) процесса, в результате которого формируется концепт, и он же одновременно осознается и интерпретируется при вербальной коммуникации. Когнитивно-пропозициональная структура концепта может быть представлена, таким образом, в виде системы взаимообусловленных и взаимосвязанных сущностей разноразмерной принадлежности.

Исследование и описание концепта на основе анализа его когнитивно-пропозициональной структуры позволяет в рамках единого подхода и единой эпистемологической базы определить природу этого феномена с учетом данных лингвистики, когнитологии, логики и других наук, что обеспечивает многоаспектное рассмотрение концепта. Думается, что использование методики и научно-исследовательского аппарата разных областей знания не следует считать научной эклектикой, простым механистическим «смешением» стилей научного мышления, хотя такую опасность нельзя исключать. Следует также иметь в виду, что по отношению к сущностям, не имеющим однозначной «системы измерения», единой системы координат и тем более воспринимаемым как «нечто неуловимое» (по С.А. Аскольдову), имеющим многоликое воплощение, следует использовать соответствующие им подходы. Концепт, действительно, относится к явлениям подобного рода, поэтому многоаспектный его анализ (правда, в рамках единой (не эклектической) научной парадигмы) не только возможен, но и продиктован онтологией исследуемого явления, особенно в случаях с ключевыми концептами, к которым относится и такой важный концепт, как *работать*.

Работать, бесспорно, входит в число основополагающих концептов жизнедеятельности человека и как отдельного индивида, и как члена определенного социума. Он отражает биологическую и социально-культурную причастность человека к тому миру, который только им создается и формируется. А этот мир, прежде всего мир артефактов, воспринимается и осваивается сквозь призму концептов, объясняющих существование человека в социальной среде во взаимо-

действии с физической и природной средой. Кроме того, рассматриваемый концепт тесно связан с понятиями, с помощью которых происходит освоение и осмысление мира, а также познание и понимание основных форм существования человека. Как известно, к числу таких концептов принято относить *действовать* (*действие*), *думать* (*мысль*), *понимать*, *считать* (*полагать*) и некоторые др. Не случайно, что *работать* причисляют к концептам, образующим координационный центр, регулирующий связи и отношения между человеком и миром бытия. Показателен и тот факт, что в словарных дефинициях *деятельность* обычно объясняют через концепт *работать* (*работа*) и наоборот. Кроме того, *работать* как концепт не может быть понят и объяснен без апелляции к жизненной и языковой практике человека, в том числе к практике этической оценки действий и поступков, принятой в том или ином социуме. *Работа* как один из видов действий (в том числе и ментальных, интеллектуальных) и деятельности полностью «погружена» в сферу интересов человека и только им и квалифицируется определенным образом (ср. возможность высказывания *Собака сторожит дачу*, но вряд ли в языке узусе в качестве нормальной будет воспринята фраза *?Собака работает сторожем на даче*, если это не случай стилистической игры или так называемого языкового ёрничания). Даже *работать* в значении «функционировать» (о механизмах) предполагает участие в этом процессе человека (типичной является такая ситуация, когда тот или иной механизм *работает* (функционирует) в результате приложения определенных усилий со стороны человека: *После ремонта станок работает (заработал) нормально; Теперь станок работает хорошо* и т.п.). Примечательно также, что не всякая деятельность квалифицируется в соответствии с нормами русской наивной этики как работа (ср., например: *Он вор* и **Он работает воров* и т.п.). Концептуальный анализ, таким образом, предполагает обращение не только к собственно лингвистическим сущностям, но и к явлениям, составляющим область когнитивных спо-

собностей и когнитивных процессов и оперирующим категориями, которые характеризуют проявления социально-культурного (в том числе и этического) поведения человека, его жизненной практики и обыденного сознания. Такой подход к концептуальному анализу может быть реализован при исследовании и описании концепта с помощью установления его когнитивно-пропозициональной структуры.

Концепт *работать* формирует базовую пропозицию «X работает». Под пропозицией понимается не просто лингвистическая модель ситуации или события, а такая единица языкового содержания, которая в речемыслительной деятельности человека представляется как отдельный квант смысла и мысли, самодостаточный для экспликации событийного мира в виде дискретных ситуаций. Пропозиция как лингвистическая категория противопоставляется своему внеязыковому корреляту – событию, ситуации (положению дел), как мир мыслей о действительности противопоставляется ей, как противопоставляются друг другу интенционал и экстенционал, сигнификат и денотат. Приведенная базовая пропозиция «X работает» не может в таком представлении объяснить одержание концепта *работать*, поскольку в данном случае он (концепт) – всего лишь «исходная точка семантического наполнения слова» [7: 68] и, с другой стороны, источник возможных смыслов, которые приобретены были концептом всем опытом человеческого познания и сознания и которые лежат в основе когнитивных способностей человека. Поэтому осмыслить эти знания, объяснить и описать их можно лишь путем анализа когнитивно-пропозициональной структуры концепта. В собственно лингвистическом смысле пропозиция по отношению к концепту может рассматриваться как парафраза, раскрывающая содержание концепта. В основе таких парафраз лежит семантика предикатного слова, обычно глагола, выполняющего функцию ядра пропозиции. При анализе семантики глагола как ядра пропозиции спорным был и остается вопрос, который Е.С. Кубрякова сформулировала следующим образом: «... какова семантическая ос-

нова глагола, т.е. в к л ю ч а е т л и она знания о сирконстантах и актантах ситуации или же только им п л и ц и р у е т эти знания. Иначе говоря, неясно, составляют ли предметные компоненты значения ингерентную часть его семантической структуры или же они только активизируют в сознании обозначенным глаголом действием, состоянием и т.д.» [8: 85]. Нам же представляется, что данный вопрос следует отнести к разряду схоластических споров о непознаваемых сущностях или проблем, не имеющих однозначного решения. В данном случае в семантике предикатного слова (глагола), с одной стороны, представлена «матрица будущего высказывания» (С.Д. Кацнельсон) и его компоненты (актанты и сирконстанты), входящие в пропозициональную структуру, однако, с другой стороны, эти предметные компоненты не даны, а заданы семантикой предиката (глагола). Следовательно, базовая пропозиция («Х работает») при концептуальном анализе должна быть «развернута», детализирована и актуализирована с учетом фундаментальных представлений об устройстве концепта, а также представлений, связанных с национально-культурным опытом использования концепта. При анализе конкретного концепта исследователь вынужден идти по пути развертывания базовой пропозиции в целый ряд когнитивно-пропозициональных структур, представляющих собой, с одной стороны, некую модель речевого использования концепта с учетом языковых и неязыковых знаний и, с другой стороны, модель ментальных репрезентаций (образов, символов, схем, картинок и т.п.), отражающих определенным образом устройство событийного мира. Кроме того, когнитивно-пропозициональная структура позволяет моделировать и те процессы, которые связаны с вербализацией разных представлений и смыслов, зависящих от идиоэтнических, национально-культурных способов концептуализации и категоризации мира.

Таким образом, базовая пропозиция при анализе концепта должна быть представлена в виде конкретных языковых манифестаций концепта, реализующих его парадигматические,

синтагматические, ассоциативные и др. связи. Эти связи формируются на основе семантики и прагматики слова-концепта, которые, в частности, зафиксированы уже в толковых словарях. Установление и описание когнитивно-пропозициональной структуры концепта следует начинать именно с фиксации лексических значений слова. И лишь после этой процедуры и на основе ее результатов возможно нахождение всех составляющих структуры. Так, по отношению к концепту *работать* следует выделить 15 когнитивно-пропозициональных структур. Используя опыт лексикографических описаний, эти структуры можно представить в след виде: 1. Заниматься каким-либо делом, применяя свой труд; трудиться. *Работать в поле.* – (P-1) (P – пропозиция). 2. Быть занятым где-либо трудом, иметь где-либо какое-либо занятие, состоять где-либо на службе. *Работать в школе.* – (P-2). 3. Состоять в какой-либо должности, исполнять обязанности, выполнять труд кого-либо. *Работать учителем.* – (P-3). 4. Трудясь, создавать, совершенствовать или изучать что-либо. *Работать над диссертацией.* – (P-4). 5. Заниматься физическими упражнениями, вырабатывая какие-либо навыки. *Несколько человек работали на трапециях.* – (P-5). 6. Заниматься каким-либо трудом, обеспечивая или обслуживая кого-либо, что-либо. *Работать на оборону.* – (P-6). 7. Действовать в пользу кого-, чего-либо, в чьих-либо интересах. *На него работает история.* – (P-7). 8. Приводить что-либо в действие, управлять, действовать чем-либо (инструментом, орудием). *Работать лопатой.* – (P-8). 9. Усиленно двигать чем-либо (какой-либо частью тела). *Работать локтями.* – (P-9). 10. В процессе труда пользоваться чем-либо как инструментом, пособием и т.п. *Работать со словарем.* – (P-10). 11. Находиться в действии, действовать (о механизмах, агрегатах, устройствах и т.п.). *Телефон не работает.* – (P-11). 12. Действовать тем или иным способом, с помощью тех или иных приспособлений, материалов и т.п. *Завод работает на местном сырье.* – (P-12). 13. Действовать, выполнять свое назначение (об органах тела). *Сердце работает.*

– (P-13). 14. Действовать, функционировать (об организациях, учреждениях и т.п.). *Завод работает.* – (P-14). 15. Делать, изготавливать что-либо, создавать, творить. *Работать куклу.* – (P-15). Анализ когнитивно-пропозициональной структуры покажем на примере P-3.

Когнитивно-пропозициональная структура P-3 реализуется в синтаксической конструкции N1 – Vf – N5 (*Он работает учителем*) и в содержательном отношении формируется на основе неактуально-статального значения НСВ глагола *работать*. Концептуальное поле рассматриваемой структуры распространяется только на сферу профессиональной деятельности человека, поэтому смыслообразующая роль принадлежит компоненту N5, обозначающему лицо по сфере деятельности, специальности, роду занятий. В связи с таким «распределением ролей» в когнитивно-пропозициональной структуре P-3 смысловой компонент, выражающийся N5, приобретает признаковое значение, т.е. предикатное. Поэтому *Он работает учителем* = *Он учитель*, *Он работал учителем* = *Он был учителем* и т.п. Неслучайно, на вопрос «Кто ваш брат?» может последовать ответ «Он закончил институт, а сейчас он работает инженером» или «Он закончил институт, теперь он инженер», хотя понятно, что в строго лингвистическом и логическом смысле «Он работает инженером» и «Он инженер» – высказывания отнюдь не тождественные. Это связано с тем, что акциональное значение, являющееся прототипическим для *работать*, в значительной степени осложняет различные представления, связанные с родом деятельности человека. Присутствие «деятельностного» компонента создает особый коннотативно-прагматический фон для рассматриваемой когнитивно-пропозициональной структуры, который полностью определяется национально-культурными и аксиологическими (в том числе и этическими) представлениями и знаниями, связанными с понятием деятельности. В русской языковой ментальности, видимо, не всякая деятельность, связанная с социально-профессиональным статусом человека, может квалифицироваться именно

как деятельность со всеми связанными с ней «созидающими» компонентами. Именно этот смысловой квант, получающий объяснение с помощью таких последовательных семантических характеристик, как *цель > действие > результат*, вместе с этической характеристикой позволяет относить тот или иной род занятия (или тот или иной социально-профессиональный статус) к категории деятельности. Поэтому в русской наивной этике не всякая деятельность, не всякое деяние может квалифицироваться как «работа». Понятно, почему по-русски нельзя сказать **Борис Годунов работал царем*; **Он работал пэрм Англии* и даже вряд ли можно считать корректными фразы типа *Он работал депутатом* или *Он сейчас работает конгрессменом*. И дело не только в том, что *царь, пэр, депутат, конгрессмен* и т.п. не относятся к профессиям (ср. *Я работаю волшебником*), причина скорее всего в когнитивном опыте носителей русского языка, в соответствии с которым целый ряд наименований лиц по социально-профессиональной принадлежности не связывается в когнитивном опыте носителей русского языка с понятием «работать (работа)». Некорректность приведенных фраз типа *Он работал царем, президентом* и т.п. объясняется несоблюдением норм наивной этики, приводящем к рассогласованности семантических компонентов когнитивно-пропозициональной структуры, в данном случае Р-3. Нарушение семантической конгруэнтности в некорректных фразах проявляется в отсутствии у слов *царь, пэр, депутат, президент* и т.п. «деятельностного» компонента, который является смыслообразующим по отношению к концепту *работать* (ср. прагматическое клише *Работать (1) так работать (2)*, в котором идея деятельности (акциональности) выражена в тавтологической (точнее – квазитавтологической) форме, где *работать (1)* – имя концепта, *работать (2)* – его содержание (в данном случае – акциональность, деятельность). В русском языковом сознании лишены этого содержания также имена лиц с отрицательной коннотацией, поэтому не говорят **Он работает вором*, хотя с точки зрения обыденного

(обывательского) и практического сознания «вор» – тоже род занятий, профессия (ср. эпатажную фразу *Вор – моя профессия, медвежатник – моя специальность*). По этой же причине некорректными считаются высказывания типа **Он работает взяточником*, **Она работает аферисткой*, **Он работает картежником* и т.п. (ср. *Он взяточник, Она аферистка, Он картежник* и т.п.). Даже фраза *Он работает чиновником* вызывает некоторое сомнение в полной корректности, хотя *Он работает небольшим (большим, важным) чиновником в департаменте* подобного сомнения не вызывает, поскольку негативная (пейоративная) коннотация слова *чиновник* во второй фразе нейтрализуется с помощью определений, актуализирующих лишь денотативное содержание (род занятий).

Таким образом, когнитивно-пропозициональная структура Р-3, несмотря на кажущуюся узкую специализацию в роли репрезентанта профессиональной идентификации человека, тем не менее, охватывает значительное концептуальное пространство, обусловленное антропоцентричностью самого концепта *работать*, влиянием на его содержание различных национально-культурных стереотипов, полностью находящихся в сфере наивно-языковых представлений о мире бытия человека.

Приведенный фрагмент анализа концепта *работать* свидетельствует о смыслообразующей функции пропозиционального содержания, на основе которого создается концептуальное пространство слова. Это пространство, в свою очередь, определяется когнитивно-пропозициональной структурой слова-концепта, с помощью которой эксплицируются все наши знания и представления о мире, включая и такие их ипостаси, как мнения, оценки, предрассудки и проч. Мир, в котором живет человек, в значительной степени задан словом, его концептуальным содержанием. Поэтому слово-концепт – это одновременно источник познания жизни человека, всеобщего Бытия и сама жизнь. Все это свидетельствует о том, что изречение «В начале было слово...» имеет не только сакральный смысл, но и содержит объективно-рациональное содержание, которое по-

дается лингвистическому, научному объяснению.

Литература:

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. – Л., 1928. – С. 28-44.
2. Бабенко Л.Г. Концептосфера процессуально-событийного мира: универсальное, общенациональное и индивидуальное концептуальное пространства // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания. Том I. СПб, 2003. – С. 217-225.
3. Бабенко Л.Г. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009.
6. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... – СПб.: Златоуст, 1999.
7. Колесов В.В.. Философия русского слова. – СПб.: Златоуст, 2002.
8. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Языки русской культуры, 1992. – С. 84-90.

Shumenko O.A.,
Cand. of Philological
sciences
Sumy State University,
Ukraine
Conference participant

SEMANTIC EVOLUTION OF QUANTITATIVE WORDS

The article in question deals with semantic evolution of quantitative words. The attention is being focused on the lexical parallels of the English Numerals. The perspective vectors of further investigation are being considered.

Keywords: quantitative words, counting words, Numerals, dual number, parity.

By semantic evolution we understand the modifications which are undergone by quantitative words. They are referring to both discrete and non-discrete denotates. In the article we focus our attention on Numerals, on the one hand, and the words of weight and measure, on the other. The former refer to discrete nouns, the latter – to non-discrete ones. Both realize the quantitative function, which is actualized at different language levels – grammatical, lexical and phrasological. The idea is that modern counting words were once the words of substance which had been modified with times.

Alongside with Numerals there are English numeric words *brace*, *pair*, *couple* make the study of which is important for understanding the major stages of quantity cognition. In modern English grammar dual number category is absent [2, 27]. Words expressing the concept of the dual number refer to various lexical groups: *double* – adj.; *to double* – v.; *both* – pr.; *brace* – n., which are simple in their structure.

The word *brace* is of the Roman origin reflects the role of the hand in the quantitative cognition; it has the meaning of 'two hands'. Denotative meaning of this word had been connected with the domain 'yoke of animals'. In semantic structure *brace* includes the meaning of parity. This word is also used as a component of a quantitative attribute to defined words: – *a brace of hundred pounds*, *a brace of thousands*. Word *brace* is used ironically in expressions: *a brace of two*, *a brace of duke*, *thirty brace of grouse*.

The meaning of parity is worded by *couple* and *pair*. The lexeme *couple* belongs to the Latin words and is associated with the meaning of 'yoke' and 'what unites the two'. With the times, the word came to mean parity, cf.: – *a couple of girls*, *a couple of partners*.

In agricultural vocabulary *brace* means 'sheep with a lamb'. *Couple* is homonymous in singular and plural forms, cf.: – *a twenty couple of dogs*, *a couple of eggs*, *three couple of dollars*. The word *couple* refers to objects, people and animals [6].

The word *pair* is a synonym to *couple* and nominates a certain correspondence of denotates. *Pair* correlates with words nominating paired items [5], cf.: – *pair of ears*, *pair of lips*, *pair of arms*, *pair of hands*, *pair of legs*, *pair of shoes*, *pair of sleeves*, *pair of trousers*. The word *pair* has identical singular and plural forms. *Couple* indicates the number of two referring to goods, animals and people. *Pair* identifies a specific group, cf.: – *We got some eggs* – *would you like a couple?* (Ben Elton, p. 327). *A couple of children were playing marbles* (Donald E. Westlake, p. 163). *She resolved to buy him a new pair of jeans* (Jill Mansell, p. 111). *Students work alone or in pairs* (Linda Warren, p. 174).

Thus, *brace*, *couple* and *pair* are used in English to refer to the dual number, parity, making a set of synonyms in the hyponymic relation to Numeral *two*. The same *parity* is restricted in its usage. Word *brace* is used basically to nominate two animals in question; *pair* and *couple* refer to both – animals and humans; they have a wider range of operation.

The concept of the dual number is categorized in free and stable phrases [1] in the following models: *pr. + n. (double love)*; *adj. + n. (both members)*; *v. + adv. (to read twice)*. Stable combinations resonate the direct meaning of primary expressions of the type *two minds are better than one*. Expressions of the type *two by four* illustrate the loss of prior semantic meanings; they refer to indefinite number or small number [4, 37-39]. Some linguistic units work wonders on the verge of syntax and phraseology domains [3].

Word *score* borrowed from the Scandinavian language nominates a group of sheep counted by 20 pieces. Universally, in all languages one can trace the words of counting the sources of which were motivated by the nature of counted things, their parts – (animals were counted by heads, channels – by springs, trees – by roots, etc. [5, 58-68]. Counting words used to indicate syncretically both the meaning of substances and numerality. Numerals are used in reference to rigorous succession of numbers, counting words are used selectively. Morphologically both groups (Numerals and counting words) come to be alike in their isomorphic aspects relating to their semantic deviations, syntactical functional and pragmatic valuation.

Alongside with the words of *parity*, there are quantitative units of an indefinite number, cf.: *a school of fish*, *a team of dogs*, *a bale of cotton*, *a nest of ducks*, *a pile of books*. Countable nouns of discrete nature correlate with quantifiers – *many*, *(a) few*; while uncountable nouns with *much*, *little*. This phenomenon goes back to earlier periods of English [4]. They say, words of measure and weight originated from names of somatic nature (nail, foot), tools (pole, chain, rod), land (hide, acre), glassware (pint, ton, gallon). Words of weight and measure came into being later than Numerals and, due to this their primary meaning of substance is kept until now [5, 24-29].

Thus, the quantitative words are of the secondary derivative nature which is proved by their retrospective and perspective vectors of linguistic evolution. Synchronically, at present time their quantitative function is prior. Quantitative words are open in their polyfunctionality of meanings and forms. The question of the epidigmatic status awaits its further exploration.

References:

1. Apresyan Y.D. Lexical Semantics: Synonymic means of language / Y.D. Apresyan. – Moscow: Nauka, 1974. – 367 p.
2. Arutyunova D. The problem of number / N.D. Arutyunova // Logical Analysis of Language. Quantitative aspect of language – M. Indryk, 2005. – P. 5-21.
3. Zemskaya E.A. Modern Russian. Wordbuilding / E.A. Zemskaya. – M.: Education, 1973. – 304 p.
4. Shvachko S.A. Means of expression of quantity in modern English,

Russian and Ukrainian Languages: [monograph] / S. O. Shvachko. – K.: Vishcha Shkola, 1981. – 144 p.

5. Shvachko S. O. Words of measure and weight: linguistic and cognitive aspects: [monograph] / S. O. Shvachko. – Sumy: publ. off. Sumy State University, 2008. – 132 p.

6. Shumenko O.A. Characteristics of numeric words / O.A. Shumenko // Sign – Consciousness – Knowledge [sat. of scientific work / ex. ed. V.I. Terkulov]. – Gorlovka: Izd. GGPIIYA, 2011. – Issue 2. – P. 189-193.

Illustrative literature:

7. Elton Ben. Gridlock / Elton Ben. — Great Britain : A Black Swan Book, 1991. – 448 p.

8. Mansell Jill. Head Our Heels / Mansell Jill. – London : Headline Book Publishing, 1998. – 441 p.

9. Warren Linda. All Roads Leads To Texas / Warren Linda. – Mills & Boon, Super Romance, 2007. – 376 p.

10. Westlake Donald E. God Save the Mark / Westlake Donald E. – Rosetta Books, 2010. – 272 p.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

***Multisectoral scientific-analytical forum
for professional
scientists and practitione***

Main goals of the IASHE scientific Congresses:

- Promotion of development of international scientific communications and cooperation of scientists of different countries
- Promotion of scientific progress through the discussion comprehension and collateral overcoming of urgent problems of modern science by scientists of different countries
- Active distribution of the advanced ideas in various fields of science

**For additional information
please contact us:**
www: <http://gisap.eu>
e-mail: congress@gisap.eu

Arayeva L.A.,
Dr. of Philology, Full Prof.
Chepkasov A.V.,
Cand. of Philology,
Associate Prof.,
head of the department
Kemerovo State
University,
Russia

Участники конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

GRAPHIC OF A SPEECHWRITER'S TEXT AS A DETERMINANT OF A SPEAKER'S EFFECTIVE SPEECH

The article represents the analysis of a speechwriter's graphic text design which determines the efficiency and expressiveness of a speaker's speech. Graphical tools are often particularly verbal image of politicians. Harmonious interrelationship of graphic and verbal means is explained by their implementation of the deep mental processes (propositional structures).

Keywords: supragraphemics, topographemics, verbal-graphical propositional connectivity, intonation, politician's vocal image, speech efficiency.

A time of change in which we live generates a lot of questions and forms critical attitude to the reality of many people in Russia. Open borders allow a resident to compare political, economic and cultural situation in the different countries. At all times, from antiquity, a word of a speaker affected the emotional perception of reality by citizens.

Today public figures' speech, heard on radio, television, attracts millions of listeners. This fact arouses the question of how to make a speaker's speech effective with positive impact on a large number of listeners. The problem is not simple. Politicians of large-scale should be a great speaker, unique, memorable, credible large audience.

There is a considerable amount of scientific literature on the art of public speaking skills of famous philosophers of ancient Greece, modern politicians. As a rule, their speeches are described with the rhetorical canons. Meanwhile, it is fundamentally important to penetrate into the texts that are written to the performance of politicians. These are speechwriters' texts. Many books and articles write about the work of speechwriters. But the work itself was out of the field of research ideas on the grounds that the originals of these texts are not available for linguists. Our study is based on the original texts of speechwriters written for A.G. Tuleyev, the Governor of the Kemerovo Region. The analysis shows that speechwriter's texts include harmoniously interconnected verbal and nonverbal elements affecting expressiveness and efficiency of a speaker's speech.

The phenomenon of supragraphemics and topographemics in speechwriters' texts as well as its impact on the speaker's effective performance is actual and virtually unexplored. In the first half of the 20th century Jules Romains, French writer, said: "The policy is not words, but the voice, in which they are pronounced" [quote by: Dushenko 2012: 151].

Graphical design of a speechwriter's text caused by deep mental processes, determines tonal canvas of the speaker's speech.

In a given aspect we represent the analysis of the speech of A.G. Tuleyev, the Governor of the Kemerovo Region, devoted to the Day of invalids (03.12.2010).

Analysis of graphic design of a speechwriter's text (this paper has been thought over together with the speaker for a considerable time) let reveal the features of semantic organization of verbal text that directs the improvised reading by a speaker.

Speechwriter's text contains supragraphemic (font variation, underlining, marking and releasing of especially significant words in the oval) and topographemic elements (spatial variation, change the line spacing, text writing on the principle of rhyme). Graphical highlighting used by a speechwriter, as in advertising, "help to create an atmosphere of intimacy, which is difficult to achieve for the print fonts" [Anikayeva 2011:188].

Each of the methods of graphical emphasizing performs a specific function; however, a single token can often be marked by several labels, which

demonstrates its semantic intersection and special significance. Large print with additional red or green underlining, enclosed in an oval highlights various epithets relating to the very subject (with the specification by the red line of the form of the subject), or to the areas of special importance for people with disabilities (highlighted in red). Compare:

Bolding helps to create vivid, memorable image, an active influence on the consciousness of the speaker, forcing focus on the marked words. Typically, the point size corresponds to the voice force. Due to it the statement acquires the function of positive impact on the emotional state of the listeners.

Attributive pronouns and words, opposed to the sense in the context are also written in bold, for example:

КАЖДЫЙ из вас –

достоин самых искренних слов

Считаю, такие службы должны
быть созданы –

в каждом городе и районе.

«Настоящая (Сила) –

это сила ДУХА,

а НЕ ТЕЛА.

Each politician has his/her favorite and keywords. Common pronoun *all* is often used in Tuleyev's speech. It can be repeated, increasing the emotional content of speech. In the text this pronoun is circled in an oval, outlined in red. Graphical selection of the phrase *we introduce NEW* in the oval (see below) harmoniously links what has already been done and what will be done in the payment of additional benefits. This political move is particularly relevant to people. It is not accidentally that after the words *fringe benefits* there is a double red tick which does not allow at the end of the phrase, as expected, to lower the tone, emphasizing completeness. Increased tone indicates incomplete process that is in motion. Natural reaction of the audience is applause, which, taking the natural stress in the process of speech listening, activate the attention.

В 2011 году
мы не только оставим в силе
ВСЕ меры социальной
поддержки, ✓
ВСЕ выплаты, ✓
ВСЕ льготы, ✓
которые действуют
у нас в области –
но и введём НОВЫЕ,
дополнительные льготы. ✓✓

Single pronoun *all* stands in the same oval, emphasizing its intonation selection, meaning the implementation of maximum funds for human.

в которых созданы

ВСЕ УСЛОВИЯ

для комфортного проживания. ✓

Or the maximum coverage of the people participating in any event.

Но наш Земляк –

выстоял и опередил ВСЕХ! ✓

Поэтому ВСЕХ, ✓
кто обучается в Центре

за счёт бюджетных средств –
мы обеспечили компьютерами. ✓

Or provides the awareness of the audience about something meaningful for it (it is like a dialogue with the audience).

Свои льготы все вы знаете,
ими пользуетесь. ✓

Вы знаете, у нас в области

ВСЕ инвалиды

имеют право
на льготный проезд. ✓✓

Pronoun *all*, meaning the maximum of the efforts to improve the quality of life is also highlighted in the oval, outlined in red.

У нас в Кузбассе
сформировалась чёткая позиция –
сделать все возможное,
• чтобы максимально помочь
людям
с ограниченными возможностями
Здоровья. ✓

Хочу ещё раз подчеркнуть –

мы приложим
МАКСИМУМ УСИЛИЙ

и сделаем ВСЕ. ✓
что от нас зависит. ✓

Underlined phrases written in bold and highlighted in capital letters, by the red line, especially double, indicates that they are extremely important. The speaker must read these tokens maximally expressive, due to the red colour which stimulates and gives confidence and readiness to act [Serov, 2004: 176].

Эти слова можно сделать

ЖИЗНЕННЫМ ДЕВИЗОМ ✓

постоянно обновляется

оборудование ✓

Addresses are usually underlined in blue and dark green. Blue color qualifies “reduction of alertness, mood and intentions,” “a sense of heightened activation, tone and mood is associated with an increased sensitivity to the green component of the standard” [Yan'shin 2006: 207].

Уважаемые Земляки!

Уважаемые Земляки!

Wide underlining of light blue shade draws attention to some social problems and their solutions.

ЦЕНТР ДИСТАНЦИОННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

т. е. бесплатно,

Words related to the Orthodox faith, to any significant event are underlined light green.

ПОКРОВИТЕЛЕМ инвалидов
считается –

• приобщаются
к Православной Вере.

В нашем зале находится

Илев
Николай Николаевич
(г. Киселёвск).

Его можно назвать –

настоящим Чемпионом Духа.

был такой легендарный
русский атлет –
Иван Поддубный,

Thus, the choice of color for marking words and phrases is consciously or unconsciously motivated, it can give the text more connotation and place intonational accents.

The line spacing is increased after addressing, during enumeration, as well as between the thematic clusters (which is clearly shown in the article text).

In the speech it is characterized by both syntactic and logical intervals. The Governor's speech is remarkable for a large number of psychological pauses, which makes the speech affordable and creates a unique speech image of the speaker. Politician's profession is directly related to acting, so the characteristics of psychological pauses by V. Aksyonov seem appropriate: "Psychological pause may occur at the beginning of sentences – before words, within a phrase – between words and at the end of phrases – after the words read. In the first case, it warns the meaning of the coming words, in the second – shows psychological dependence (combining or disconnecting) of suggested idea on the next one, emphasizing the importance of these ideas and attitudes towards them, and in the third case, it holds the attention on the pronounced words and images, as if extending in the silence of the depth of their meaning. Psychological impact of a pause in the latter case is huge " [Aksyonov 1954].

Outlining some parts of the text, set phrases, tokens in the oval captures the speaker's attention, determines their intonation emphasize.

«Настоящая Сила –
Борьба была – тяжелейшая!
Побольше бы таких энергичных
и инициативных людей!

Несмотря на тяжелую травму,
полученную во время
боевых действий
в Афганистане,
Николай Николаевич
ведёт активную
общественную жизнь,

Red underlining of keywords in the borders of causal connectedness reveals their relevance in a particular time and place (the latter is in bold). One tick after the first keyword and two ticks at the end of the phrase highlight the will of the spoken person, provoking their intonation emphasize. Blue oval indicates the semantic significance of the subordinate and the main part of the proposal.

In addition, the oval and braces can divide the speech into small thematic blocks; provide super-phrasal unities, so that the speaker had no difficulty in reading the text.

The figures are distinguished by red oval or underlined by the same colour. Simultaneously graphical emphasize of numbers is propositionally connected in the meaning with the other graphically described words.

Он родился
с параличом обеих ног,
и 33 года был прикован
к постели.

Ежегодно
80 трудных подростков
от 12 до 16 лет
проходят школу
духовно-патриотического
воспитания.

В соревновании
по этому виду спорта участвовало
более 300 пара-олимпийцев
из разных стран!

более 50% детей (219 чел.)
с ограниченными
физическими возможностями.

С 2007 года ЖИЛЬЁ получили –
142 таких Семьи,
из них 42 Семьи –
в 2010 году

If there are a few figures that mean different phenomena (an indication of the time and any object or the result, carried out at the time and presented in figures), they stand out in different ways: the oval and underlining. That is, the work of propositional mechanism of the brain's mental functions: two predicative unrelated events. In the last of the above pieces of the text the numerical objects-results (142 and 42) are highlighted in red oval, and the time of their implementation (from 2007 and 2010) – a double red underline. Peculiar verbal and graphical mirroring, introduced in interconnected blue ovals, each of which in spite of a propositional semantic relatedness has a stake in independence, in violation of all the rules of syntax, is characterized by enumeration intonation, as indicated by bold point at the head of the phrase in the second oval. This technique characterizes tonal peculiarity of Tuleyev's style.

А в 2010 году
в Южной Корее –
стал
ПЕРВЫМ ЧЕМПИОНОМ МИРА
по настольному теннису
среди российских
спортсменов-инвалидов.

The significance of the described event is determined by the release in the red oval the time of its accomplishments, in bold lower case letters – the place of action and in bold capital letters – the result of action, underlined in red. The entire phrase is enclosed in a blue oval. Figure oval demonstrates globally significant result. A tick in the end of the sentence keeps intonation on the rise.

С 1 января 2011 года
ежемесячное пособие
на ребёнка
возрастет на 10%.
Также с 1 января 2011 года –
мы увеличим
минимальный размер
Кузбасской пенсии –
с 400 до 500 рублей
ежемесячно.

In these fragments the time is emphasized in bold, means (a monthly allowance – in bold and in red, the minimum amount of benefits – in bold), the percentage growth of the monthly benefit amount and the minimum Kuzbass pension (circled in a red oval and accented with red ticks). I.e. graphical notes are aimed at intonation selection of the verbalized arguments of propositional structure.

Полные Семьи,
где воспитываются
ДЕТИ – ИНВАЛИДЫ,
будут получать –
360 рублей
(было 330),

Significant in this fragment is that some funds will be allocated for the maintenance of children with disabilities. It is not accidentally that the subject for whom the money is allocated, accented by a red double line and the sum is taken in the oval. Double tick indicates the importance of the event.

В 2009 году –
мы создали специальную службу –
(при Центрах
социального обслуживания)
Всего за последние 2 года
воспользовались услугами
социального такси –
более 600 человек.

Всего за последние 8 лет –
(с 2002 по 2009 гг.)
этой премией были награждены
СТО кузбассовцев.

Repetitions of syntactic organization of a sentence, the initial repetitions – a characteristic feature of A.G. Tuleyev's texts. They influence the listeners, developing their high attention to what was said.

Propositional structure is actualized by the time circled in the oval, the means underlined in the second fragment in blue and the number of circled subjects that used these means (last fragment). Intonational difference goes with wide blue underlining and blue double tick at the end of the sentences in one case, and a red double tick – in the second.

In the following fragments of the text a double red line stands for: the subject of the action, the reward and the reward location. At the end of the phrase there is a double blue or red tick.

Нас всегда радуют достижения
студенческой молодежи.

В 2009 году – завоевал
золотую медаль –
на Сурд -олимпийских
Летних Играх
в Тайване.

Среди самых молодых
участников нашего приема –
Алина Васильева –
из города Гурьевска.

стала ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕЙ
городского фестиваля
любительского кино

Red line also accents predicatively related subject and the place of its residence.

Достойным примером
для многих кузбассовцев
является Семья Приходько
из поселка Яя.

And also the subjects that are close to the family.

Муж – Леонид Ильич
(инвалид второй группы, глухонемой)
вместе с супругой –
Зоей Григорьевной
воспитал двух замечательных,
талантливых
и трудолюбивых сыновей.
(оба инвалиды по слуху с детства)

Syntactic parallelism is a characteristic feature of Tuleyev's discourse which allows to receive the information easily and effortlessly.

Старший, Константин –
владеет несколькими
строительными
специальностями.

Младший, Алексей –
стал программистом.

Intonation of listings is fixed by bold dots. They may be red. At the end of each enumerated words underlined in red, there is a red tick.

Это коснется:
• детей войны;
• труженников тыла;
• награжденных знаком
«Жителю блокадного Ленинграда»
и других категорий получателей.
В школе:
• есть два
специальных ЛИФТА,
• на каждом этаже (3 этажа)
• нет порогов в кабинетах,
• даже ширина дверных проемов
больше, чем в обычной школе.
здесь два современных
тренажерных зала,
• работают кабинеты массажа,
• физио-лечения,
• стоматологии.

в который входят:

- кабинеты психолога, ✓
- врача, ✓
- стоматолога, ✓
- физио-процедурный кабинет, ✓

На досуге студенты могут посещать

- кружки художественного творчества, ✓
- изо-студию, ✓
- фото-лабораторию, ✓
- заниматься вокалом, ✓

Or there are blue dots, enumerated words are underlined in red single or double line (with single red or blue ticks after each of the enumerated words). Clarification is accented by a wide blue line.

Илья Муромец,

так же, как и каждый из вас, –

никогда не терял:

- Веру в Бога, ✓
- Веру – в себя, ✓
- Свои силы, ✓
- Веру – в Добро, ✓

Как вы знаете, у нас работают

6 Центров реабилитации

для детей и подростков с ограниченными физическими возможностями:

- (в Кемерове, ✓
- Новокузнецке (плюс два филиала), ✓
- Анжеро-Судженске, ✓
- Ленинск-Кузнецком, ✓
- Мариинске, ✓
- Прокопьевске), ✓

У Алины немало талантов:

- и учится на «отлично»

в Томском государственном университете

систем управления и радио-электроники (ТУСУР), ✓

- и увлекается кино, ✓

Either by double blue tick at the end of the enumeration, with double red line underlining repeated words, the blue line specifying the subject.

Николай Николаевич имеет заслуженные награды:

- медаль «Войну-интернационалисту от благодарного народа Афганистана» (1986 г.)
- и медаль «За особый вклад в развитие Кузбасса III степени» (2004 г.)

Считаю, многие из вас –

также могут стать прототипами

для песен, ✓

фильмов, ✓

книг – ✓

о Героях нашего времени. ✓

There can be blue dots, blue underlining of the enumerated words with red ticks after every single word and double blue tick in the end of the phrase.

хочу поблагодарить:

- РУКОВОДИТЕЛЕЙ предприятий, ✓
- учреждений, ✓
- организаций, ✓
- СОБСТВЕННИКОВ компаний, ✓

которые ПОМОГАЮТ своим Землякам. ✓

Instead of points there can be lines.

провёл колоссальную работу:

- собрал весь материал по Семьям погибших воинов
- в Афганистане ✓
- и Чечне – ✓

по городу Киселевску. ✓

Они получают здесь востребованные профессии

- (менеджер, ✓
- спасаре, ✓
- портной, ✓
- художник, ✓
- часовщик, ✓
- машиностроитель, ✓
- и другие), ✓

Homogeneous terms of clauses linked by enumerative tone presented in the speechwriter's text, like the other fragments of the text in the form of rhymes, are underlined in red with a tick after each word without setting dots or dashes in front of them.

И потому что Победа завоевывается

стойкостью, ✓

решимостью, ✓

твёрдой Верой в свои ценности! ✓

Считаю,

наш Земляк

Сергей Поддубный

не уступает –

по Мужеству, ✓

воле, ✓

настойчивости, ✓

своему знаменитому однофамильцу.

Такие ребята, как Алина –

умные,

созидательные

и творческие –

настоящая ГОРДОСТЬ Кузбасса. ✓

Bold dots, signaling the enumeration of the facts and provoking enumerative tone may determine enumerative tone, including the subordinate clause with the connective word *which*. It is also the feature of Tuleyev's style.

«СОЦИАЛЬНОЕ ТАКСИ» -

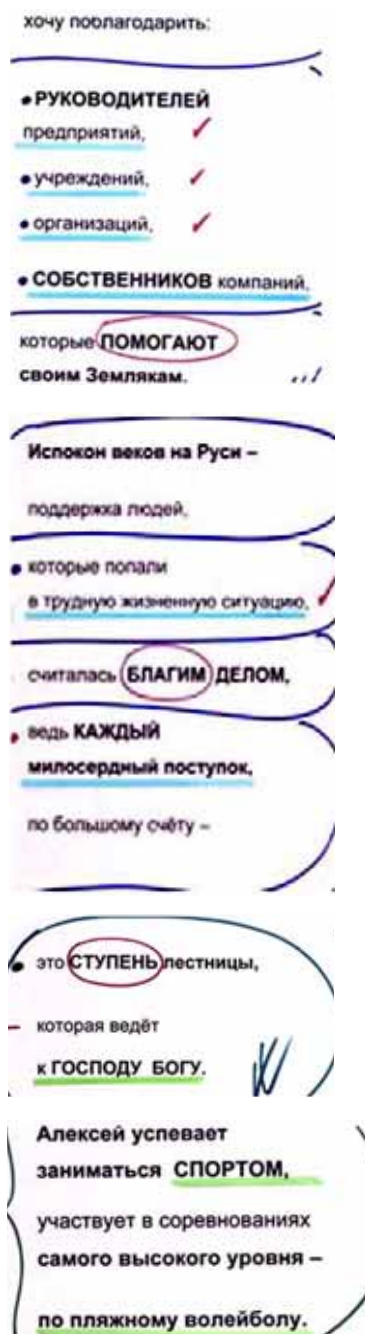
- для перевозки людей, ✓
- которым по состоянию Здоровья

трудно самостоятельно передвигаться на общественном транспорте. ✓

Наша особая забота –

это поддержка Семей, ✓

- в которых воспитываются дети с ограниченными возможностями Здоровья. ✓

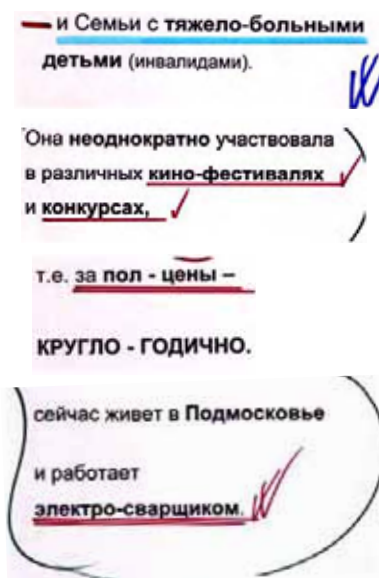

Semantic unity of generic and specific words is indicated by emphasizing the words in one color – a broad green line.

The speaker in his speech intonationally highlights all the graphically designed expressions, and puts the emphasis on those tokens that are relevant specifically for him.

Another feature of the Governor's speeches is deliberately misspelling of difficult words. The text often has separation of parts of a compound word with a hyphen. The use of this type of error has intentional psychological reasons, the speaker "has the desire to understand and" correct "not very usual

morphology of the word, to make it" easier to understand ". [Lavoshnikova 2002: 159].

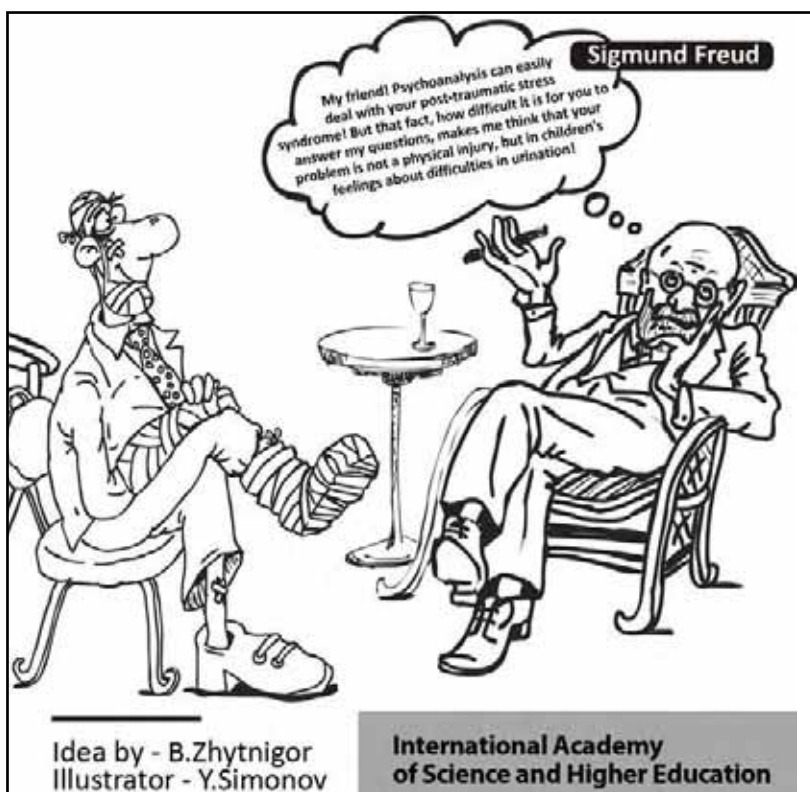
It should be noted that such key words as faith, goodness, love are always written in the text with a capital letter in bold, determining their significance for the speaker, the penetration into the deeper meaning of these words.

The analysis of the graphic design of the speechwriter's text written for A.G. Tuleyev, the Governor of the Kemerovo Region, shows that the graphics are well designed, typed, promote the

effectiveness of oral utterance of the written text, allow to keep the audience in good emotional stress, cause comprehensible sounding information, form verbal image of the speaker. Supragraphemic and topographemic analysis of a speechwriter's text revealed effects of mental propositional knowledge structures that direct verbalization of speaker's thoughts (this issue in more details will be the subject of another article).

References:

1. Aksyonov V.N. The art of words. – M.: Publ. APN, 1962. – 174 p.
2. Anikayeva A.A. The essence of non-verbal means in print advertising // Scientific Bulletin BelSU. – Belgrade, 2011. – P. 186-191
3. Dushenko K.V. Universal quotations of politician and journalist. – M.: Exmo, 2006. – 151 p.
4. Lavoshnikova E.K. On the "pitfalls" in computer systems for spelling testing // Moscow University Bulletin. – M. 2002. – P. 151-162
5. Serov N.V. Color culture: psychology, cultural studies, physiology. St. Petersburg: Rech, 2003. – 672 p.
6. Yan'shin P.V. Psychosemantics of colours. St. Petersburg: Rech, 2006. – 368 p.

Redkva Y.,
Associate Prof.
Yuriy Fedkovych
Chernivtsi National
University,
Ukraine

Conference participant,
National Research Analytics
Championship,
Open European-Asian
Research Analytics
Championship

HISTORICAL OIKONYMY OF THE WESTERN UKRAINE IN COMMON SLAVIC CONTEXT (AS EXEMPLIFIED BY THE EVOLUTION OF TOPOFORMANT *-IŠČE // *-ISKO IN SLAVIC LANGUAGES)

The author has conducted historical-etymological analyses, examined genesis of old formants *-isce // *-isko in the names of settlements Halych and Lviv Lands of the Ruske wojewodstwo. On the basis of the oikonymic material from most Slavonic territories at old Slavonic level base appellatives lexemes are reconstructed serving the basis for creation of the names of settlements both on analysable narrow local territory and on Pan Slavic territory. The mechanisms of formation of historical oikonymy were traced and described from the reconstructed appellatives forms, thus indicating settlement of the territory under study by autochthonic Slavonic indigenous population.

Keywords: oikonym, base appellative, toponym, formant, reconstruction of appellative form.

Proto Slavic suffixes *-išče // *-isko have long been the focus of studies by Slavic linguists as their proto Slavic genesis have not yet been established by now. *-išče and -isko derivatives, their use on Pan-Slavic area, especially in eastern Slavic countries have not been established either. Scholars who work on *Slavic Onomastic Atlas* constantly add up new material filling in the gaps where toponymic coinages with *-išče and -isko formants are also represented.

One of the first scholars who tried to provide explanation about the formants was W. Taszycki who presumed that suffix -iszcze is a result of expansion and palatalization of initial *-istb by means of jo-, i.e. *-istb-jo- > -išče. He believed that formant -išče was formed before *-bško and is also of common Slavic origin. On the other hand, *-isko is a contamination of *-išče and *-bško, belongs to western Slavic coinages that superseded primary *-išče. In Polish the formant *-isko predominates, and both are used in Slovak and Czech. In Sorbian and Polabian *-išče predominates and its availability in Polish toponymy and appellatives is a result of Eastern Slavic influences according to [8, 213–227]. Y. Safarevych ties initial -i- in the formant *-isko with its expansion of its function of adjective-nominal in Proto Indo European formant *-isko to adjectival in Proto Slavic *-bšk-. Nominal function has the formant *-isko- (with long -i-), though conditions for lengthening existed in preverbal coinages ending in *-isko [6, 23–26]. S. Rosponds believes that suffix *-išče is widely used in Southern and Eastern Slavic languages, and its use in some

Western Ukrainian dialects is explained by Polish influence [5, 175–183]. F. Slawski believes that formant *-isko is connected to *-bšk (bško), explaining its origin from Proto Indo European *-isko to denote adjectives with neutral and diminutive and pejorative meanings. The form *-isko is a result of absorption of -i- to primary *-bšk from verbal stems of the type *lov-i-ti // lov-i-sko // lov-i-šče, lož-i-ti // lož-i-sko // lož-i-šče. Polish formant *-iszcze is considered to be the development of *-išče (< *-isk-jo-, i.e. expansion of *-isko). The main function of formants *-isko // *-išče is the formation of place names derived from verbal and nominal stems [7, 95–97]. Y. Zakrevska believes that suffixes -uyc // -uc(b)ko [-yshche // -ysko] (*-išče // *-isko) are the most productive derivational formants to denote place names (*nomina loci*) in Ukrainian and other Slavic languages and fairly allocates them to common Slavic names. The scholar established correlation of the suffixes -uyc // -uc(b)ko [-yshche / -ysko] in place names from the point of view of their territorial differentiation in Ukrainian linguistic area and other Slavic languages and drew a conclusion that suffix -uyc [-yshche] is widely used in northern and eastern Ukrainian dialects whereas suffix -uc(b)ko [-ysko] – western Ukrainian dialects (without most of Carpathian patois) though parallel forms of -uyc // -uc(b)ko coexist there as well. As far as other Slavic languages are concerned, formant -uyc [-yshche] is characteristic for Eastern and southern Slavic languages (and partially to western Slavic ones), and -uc(b)ko [-ys'ko] is predominant in western

Slavic languages, partially in Ukrainian and Polish, and absent in southern Slavic languages. [1, 32]. Therefore we can argue that suffix -uyc [-yshche] has its Ukrainian equivalent of the suffix -ucbko, similar to Polish where suffix -iszcze(a) has its equivalent of -isko(a).

As far as chronology of these formants appearance is concerned in place names, we can trace here that formant -iszcze(a) is older than -isko(a) despite their coexistence. Apart from that with time -isko (-ucbko) substituted its predecessor (-iszcze) by its frequency of use and became relatively more productive. Parallel use of the suffixes and predominance of (-isko) is proven by sources of sixteenth through eighteenth centuries.

We have found twenty-one ancient oikonyms (place names) and fifty-seven more of their phonetic and morphological varieties among place names of Halych and Lviv Lands of Ruske wojewodstwo with suffixes *-išče // *-isko. Due to lack of space here we provide reconstruction of their basic appellative forms on Proto Slavic level. These Proto Slavic appellative forms are characteristic for oikonymy of all Slavic territories. They are the following: *bybnišče // *bybnisko, *yglišče // *yglisko, *gordišče // *gordisko, *gumnišče // *gumnisko, *duplišče // *duplisko, *dvorišče // *dvorisko, *harnišče // *harnisko, *kad0bišče // *kad0bisko, *kropivišče // *koprivnišče, *létovišče // *létovisko // *l'utovisko // *l'utovišče, *neděliško // *nedělišče, *nezvisko // *nezvišče, *ezerišče // *ezerisko, *sědlišče // *sědlisko, *targovišče // *targovisko, *(j)asenišče, *(j)asenisko.

Later appellative forms – *зутисько* [hutysko]//*зутище* [hutyshe]/*лусиско*, *млиниско* [mlynysko] // *млинище* [mlynyshe]//*млынско*, *монастирище* [monastyryshche] // *монастириско* [monastyrysko] – substantiate both the appearance of new realia in material culture of the population of the historic area and possibility to become names of first settlements. We believe this process happened simultaneously.

Alas, the limitation of space prevents us from illustrating of more than one Proto Slavic appellative which is **gordišče* // **gordisko* “town // city, fortress” in onym function both on the territory of the former Lviv and Halych Lands of Ruske Woyewodstwo and Pan Slavic area.

Городище [horodyshche], Zhydachiv District, Lviv Oblast [ATY, 178], **Grodziszcz** (**Grodzisko**, **Horodyszcz**, **Hrodziszcz**) 1376 “*Waszconis de Pkowicz, villam nostram Grodziszcz in districtu Zudaczowiensi*” [ML, 4–6]; **Hrodziszcz**: “*super villam Hrodziszcz in terra Zudaczowiensi dati per olim Ladislaum ducem Oppoliensem, Wyelunensem et Russie cuidam Waszykoni*” [BK]; in 1431 [ML, 75], [MRPS 1, 57]; in 1557 [SGL, t. 330, 53], **Horodyszcz** Cetn. (pd. Strzeliska) in 1448 [AGZ, 2, 134], **Horodyszcz** Celtnerskie, z. lw. (Brzozdowce) [Atl. Jabł. m. 3], **Horodyszcz** Królewskie, z. lw. (Brzozdowce) [Atl. Jabł. m. 3]. Evidently, we can assume that originally the same place name had the village of **Городищенське** *Horodyshchenske* Zhydachiv District, Lviv Oblast [ATY, 178], situated almost next to it. The suffix of place relevance **-ськ-** [-s’k-] was added to place name to differentiate and therefore both place names **Городище** – **Городищенське** [Horodysche – Horodyschenske] should be considered oikonyms with binary oppositions that are elementary toponymic microsystems. **Городище** [horodyshche], Kozivskyi District, Ternopil Oblast. [ATY, 263], **Grodzyszcze** (Brzeżany) in 1431 [MRPS 1, 57], **Grodzisko** (**Horodyszcz**) in 1467, and 1468 [AGZ 2, 111, 112], **Grodzisko** „(dawniej **Grodzisko**) ... osada miała ufortyfikowany zamek, z którego szczątki istnieją jeszcze na pagurku” [SG 3, 150], and also: **Horodyszcz** in 1564

(Tarnopol) „*Nazwa tej włości pochodzi od istniejącego tu dawniej grodu*” [SG 3, 151]; **Horodyszcz** (Borszczów). **Grodzisko** [Lustr. 1661–1665 / II, 83–84]. **Grodzisko**, z.lw., pow. i obw. żółkiew., in 1368 „*villas videlicet ... Grodzisko*” (Wieś zatraciła swą nazwę) [KDM, 3, 224–225]. **Horodyszcz**, z. lw. (Pomorzany) [Atl. Jabł. m. 6]. **Grodzisko** (pod Lwowem) in 1368 [KDM 3, 225]. **Городиська** [horodys’ka], Rohatynskyi District, Ivano-Frankivska Oblast [ATY, 126]. **Grodziszcz**, z. hal., in 1431 „*cum opido Dolyna et villa Grodziszcz in terries Russie*” [ML, 61–63].

Cf.: Czech Hradiště (1126), Sorbian Grodišče – at present Groitsch (castellum Grodista (952), Grodisti (965), Grothisti (1004) – at present Gruditsch; two villages: 1). Grodiz (1217), 2). Grodis (1222), at present Gruditz); Polish Grodziszcz: Greater Poland. (Grottische (1259), Grozisce (1277, 1280); Grodische (1350, 1512) – the village does not exist today; Silesian (Grodische (1244); Grody (1315); Grosziste (eighteenth century), Grodische, Grodische), Siradsko-Lenchynska Land, Western Pomorze; Horodyszcz: Podlaskie, north east of Lesser Poland, (Horodische (1576), Horodyszcz); eastern Lesser Poland (Grodziszcz (1448), Hrodzyszcze (1522), Horodische (1562), Grodziszcz (1531), Grodzisko (1578), Horodyszcz Kolonia, Horodyszcz Cegielnia); Polish (Silesian) Grodziszcz, Grodische (1244); Greater Poland (Grottische (1259), Groszisce (1277), Grozisce (1280), Grodische (fourteenth century), Grodiszcza (Grosziste (fourteenth century), Grodiszcza); Polish Grodziszcz > Grodzisko: 1) 1287, 2) 1290 – fifteenth century (south western Lesser Poland), 3) 1321 (Silesia), 4) fourteenth century – 1679, 1783 (Silesia), 5) 1382–1407 (Greater Poland, at present Grodzisk), 6) 1401–1407 (Greater Poland, at present – Grodziszczko (1789)), Horodyszcz (1673) > Horodysko (1882) – eastern Lesser Poland; Grodziszcz > Grodzisko: Polish (Silesian): Grodziszcz (1234), Grodzyszcz (1321) – Grodzisko; (Grodische (1300) – Grodzisko (1783) – Grodzisko (Grodzicko (1679); Greater Poland: Grodzyszcz (1301) – Grodzisko (1406), Grodziszcz (1401) – Grodzisko (1407, 1510) – at present Grodziszczko (1789); (Grodyszcz (1352), Grodische

(1382) – Grodzisko (Grodzisko (1407), at present Grodzisk; south western Lesser Poland: Grodzyszcz (1254), Grodische (1256), Grodische (1287) – Grodzisko (fifteenth century), Grodzyszcz (1270) – Grodzisko (fifteenth century) [9, 30–31, 33–35, 37, 39]; [10, 102, 104–105].

Polish ethnographer W. Milerski traced the development of all the forms of appellative *gorodysche* (horodysche) exemplified by Silesian place name Grodziszcz. He studied evolution of spelling of this place name beginning from 1405: in Grodische (1303–1306), Hradyszcze (1447), Grodischtz (1450), Grodiszcze (1607), Grodist (1681), Grodisz (1682), Grodischt, Grodischtz (1683), na Grodissti, Grodisst, Grodisstz, Grodiszcz (1703), Grodischtz (1736), Grodziszcz (1881), Grodziszcz (1877), Hradiště (1894), Grodišče (1920–1923) [4, 57].

The stem of all appellatives discussed is Proto Slavic appellative **gordišče* // **gordisko* (< **gordb* // **gorda* // **gordb* „town / city, fortress” + *-išče* // *-isko*) [ЭССЯ 7, 34–35, 37–38].

Cf later appellative coinages: *gorodysche* [horodysche] „ancient earth fortification, settlement” [Гр. 1, 315], „settlement, fortified by bulwarks and moats” [CYM 2, 136]; Polish *grodziszcz*, *grodzisko* „ruins of the town/city” from old Slavonic *hrodziszcz* [Słstp], *horodyszcz* [SP XVI], *horodyszcz* „uroczysko z pozostałymi śladami okopów, dawnego zburzonego czy opuszczonego gródka czy zameczka” [Żdź. XVIII / 2, 185]; *gorodysche*, *gorodische*, *gorodysche*, *gorodysche*, *horodysche* [horodyshe], [horodyshe], [horodyshe], [horodyshe] „settlement fortified by bulwarks and moats, ancient settlement; place where the remnants of the fortified settlement were preserved”, cf ibid. place name: **Городище** [horodyshe], **Хородище** [horodyshe], **городище** Бельское [horodyshe Belskoye], **городище** Земенское [horodyshe Zemenskoye], **городище** Четвертенское [horodyshe Chetvertenskoye] [CYM XVI-п. пол. XVII / 7, 35–36].

So, the data presented above from different Slavic areas and etymologization of settlement names of Proto Slavic appellative **gordišče* // **gordisko* of Lviv and Halych Lands allow us to

draw a conclusion that suffixes **-išče* // **-isko* were in parallel use in different Slavic languages. For Ukrainian, and its patois in particular, that is supported by historical place names of both lands – as the most ancient Ukrainian place names, – suffix *-уцько (-ysko)* became dominant since fifteenth century, and as Y. Zakrevska states that “along with an equal suffix in meaning *-ище (-išče)* in the literary language that is a development of Church Slavic suffix *-уище (-yshte)*, as a result of which there was a parallel use in Ukrainian of both suffixes *-ище* // *-уцько (*-išče // *-isko)*” [1, 41]. The most ancient place names

for the area were Targowyszcze (1368) and Grodzysko (1368). Therefore we have evidence of parallel use of **-išče* // **-isko* in place names in the lands in the fifteenth century

If we trace the data since Proto Slavic era, the use of suffixes **-išče* // **-isko* in place names in other Slavic territories and other languages, the most ancient records are available for Sorbian language with names Gumnišče (Gimritz) // Guministi (850), Grodišče (Groitsch) // castellum Grodista (952), Grodisti (965, the settlement is nonexistent today); Polabian – Nedělišče // Nedialesci (965); Czech Hradiště (1126); in Polish the

suffix **-išče* originated in the second half of the twelfth – the beginning of thirteenth centuries and is exemplified by the following place names: Targoviste (1153) Sedlisce (year 1208), Grodziszczce // Grodische (1244), and later in this Western Slavic language there is a tendency to substitute suffix **-išče* with its parallel correspondent suffix **-isko* in the fifteenth century.

On the other hand, we report the fact that in Ukrainian oikonymic system in modern place names the suffix *-ище* < **-išče* prevails over *-уцько (-yska)* < **-isko*. The data provided in Table 1 we can trace it:

Table 1.

The Use of **-išče* / **-isko* in Ukraine

Oblast	<i>*-išče</i> / <i>*-isko</i> correspondence before renaming, Sep. 1, 1946, (Kovalyk, 1970, 15–20)		<i>*-išče</i> / <i>*-isko</i> correspondence before renaming, Sep. 1, 1946, (Buchko, 2001)		<i>*-išče</i> / <i>*-isko</i> correspondence before renaming, Jan. 1, 1987, (Kryzhanivska, 2001)	
	<i>-ище</i> (<i>*-išče</i>)	<i>-уцько (a)</i> (<i>*-isko</i>)	<i>-ище</i> (<i>*-išče</i>)	<i>-уцько (a)</i> (<i>*-isko</i>)	<i>-ище</i> (<i>*-išče</i>)	<i>-уцько (a)</i> (<i>*-isko</i>)
Volynska Oblast	55	1	63	3	30	1
Rovenska Oblast	42	3	48	6	12	1
Zhytomyrska Oblast	34	4	44	3	35	5
Chernihivska Oblast	26	1	30	1	17	
Lvivska Oblast	30	10	28	21	15	13
Kyivska Oblast	23	–	27	–	17	–
Poltavska Oblast	13	–	10	–	4	–
Sumska Oblast	9		15		12	
Ivano-Frankivska Oblast	9	2	11	5	9	3
Vinnitska Oblast	8	–	9	–	9	–
Ternopil'ska Oblast	7	7	12	9	6	5
Kharkivska Oblast	6	–	7	–	8	–
Khmelnitska Oblast	6	3	7	5	4	2
Dnipropetrovska Oblast	4	–	6	–	1	–
Luhanska Oblast	4	–	3	–	3	–
Chernivetska Oblast	3	–	2	–	3	–
Zakarpatska Oblast	2	–	2	–	2	–
Kirovohradska Oblast	1	–	2	–	–	–
Zaporizka Oblast	1	–	2	–	1	–
Donetska Oblast	–	–	2	–	1	–
Cherkaska Oblast	–	–	–	–	6	–
Odeska Oblast	–	–	–	–	1	–
Total	283	31	330	53	196	30

As we can see from the data presented in Table 1, that the largest number of place names with formant *-uice* (*-iŝče) – 330 – as registered in Administrative Division Index as of September 1, 1946, and later in the Index published in 1987 this number is considerably decreased to 196 place names. The ratio of names with *-isko* (a) (*-isko) suffix is 53 / 30 respectively. This happened not because of an attempt to restore historic names but administrative renaming to substitute more ancient dialect suffix *-isko* (a) (*-isko) with its literary correspondence – suffix *-ище* (*-iŝče): in Lviv and Halych Lands such renaming happened to the following place names Gutysko > Gutyshe, Litovysko > Litovyshe [ATV, 880-1040]. Apart from that we can see gradual (and considerable) decrease in place names with the formants. The explanation is the loss in productivity of ancient derivative models in creating place names. There is an interesting fact (according to Index 1987) six place names with *-uice* (*-iŝče) suffix in Cherkaska Oblast despite their absence in previous years [Table 1]. The data for 1946 were presented by us and Kovalyk [2] differ on the grounds that we took into consideration place names that were renamed, unlike Kovalyk did who used the data after September 1, 1946.

Explanation of place name origins of Halych and Lviv Lands of the former Ruske Woyewodstvo in Pan Slavic area with ancient suffixes *-iŝče // *-isko, considering a phenomenon of substitution, indicates to an even spread of the place names and their appellative forms mostly to denote space in the area of Slavic linguistic and ethnic territory since the time of Proto Slavic linguistic areal community.

References:

1. Закревська Я. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті. – К.: Наукова думка, 1976. – 162 с.
2. Ковалик І.І. Українські топоніми з суф. *-ище*, *-нище*, *-бище*, *-овище*, *-исько*, *-овисько* на загальнослов'янському фоні // Вісник Львівського державного університету. Серія філол., 1970. – Вип. 7. – С. 15–20.

3. Milerski Władysław. Wędrówki nazewnicze. Grodziszcz (1). Nazwa miejscowości // Zwrot: Miesięcznik Społeczno Kulturalny polaków w Czechosłowacji. – Czeski Cieszyn, 1990. – nr. 11. – S. 57–59.

4. Milerski Władysław. Wędrówki nazewnicze. Grodziszcz (4). Grodziszcz czy Grodziszcz ? // Zwrot: Miesięcznik Społeczno Kulturalny polaków w Czechosłowacji. – Czeski Cieszyn, 1991. – nr. 4. – S. 65–68.

5. Rospond S. Próbný atlas toponomastyczny Słowiańszczyzny. (Typy słowotwórcze *-itjo-*, *-jb*, *-bsk-*, *-isko* // *-iŝče*, *-ьно*) // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 2. Językoznawstwo. – Warszawa, 1963. – S. 175–183.

6. Safarewicz J. Pochodzenie słowiańskich przyrostków *-isko*, *-iszcz* // Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń PAU LXV, 1939–1944, S. 23–26.

7. Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod. red. F. Sławskiego. – T. I. – Wrocław, 1974. – S. 43–141.

8. Taszycki W. Przyrostek *-isko*, *-iszcz* w językach zachodniosłowiańskich // Slavia IV, 1925. – S. 213–227.

9. Wyderka B. Polskie nazwy toponimiczne z formantem *-iszcz* // Onomastica XXXVIII, 1993. – S. 29–43.

10. Wyderka B. Zachodniosłowiańskie nazwy miejscowe z formantem *-iszcz* // Onomastica Slavogermanica XX. – Wrocław, 1996. – S. 101–107.

List of Abbreviations:

ATV – Адміністративно-територіальний устрій. Українська РСР (1987). – К., 1987. – 504 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974–2005. – Вып. 1–31.

Гр. – Словарь української мови / Упор. Грінченко Б.Д. – К., 1907–1909. – Т. I – IV.

СУМ – Словник української мови. – К.: Наук. думка, 1970–1980. – Т. I–XI.

СУМ XVI–XVII – Словник української мови XVI–п. пол. XVII ст. / Відп. ред. Д. Гринчишин. – Львів, 1994–2004. – Вип. 1–11.

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie. – Lwów, 1868–1935. – T. 1–25.

Atl. Jabł. – Atlas historyczny Rzeczypospolitej Polskiej. Epoka przełomu z wieku XVI na XVII. Dział II: Ziemie Ruskie Rzeczypospolitej. – Warszawa-Wiedeń, 1889–1904.

BK – Biblioteka Kórnicka // Kopia z kodeksu II. 68., p. 75.

KDM – Piekosiński F. Kodeks dyplomatyczny Małopolski. Monumenta mediae aevi historica. – Kraków, 1876–1905. – T. I–IV.

Lustr. 1661–1665 / II – Lustracja województwa Ruskiego 1661–1665. Ziemia Lwowska. – Wrocław, 1974. – Część II. – 216 s. + mapa.

ML – Materiały archiwalne wyjęte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 r. – Lwów, 1890.

MRPS – Matricularum Regni Poloniae Summaria / wyd. T. Wierzbowski. – T. I–IV (1905–1910). – Varsoviae, 1905–1961.

SG – Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. – Warszawa, 1880–1902. – T. I–XV.

SGL – Sąd Grodzki Lwowski. Books of Acts of Lviv city court, Ruske Woyewodstvo that are part of Central State Historic Archive of Ukraine in Lviv (ЦДІАЛ. – Fund # 9). Figures following the abbreviation denote volume and page number.

SP XVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. – Wrocław, 1966–1988. – T. I–XVIII.

Słstp – Słownik staropolski. – Kraków, 1953–... – T. I–X.

Żdz XVIII / 2 – Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Ziemia Ruskie: Ruś Czerwona / opisana przez A. Jabłonowskiego. – Warszawa, 1903. – T. XVIII. – Część II. – 491 s. + dodatki.

Other Abbreviations:

zółkiew.	Zhovkva
pd.	South
pow.	District
obw.	Oblast
z. hal.	Halych Land
z. lw.	Lviv Land

Taranenko L.,
PhD, Assoc. Prof.
National Technical
University of Ukraine
"Kyiv Polytechnic
Institute",
Ukraine

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике

DIFFERENTIATION OF SMALL FOLKLORE TEXTS ACCORDING TO THEIR LENGTH

The paper presents the analysis of characteristic features of folklore texts of a small form. It also offers a method and quantitative intervals for the analyzed texts systematization according to their length.

Keywords: folklore, small form text, genre, text pragmatic orientation, size.

In modern linguistic literature one comes across a variety of terms denoting a small form text. Researchers use predominantly such terms as "small genres" [7; 19], "speech genres", "text-formula", "folklore of speech situations" [10: 6-7], "microtexts" [12: 6], "compressed texts" [1: 84], "short texts", "minimal texts" [19], "text of a small size", "minor forms" [3; 14: 2] etc. This variety of terms is determined by the fact that while explaining the given concepts their authors consider in each case only a certain set of small texts features as well as apply different approaches to the quantitative estimations of their length.

Therefore the aim of the present analysis is to define the leading features determining the distribution of small form folklore texts according to their length.

The notion "texts of a small form" implies, as a rule, literary compositions of different genres that share a common feature – a small size [10: 6] as well as render a "high concentration of feelings and actions" [17: 22].

Usually the basic characteristic features of small form texts include: generalized laconic statement of facts, presence of a traditional circle of characters and motifs, containing allegorical meaning, humorous or satiric colouring, unexpected witty denouement [15: 8], increased vividness and symbolism [19]. Besides, due attention is paid to the small form texts simplified structure, uncomplexity of figurative means, laconism of spatial and temporal organization, the use of typical syntactic structures, continuity of actions development, brevity of denouement, close interconnection of factual and conceptual information [16: 4-10], etc.

In the process of studying this problem we came to the conclusion [18:

31] that from a communicative point of view a small form text acquires certain specific features, such as: compactness of their stylistic devices and expressive means, brevity and consistency of ethical idea presentation, absence of redundant information, and simplicity of the compositional structure. All these features provide, in the long run, a lapidary style of the analyzed texts.

The majority of authors are also far from a unanimous agreement as to the criterion of classification of the size of small form prosaic texts. It is known that in the English language tradition it is accepted to consider the text as a small one if it comprises 300, 500 or 1500 words [11]. In the Russian tradition the size of a text is calculated in symbols or pages, namely they suggest to regard the text as a small one if its size reaches 2000 symbols, 5400 symbols and even 9000 symbols. In addition, with the spread of e-texts small form texts are viewed as those that fit into "one screen". Besides, from the psychological point of view [11] the text is considered as a small one if it is perceived instantaneously as one act.

The analysis of the stated above ideas gives us every reason to consider the number of words in the text as an integrating feature of systematization of small form folklore texts according to their length.

Another feature common for small folklore texts lies in their ability to combine pragmatic and aesthetic "beginnings" [10: 15], i.e. their practical utilitarian and artistic functions. Besides, the attention is focused on the fact that small folklore texts perform educational and prognostic functions [20: 210].

It should also be mentioned that the notion "folklore texts" traditionally includes the following text varieties

[ibid.: 210-211]: proverbs, sayings, riddles, formulas of greeting, threats and curses, ceremonial and magical statements, ritual appeals, formulas that accompany fortunetelling, superstitious beliefs, dreams interpretations, popular beliefs. Their variety also comprises tongue-twisters, incantations [10: 6] as well as anecdotes and chastushkas (i.e. humorous rhymes) [13].

In addition, it was proved in the generalized model of literary genres genesis, suggested by A. Kalyta and L. Taranenko [9], that the living language of folklore has been and still truly is the source of both literature development and literary language development. According to this model there are the following varieties of small folklore texts: spiritual-and-ideological (myth – ballad – legend), cultural-and-household (proverb – saying – belief – fairy-tale), creative-and-educational (riddle – anecdote – fable – parable). We presume that within these groups of folklore texts there is a tendency of their subordination in terms of text length and the degree of language means complexity.

The systematization of size of the mentioned folklore texts was carried out in the following logical sequence. In the scope of each genre (legend, ballad, myth, saying, etc.) we analyzed from 150 to 200 authentic texts from the corresponding English language sources [see, for instance, 2; 4; 5; 6; 8, etc.].

During the analysis within each genre group we singled out, first of all, the texts having the minimal and maximal amount of words. Then we performed the procedure of grouping other texts into separate clusters on the basis of the scale step of 250 words. The length of texts within each cluster was amounted to their average size. The obtained average indexes of the texts length of each genre were represented

on graphs in coordinates “the number of words”–“the type of genre”.

The specificity of constructing the axis “the type of genre” lies in the fact that the obtained average indexes were located arbitrarily according to the principle of the increase of the text size absolute value. Due to this we built graphic interpretations (in the form of a row of curves) of the regularities of the increase in the text size within definite genre groups (see Fig. 1).

To define optimal limits of the division of texts into small, middle and large we suggested that one should apply the method of a so-called “comprehensive” angle. The essence of this method consists in the following: beginning from the zero point of coordinates (see Fig. 1) and up to the farthest points of the examined curves we drew two lines that created the maximal angle comprising the analyzed set of curves. Then we drew the bisecting line

of this angle. The point of its crossing the curve which represents the maximal number of words in a certain group of texts was projected on a y-axis (see Fig. 1, where these are the curves that show the length of myths, fairy-tales and parables).

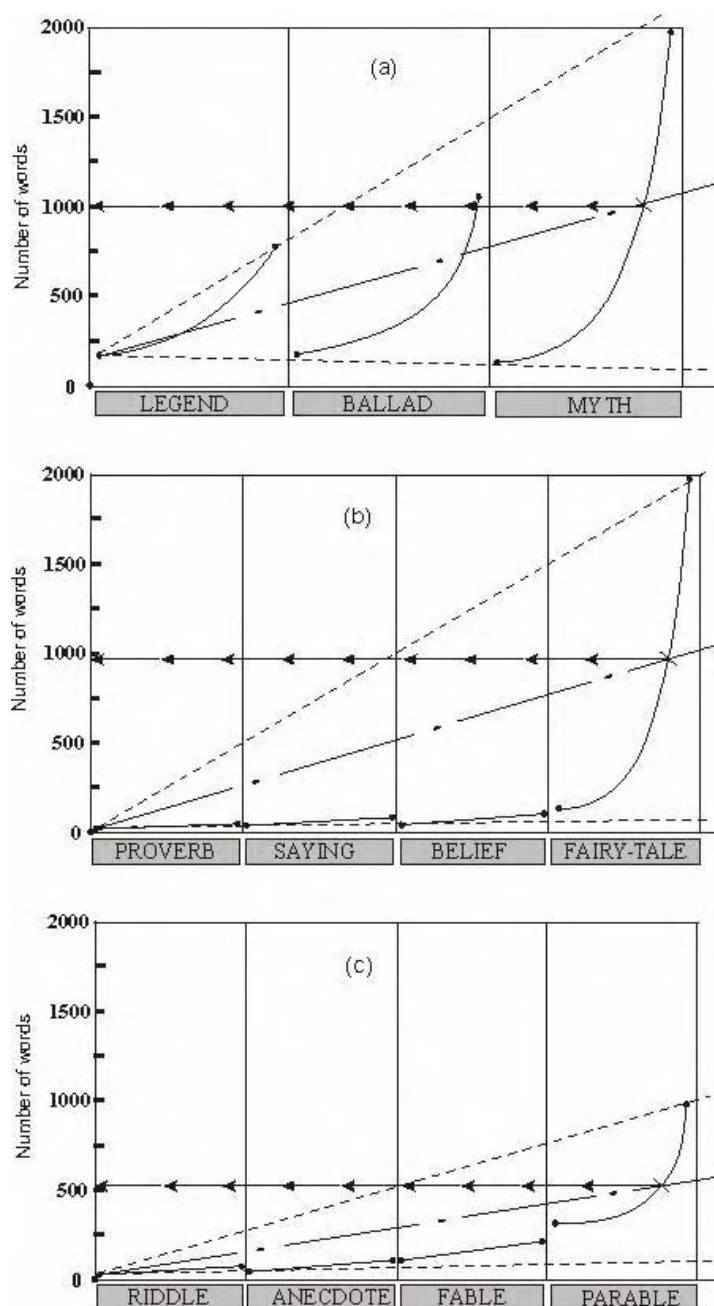
Further logic of folklore texts classification according to the number of words in them was deducted directly from the created graphic images. According to this logic it is expedient to consider all folklore texts, whose amount of words varies from 1 to 1000 words, to be of a small form. The texts, whose amount of words ranges within the limits of 1000-2000 words, can be termed as middle texts. Other folklore texts present the group of large ones.

The substantiated systematization of folklore texts does not violate the above-mentioned ideas [11] and fully complies with a person’s psychophysiological specificity to perceive the text as a small one if it fits into no more than two pages.

Summing up the stated above, we have all grounds to state that, firstly, depending on the general didactic function, folklore texts can be subdivided according to their pragmatic orientation into spiritual-and-ideological, cultural-and-household as well as creative-and-educational texts. Secondly, small folklore texts of spiritual-and-ideological orientation comprise legends, ballads and myths; the group of folklore texts of cultural-and-household orientation is made up of sayings, proverbs, popular beliefs and fairy-tales; folklore texts of cultural-and-household orientation include riddles, anecdotes, fables and parables. Thirdly, irrespective of pragmatic and didactic orientations of folklore texts, the complication of their structure is determined by their length and directly correlates with its increase.

References:

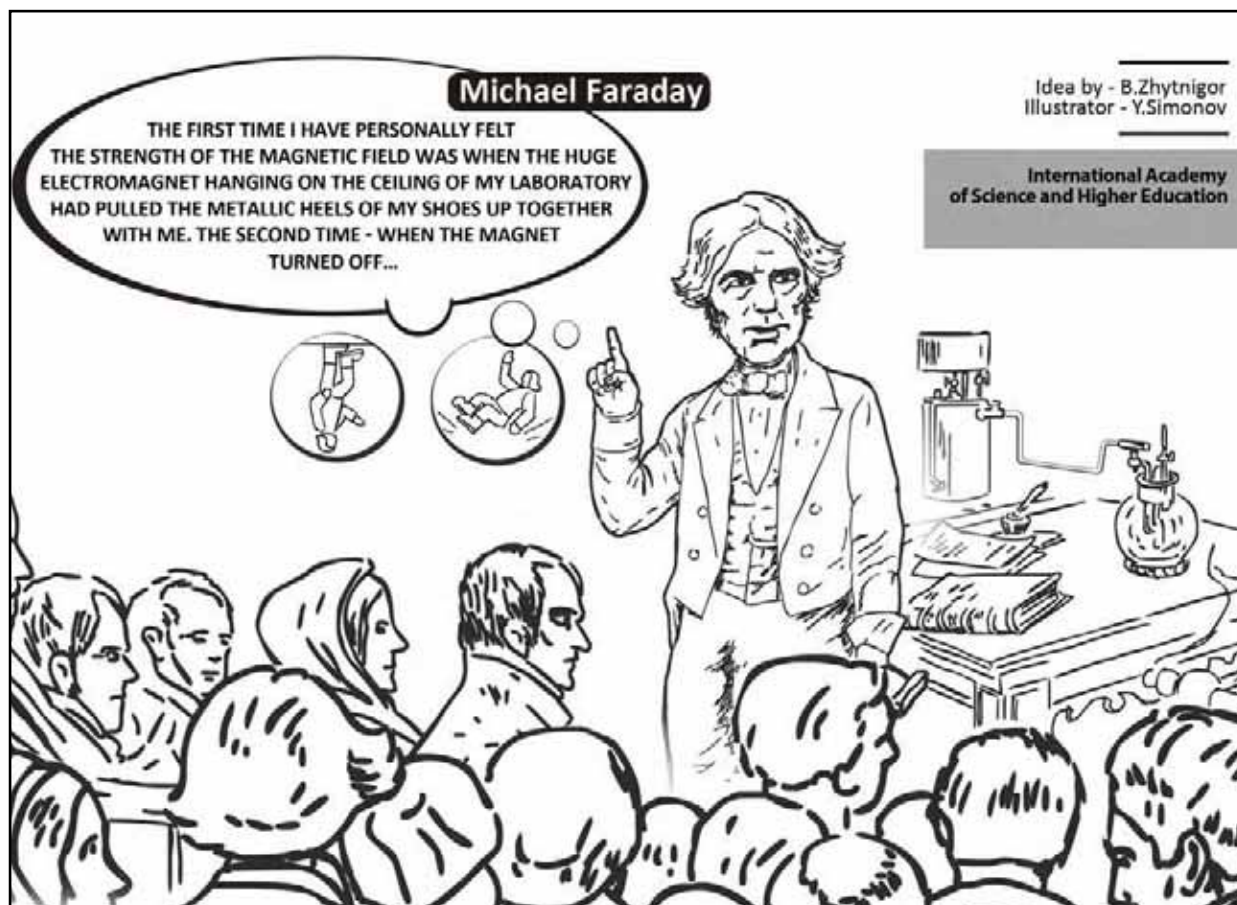
1. Baranov A.N., Kreidlin G.E. The structure of a dialogue text: lexical indices of minimal dialogues // *Voprosy Yazikoznaniya*. – 1992. – №3. – P. 84-93 (in Russian).
2. Dubenko O.Yu. English and American Proverbs and Sayings. – Vinnytsya: Nova Knyha, 2004. – 416 p.

Fig. 1. Average variation indexes of the size of small form folklore texts belonging to a) spiritual-and-ideological; b) cultural-and-household; c) creative-and-educational pragmatic orientations

3. Dundes A. The Study of Folklore. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, Inc., 1965. – 481 p.
4. English Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs. – L.: David Nutt, 1890. – 158 p.
5. English Folk Ballads. – St. Petersburg: Lan', 1997. – 265 p.
6. Greek Mythology / Ed. by Servi K. – Athens: Ekdotike Athenon S.A., 1997. – 183 p.
7. Gridina T.A. Mental guidelines of onomastic plays in small folklore genres // Izvestiya of Ural State University, 2001. – Issue 4, № 20. URL: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020%2801_04-2001%29&xsl=showArticle.xslt&id=a40&doc=../content.jsp (in Russian).
8. Handford S.A. Fables of Aesop. – L.: Penguin Books, 1964. – 229 p.
9. Kalita A.A., Taranenko L.I. Genesis of the Genres of Literary Texts // Studia Methodologica. – Issue 23. – Ternopil', 2008. – P. 77-80 (in Ukrainian).
10. Maksimov A.V. Mythological World in Small Folklore Forms of Eastern Slavs: PhD Theses. – Smolensk, 2003. – 182 p. (in Russian).
11. Malaya proza. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/малая_проза (in Russian).
12. Moskalskaya O.I. Compositional Structure of a Microtext // Voprosy romano-germanskoy philologii. – Moscow, 1978. – Issue 125. – P. 46-50 (in Russian).
13. Mul' I.L. Mechanisms of the language play in small folklore genres (on the material of tongue twisters and chastushkas): PhD Thesis. – Yekaterinburg, 2000. – 152 p. (in Russian).
14. Oring E. On the Concept of Folklore // Folk Groups and Folklore Genres. An Introduction / Ed. By Elliot Oring. – Logan, Utah: Utah State University Press. – 1986. – P. 1-22.
15. Plotnikova L.I. Semantic potential of the texts of a small form: on the material of English: PhD thesis. – Tula, 2004. – 200 p. (in Russian).
16. Shpetniy K.I. Linguistic and structural-and-compositional peculiarities of the text of a short story (on the material of American literature): PhD Thesis. – Moscow, 1980. – 24 p. (in Russian).
17. Soloviy U.V. Evaluative and image bearing nomination in the structure of a literary text (on the material of Ukrainian small prose of the end of the XIX and the beginning of the XXth century): PhD Thesis. – Ivano-Frankivsk, 2003. – 25 p. (in Ukrainian).
18. Taranenko L.I. Prosodic Cohesion of English Prosaic Fable. – Kyiv: TOV: "Agenstvo "Ukraine", 2008. – 204 p. (in Ukrainian).
19. Tarasova S.V. A new view on small prose // Literaturovedeniye. – №1. – 2003. URL: <http://www.ssu.samara.ru/~vestnik/gum/2003web1/litr/200310602.html> (in Russian).
20. Vinogradova L.N. Semantics of a Folklore Text and a Ritual: Types of interaction // Proceedings of the XI International meeting of Slavists "History, culture, ethnography and folklore of Slavic people". – Moscow, 1993. – P. 210-220 (in Russian).

Kobyakova I.,
Cand. of Philological
sciences
Sumy State University,
Ukraine

Conference participant,
National championship
in scientific analytics,
Open European and
Asian research analytics
championship

VERBALIZATION OF HUMOROUS TEXTS

The article in question deals with the problem of humour and its ways of rendering in translational texts. Its categories are being focused upon and described in terms of definitions. The adequacy of translation is paid attention to. The authors' aims of the target texts are not excluded either.

Keywords: text, humour, translation, interlingual and intercultural items.

The paper deals with humour as a form of the authors' lingocreative reevaluating activity, which should not be overlooked in the process of translation.

Humour is a thinking category specifically represented in an original text. For a foreigner it is very difficult to comprehend humour as a cross-cultural category. Limited thesaurus does not allow understanding humour as it is. A translator is supposed to be a highly educated person of a broad thesaurus, deep knowledge in many spheres of life, in terms of its political, economic and cultural background of the ethnic community.

Humour as a complicated phenomenon covers more than one sphere. No wonder that it is dealt with by psychologists and psycholinguists. Recently, several theories of humour have been proposed (Pretence Theory by Clarc and Gerring that deal with humour and irony in a psychological aspect). But none of them has ever tried to solve the significant problem: "How should humour be rendered into other languages? Is it possible to render it from original texts into translation ones? And if it is possible, can all the types of humour be successfully rendered into foreign language?"

Some people take it for granted, the others try to exaggerate its advantages or hyperbolize its drawbacks; emphasising the unattractive and sometimes even ugly side of life, expressing amusing things about it. But it is important to keep humour fresh and original.

There are some reasons to state, that humour is relevant to an artistic and aesthetic connotation of the text and belongs to the elements of the prime significance [1]. Humour (as a means of creative subjective modality) is a form of the author's appraisal opinion. Practically

in modern English and American prose, humour is presented as an original way of world view [2].

Before dealing with the translation of humour one should acknowledge the meaning of its category and subcategories, the ways of their verbalization.

Humour arouses amusement, laughter, the capacity of recognizing something funny. Humour is a means of cheerful and puzzling towards reality. The attempts of defining humour were made by philosopher Agnes Repplier (1858-1950), a social critic, who assumed that humour was associated with tolerance. Humour brings a deep and friendly understanding.

Humour is the form of paradox. Paradox is good, great and unexpected at the same time.

Cf. "– Did I meet you in Tolerado?"

– No, I never was in Tolerado. Neither was I. It must have been two other fellows" [3].

"A notice was put up on the door of office: "If you haven't anything to Do, Don't Do it Here!" [3].

Alongside with development of linguistics new and specific definitions of humour appeared. Now there are quite a great number of them. For example: "Humour – the expression of one's thoughts, in order to make one's remark forceful" [4] or: Humour, irony is the use of words to express something different from and often opposite to their literal meaning.

Humour presupposes a highly developed intellect and can only exist within the framework of specific sociolinguistic conditions; the most important among these is a love of the mother tongue and aesthetic pleasure derived from its use [3].

The problem of translation of humour has not been paid proper attention to. It

is enormously important and significant. The loss of humour in translation can lead to the loss of information of the author's style's, make his work of literature in a target language uninteresting and faked [5].

We distinguish two types of humour: situational and linguistic. Situational humour is usually realized in some sentences contexts that rarely exceed a paragraph.

Situational humour often appears as the discrepancy between outward and inner characteristics of an object described.

Cf. Professor – "You can't sleep in my class". Student – "If you didn't talk so loud I could" [3].

Professor – "A fool can ask more questions than a wise man can answer"

Student – "No wonder so many of us fail in our exams" [3].

With linguistic humour the figurative meaning is realized gradually in a broad context (in some paragraphs, short story)[3]. Humour is to be kept in the target text. The loss of it can tell on its coherence and the main idea [5].

Cf. Popularity is the crown of laurel which the world puts upon bad art. Whatever is popular is wrong [6].

More marriages are ruined nowadays by common sense of the husband than by happy with a man who insists on treating her as if she were a perfectly rational being [6].

The research of linguistic mechanism of humour enables the analyst to discover many relevant items of language structure and semantics overlooked in previous linguistic researches and to give new assessment to facts. Humour is always implicit, the context serves as a marker of it. While achieving the humorous effect authors use both verbal and non-verbal means involved in the play on social/linguistic experience. Humorous

effect is verbalized by traditional and non-traditional means, actualizing the adaptive principles of language. Cf. situational humour:

1) There is a man outside with a wooden leg, Mr. Smith.

What's the name of his other leg! [3].

2) Policeman – “ Miss, you were driving sixty miles an hour!”

She – “Oh, isn't that splendid I only learned to drive yesterday “[3].

Cf. linguistic humour:

1) Jessie – “Her husband didn't leave her much when he died, didn't?”

Jennie – “No, but he left her very often when he was alive” (Pocheptsov1981: 280).

2) Teacher – ‘When was Rome built?’

Percy – At night.

Teacher – Who told you that?

Percy – “You did. You said Rome wasn't built in a day “[3].

Linguistic means of humour vary

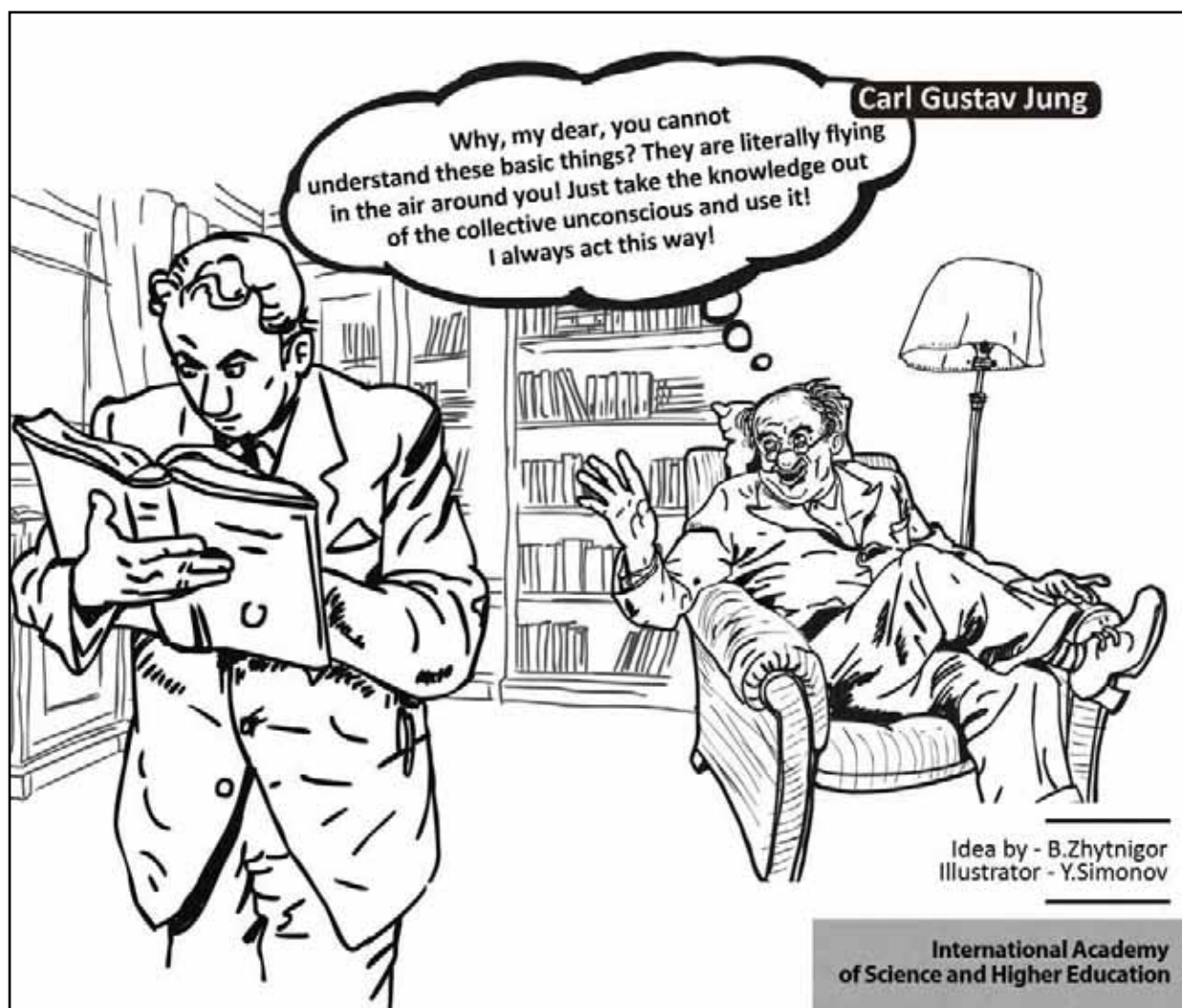
and translation of humour is rather a complicated task. Translation consists in rendering information from one language into another. The assignment of the translator extends far than a mere translation. Translator's task is not only to convey the meaning, the thoughts of an author but also to keep intact the laws of both languages. The process of transformation results in creating linguocultural equality of the text. The translating is assumed to be both interlingual and intercultural.

The aim of any rendering is to reach adequacy, i.e. to make a text matching to standards of the target language preserving as many peculiarities of the author's style and the work of literature as possible. Humour is the use of words in a context to express something illogical to provoke laughter. The lack of knowledge on the part of the translator deprives the text of the national colouring. So all this should be taken into

account for a translator to render humour in a proper way. Consequently the next step in humour translation is to convey it into the target language. Among all the ways of transformation syntax flexibility comes into the foreground.

References:

1. Komissarov, V.N. 1990. Teoriya perevoda. Moscow, Vysca Skola.
2. Glickberg, Ch. 1969. Vision on Modern Literature. The Hague: Nijhoff.
3. Pochptsov, G.G. 1981. Language and Humour. Kiev: Vysca Skola.
4. Hornby 1996. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. Moscow: Sigma Press.
5. Kobyakova, I.K. 2007. Kreativne constujuvannia vtorunnukh utvoruvan v angломovnonu duskursi. – Vinnitsa: Nova knuga.
6. Wilde, O. 1986, Aphorisms. The Book of Irish Humour. Moskva: Raduga Publishers.

Аязбекова С.Ш.,
д-р филос. наук, канд.
искусствоведения, проф.
Московский
государственный
университет
им. М.В. Ломоносова,
Казахстанский филиал,
Казахстан

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

КОСМОГЕНИЧЕСКАЯ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ: КОНЦЕПТ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена сопоставительному анализу космогонических мифов различных народов – мифологическому осмыслению истории Вселенной и возникновения жизни на Земле. Соотнесение с космологическими концепциями естествознания позволяет сделать вывод об общности подходов в мифологии и науке.

Ключевые слова: компаративистика, космогоническая мифология, космологическое естествознание, история.

The article is devoted to comparative analysis of cosmological myths of different peoples, the mythological interpretation of the universe history and the origin of life on Earth. Correlation with cosmological concepts of natural science leads to conclusion about the approaches commonality in mythology and science.

Keywords: Comparative studies, cosmogonic mythology, cosmological science, history.

Компаративистика и история Вселенной. Пожалуй, нет ни одного народа, который бы так или иначе не обращался бы к вопросу зарождения жизни на Земле и конца света. Это нашло отражение не только в науке, но и в художественном творчестве: наскальной живописи, орнаменте, музыке и, конечно, в устном народном творчестве, передающемся из поколения в поколение. В особой мере это относится к космогонической и эсхатологической мифологии.

Известно, что та область языкознания и литературоведения, которая направлена на установление соответствий между родственными языками и литературным творчеством различных народов, дала науке новый инструмент – компаративистику как метод сравнительно-исторического изучения. Дальнейшее использование этого метода вкупе с междисциплинарным подходом позволяет выйти за рамки филологических наук и уже дает свои осязаемые результаты в самых разных отраслях науки. Что касается изучения мифов народов мира, то такой подход позволяет выявить не только языковые и литературные связи, но и обнаружить идентичность онтологических концепций мироздания, выраженных в космогонической и эсхатологической мифологии и космологическом естествознании, а также выявить некоторые универсалии и закономерности в осмыслении процесса космогенеза. В свою очередь, сопоставление этих концепций, выраженных в мифологии и естествознании, может стать источником нового осмысления истории человечества и

позволяет рассматривать ее как историю Вселенной.

Общезвестно, что историография в своей основе – это письменная наука, которая в методах исследования опирается на письменные свидетельства и материально-вещественные источники. Безусловно, такой подход продуктивен для изучения того периода истории человечества, который зафиксирован в этих сохранившихся источниках. Но не всегда тот или иной исторический факт мог быть сохранен в письменном источнике или в вещественных артефактах. Не случайно поэтому, современная историография уже в середине XX века приходит к осознанию важности устной информации в историческом осмыслении действительности. Так, в 1940-е годы зародился в США и распространился в Европе концепт устной истории, направленный на сбор устной информации и ориентированный на запись устных рассказов очевидцев тех или иных исторических событий.

Что касается истории древних народов, в особой мере тех, для которых был характерен устный способ межпоколенной передачи информации, то концепт устной истории приобретает совершенно иные формы. Отличительной особенностью исследований древних культур становится сбор и интерпретация не только вещественных источников и письменности, но информации, которая представлена в разнообразных устных жанрах словесной культуры: фольклоре, мифах, эпосе и др. Безусловно, сегодня мы анализируем их по записям, сделанными предыдущими исследователями. Но

даже, будучи зафиксированными, они являются источником устной истории. Поэтому становится очевидным, что чем большее количество этих литературных источников входит в сопоставление друг с другом, тем больше информации человечество может получить от их изучения. Так, компаративистика может стать методом осмысления не только древнейших эпох и культур, но и знаний о Вселенной. В свою очередь, ее результаты могут быть сопоставимы с результатами космологического естествознания, что может стать источником новых откровений и открытий в истории человечества.

Представляется, что в настоящее время еще недооценивается значимость такого подхода. А между тем сопоставительно-исторический подход в изучении устной словесной культуры позволяет выявить общие, универсальные мотивы в осмыслении разными народами истории Человечества как истории Вселенной. Парадоксально, что общность прослеживается в культурах многих народов, находящихся в разных точках земного шара и не имеющих точек соприкосновения.

В этом смысле изучение космогонических мифов о сотворении и многократном воссоздании мира и эсхатологических мифов о его гибели [1] может свидетельствовать о сохранении памяти об истории Земли как части Космоса, о многократно возникающем акте Первотворения и тех глобальных потрясениях, которые с определенной периодичностью повторялись на протяжении всей истории человечества.

Изучение этого древнейшего пласта словесной культуры приводит подчас к гипотезам, свидетельствующим, что зарождение жизни на Земле и эволюция человека не вписываются в рамки дарвинизма, а связаны с многократной цикличностью эволюции всей Вселенной. Тем самым мы можем заметить, что на сегодняшний день отсутствует идентичность в осмыслении истории Человечества в историографии и мифологии.

Космогоническая и эсхатологическая мифология о творении мира и глобальных катастрофах

Предначало. Во многих мифах о Первотворении вначале было «инобытие», «ничто», которое трактовалось как «Необъятная бездна Космоса» – у иранцев; «Водный Хаос, кишевший чудовищами» – у шумеров; «Хаос и Тьма» – у греков; «Хаос, подобный куриному яйцу» – у китайцев; «Бескрайнее маслянистое море Хаос» – у японцев; «Вода без границ», «Водный хаос» – у индусов; «Водная бездна» – у египтян; «Первозданное море» – у карело-финнов; «Бездна, окутанная туманом» – у скандинавов.

Представленные трактовки инобытия обнаруживают важную общность: практически все мифы связаны с образом воды как Первоначала всего сущего.

Начало. Практически у всех народов акт Творения Мира делится на две фазы: то, что было Предначалом (хаос, пустота, вода и пр.) и то, что стало Началом.

В космогонической мифологии первичным материалом для создания Космоса становятся одна или несколько стихий – вода, воздух, огонь, земля (в тюркской мифологии добавляется еще и небо). Данным стихиям в мифологии придан статус субстанций, выполняющих роль субстрата всего сущего и имеющих универсальный космический характер. Их разъединение – начальный этап выхода из Хаоса.

Начало в культурах многих народов обозначается как переход от мрака к свету, от воды к суше, от беспорядочности к порядку, взаимодействию стихий, структурированию космического времени и пространства, формированию трех космических зон, уста-

новлению космической оси (мирового древа).

Процесс разъединения – универсальный сюжет космогонической мифологии, который воспринимается различными народами как собственно акт Творения Мира, как рубежный момент в созидании Мира как живого. С этого момента начинается наполнение космического пространства луной и солнцем, звездами и планетами, объектами природы и предметами, а в завершение – людьми. Тем самым космогоническая мифология раскрывает однотипную универсальную процессуальную модель возникновения Вселенной.

Демииург. Понятие Первотворца широко распространено в традиционных культурах многих народов. В мифологии понятие Первотворца может быть связано с Космосом, Небом, Богом, Духами, Великанами, Землей, стихией или птицами и животными. В финно-угорском мифе «Калевала» мир творится уткой, свившей гнездо на колене Вяйнемейнена, из расколовшегося яйца возникают небо и земля. Птица является также демииургом и в хакасских мифах о Первотворении. Согласно японскому мифу «Койики» мир сотворен духами, или «ками», которые породили богов и богинь, мужчину (Идзанаки) и женщину (Идзанами).

Демииург может иметь и божественную космическую природу. В индийском писании («Брахманда Пуране»), содержащем миф творения, Брахма – Творец создает различные виды тел и три субстанции: тьму (тамас), энергию (ражас), добро (сатва). Дуалистичен иранский миф о творении мира, в котором Ормузд – Мудрый Господь, первотворец добра, Ахриман – источник страданий, греха и смерти. В египетской мифологии бог Птах является демииургом, создавшим Мир и все существующее в нем, а также первых богов. Что касается тюркской мифологии, то в ней порождающим Первотворцом выступает Тенгри – верховное божество, адекватное понятию «Вселенная», которая представляет собой живой творчески-созидательный организм. Образ Тенгри становится Первоначалом пространственно-временного континуума и би-

нарных смысловых противопоставлений: «мужское – женское», «небесное – земное», «солнечное – лунное». Так, Тенгри, будучи демииургом тюркского Космоса, помещается внутри него.

Демииургическими функциями обладает и образ Священного брака. Великое вселенское яйцо греков произвели на свет Великая богиня сущего Эвринома и Великий водяной змей – Офион, а согласно греческому мифу жизнь на земле возникла от слияния Геи (Матери-Земли) и Урана (Неба). Образы священного брака могут быть и основателями конкретной культурной традиции, как например, это имеет место у японцев (Идзанаки и Идзанами).

Один из важнейших элементов космологической схемы – Человек. Особенностью космологических мифов является изоморфность Человека и Вселенной. Сопоставление мифов различных народов раскрывает две основные схемы – происхождение Вселенной из тела Первочеловека (к примеру, Паньгу – в китайской мифологии, Пуруша – в ведийской) и наоборот, Человека из Вселенной (Гайомарт – в иранской мифологии).

«Пуп земли», «Столп Вселенной» (Мировая Ось, Середина мира, Центр мира). Вера в то, что существует «Пуп земли» распространена в космогонической мифологии многих народов. У греков это Дельфы, в Японии – Хитачи, у индийцев – Дели, у казахов – Сыр-Дарья. Стержнем, опорой Мира в мифах различных народов выступает, как правило, Мировое древо (авилонская, израильская, греческая, египетская, германская, индийская, тюркская, иранская мифология, мифы американских индейцев, ацтеков, эскимосов и др.). Аналогично Мировому древу может выступать Священная гора (Гора Царств – в месопотамских верованиях, Геризим – в Палестине, Меру – в индийской мифологии, Су меру – у урало-алтайских народов, Хараберецаити – у иранцев и др.) или Храм (Иерусалимский храм, Боробудур, «Гора Дома», «Дом Горы всех земель» и др.). Это – место встречи Неба и Земли, канал, объединяющий многоэтажную Вселенную по верти-

кали, врата в Небо, Землю и Преисподню. Древо мира одновременно может выступать и в качестве оси мира, структурирующей пространство всей Вселенной, объединяющей набор ее элементов, поэтому выступает не просто центром, а местом концентрации космических, энергетических сил и определяет связь-вписанность Земли во Вселенной, концентрацию жизненных сил Земли.

Конец мира. Пророчества о будущем конце света являются важнейшей частью мифов народов мира. Это событие истории Вселенной как уже состоявшееся событие, раскрывается в эсхатологических мифах – мифах о космических катаклизмах, в которых в деталях описывается разрушение мира и уничтожение всего человечества (за исключением одной или нескольких пар мужчин и женщин). Среди них – мифы о потопе (шумеро-аккадская, греческая, полинезийская, библейская, ближневосточная, восточно-европейская, индейская, китайская мифология и др.), испепеления огнем (греческая, южнославянская мифология), различных катаклизмах космического масштаба (индийская мифология и др.). При этом, как правило, указывается причина конца мира – всеобщее падение нравов, старение, разложение мира, космическая усталость, желание абсолютного покоя и смерти. Конец света знаменуется падением или исчезновением Солнца, погружением земли в Океан [2].

Конец и вновь начало. Воссоздание мира. И все же космогоническая мифология повествует о воссоздании мира после великой катастрофы. В некоторых мифах речь идет о многократном конце мира и его повторном рождении и вечном возвращении. Так, к примеру, в германской мифологии за всеобщим разрушением (ragnarok) следует новое сотворение мира, циклическое творение-разрушение проявляется в мифологии ацтеков, греков иранцев, мексиканцев и многих других народов. В индийской и иранской мифологии речь идет о четырех прошедших поколениях мира, в мексиканской – о семи мировых циклах, гавайской и полинезийской – о девяти [3].

Воссоздание мира в мифологии – бесконечный процесс зарождения, очищения и возрождения Космоса. Важным при этом становится и то, что каждый раз рождение нового мира берет свое начало из прошлого разрушенного мира (одной или нескольких пар мужчин и женщин, воскресение людей от своих костей). Эта идея, по-видимому, и стала основополагающей в формировании мифологии о бессмертии.

Космологическое естествознание

Современные данные научных исследований об эволюции Вселенной все более и более стыкуются с космогонической мифологией. Сегодня все более утверждается в науке теория Панспермии, обоснованная еще в 1865 году немецким ученым Г.Рихтером о том, что жизнь на Землю была занесена из Космоса [4].

Мифологическая концепция Мироздания удивительным образом перекликается и с идеями В.И. Вернадского. Так, космогонический процесс «деления-удвоения», вербализованный во многих мифологических текстах, приобретает особый смысл в свете идей о биосфере как целостной жизненной системе, взаимодействующей с Землей и Человеком, а также о жизни человека как следствии космического развития, о переходе биосферы в ноосферу, что предусматривает глобальное единство живого и косного вещества, с пониманием эволюционирования биосферы из одного состояния в другое [5]. Перекликается она и с идеями современного космологического естествознания о Космосе, рассматриваемом сегодня многими учеными в качестве живого, творческого, спонтанного организма, семантическое поле которого определяет смыслы человеческой жизнедеятельности [6].

Мифологический сюжет творения в водной стихии находит подтверждение и в химических исследованиях, согласно которым сложные органические соединения могли образоваться на прогреваемом солнцем мелководье. Концептуальные теории химии доказывают и правомерность энергетического притока извне как необходимого условия

существования первых «живых» молекул [7].

Картина Первотворения Вселенной раскрывается и в современных теориях физики, рассматривающих суперструнный вакуум и суперструны, согласно которым самоорганизация материи во Вселенной происходила спонтанно путем квантового туннелирования, когда эволюция вакуума от суперструнного вакуумного пространства-времени через суперструнное поле приводит к суперструнному пространству-времени [8]. В космологической трактовке данного явления физики этап возникновения Вселенной «из ничего» описан в теории «раздувающейся Вселенной» [9].

Выводы. Обобщая сказанное, отметим, что сопоставление мифологических сюжетов разных народов, свидетельствует об их повторяемости. Более того, эта повторяемость аналогична учениям, гипотезам и концепциям о создании и разрушении мира, существующим во всех религиях и космологическом естествознании – в современных естественнонаучных теориях способов построения Мироздания. Все это может свидетельствовать о существовании единой онтологической концепции мироздания и единого кода, расшифровывающего реальный процесс зарождения жизни на Земле, ее разрушения и воссоздания.

Важным в этой связи представляется и то, что естественнонаучное познание Мира, но уже на основе научной рациональности, приходит к такому же пониманию Мира, которое уже было присуще много веков назад древнейшим цивилизациям и традиционным культурам и Европы, и Азии, а именно: к осознанию целостности видения, объединяющего Космос и Человека. Такое единство понимания процесса космогенеза должно изменить отношение к мифам как некоей художественной фантазии. Наука свидетельствует: то, что ранее казалось вымыслом, сегодня находит подтверждение в концепциях естествознания.

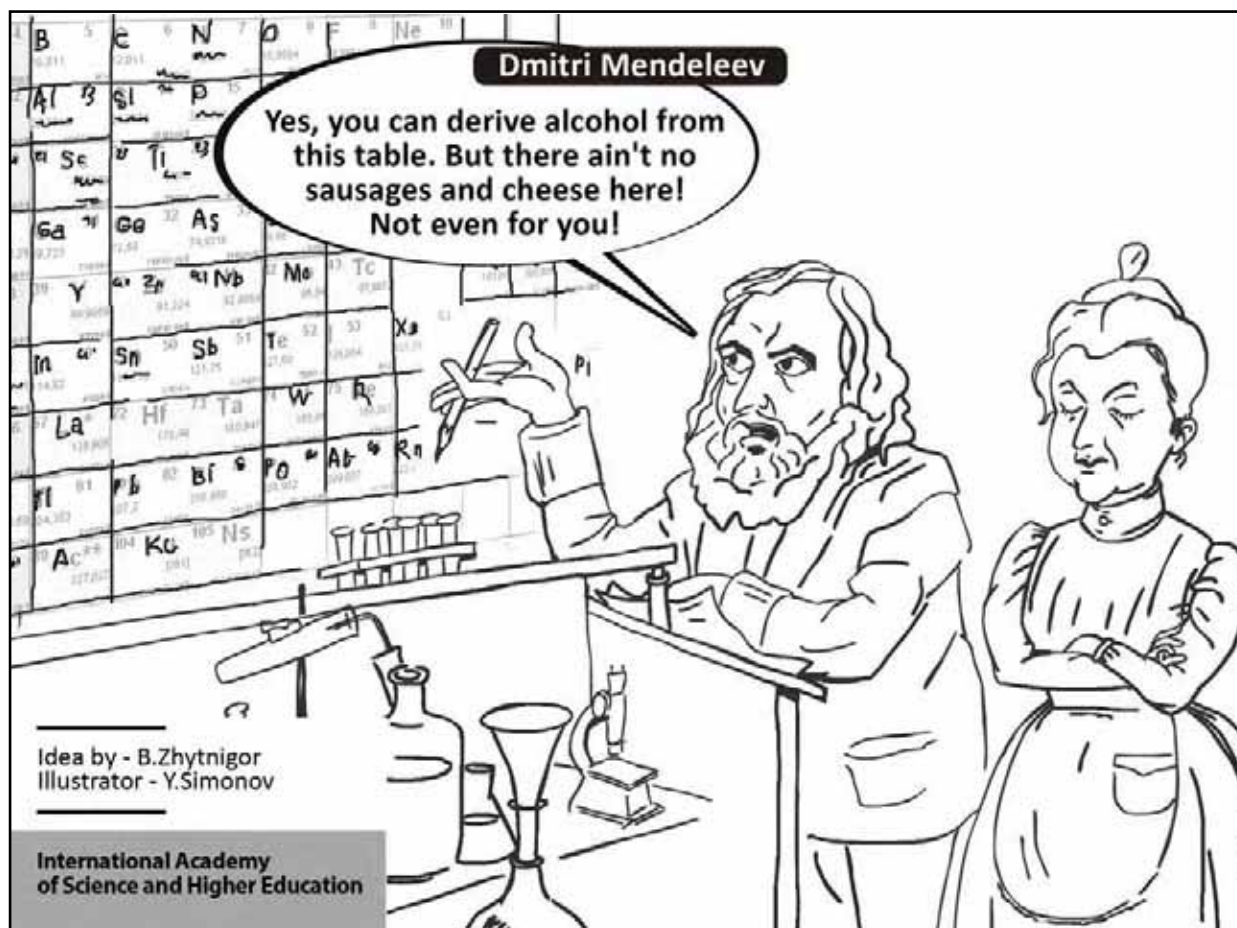
Важным становится и то, что мифы имеют гетерогенность сакрального и профанного времени, а также

ярко выраженную иносказательность, когда истинные смыслы раскрываются на пересечении текста, подтекста и контекста. Увидеть за сложными сюжетными хитросплетениями, взаимоотношениями богов и стихий глубинный смысл, раскрывающий историю Вселенной и человечества, его сакральные знания – это задача, в которой еще не поставлена точка. А это означает, что сопоставительный анализ космогонических и эсхатологических мифов различных народов может стать самым важным историческим источником для изучения истории Человечества как истории Вселенной, а посему концепт устной истории еще ждет своих исследователей и своих открытий.

Литература:

1. Бирлайн Дж.Ф. Параллельная мифология / Пер. с англ. А. Блейз. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997 – С. 47-88; Золотой фонд. Энциклопедия. Мифология. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003; Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1988. – С. 16-29; Тураев Б. Остатки финикийской литературы. – СПб, 1903. – С. 35-36; Энциклопедия древних мифов и культур /Л. и Р.Адканс, Д.Беллингем, К.Виттейкер, Дж.Грант, Дж.Путизм: пер. с англ. Е.Новикова, М. Бунеева; ред.-сост. И. Маневич. – М.: Белый город, 2007. – 832 с.
2. Элиаде М. Эсхатологические мифы // Элиаде М. Аспекты мифа. – М., 1995. – С. 62-81.
3. Трещалин М. Предания древних народов и предсказания периодичности мировых катастроф. – [Электронный ресурс]. – <http://gisap.eu/ru/node/20789>; Трещалин М. Планетарные катастрофы и комета Галлея. – [Электронный ресурс]. – <http://gisap.eu/ru/node/26383>; Элиаде Мирча. Миф о вечном возвращении. – [Электронный ресурс]. – <http://nz-biblio.narod.ru/html/eliade1/index.htm>
4. Теория панспермии // Теории возникновения жизни на земле. – [Электронный ресурс]. – <http://www.evoluts.ru/2009-11-28-09-04-37/2009-11-28-09-14-19.html>
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1991. – С. 19–23.
6. Циолковский К.Э. Грезы о земле и небе. – Тула, 1986; Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. – М., 1976; Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 280 с.
7. Концепции современного естествознания: Курс лекций С.Г. Хорошавина. 4-е. изд. — Ростов н/Д: Феникс, 2005. — 480 с.
8. Дубровский В.Н. Концепции пространства-времени. Физический и философский аспекты. – М.: Наука, 1991. – С. 88–105, 135–152.
9. Бутрын Ст. Идея спонтанного возникновения материи «из ничего» в космологии XX века // Вопросы философии. – 1986, № 4. – С. 70–83.

СТРУКТУРА ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «S.N.U.F.F.»

Пыхтина Ю.Г.,
канд. пед. наук, доцент
Оренбургский
государственный
университет,
Россия

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

На материале романа В. Пелевина «S.N.U.F.F.» рассматривается одна из наиболее продуктивных пространственных моделей в современной литературе – виртуальное пространство. «Виртуальность» трактуется как универсальная характеристика любого текста, независимо от его художественно-эстетических особенностей. Разработанная модель анализа иллюстрирует новый подход к исследованию пространственной структуры литературного произведения.

Ключевые слова: художественное пространство, пространственные модели, виртуальное пространство, В. Пелевин.

Basing on the novel of V. Pelevin «S.N.U.F.F.» is considered one of the most productive spatial models in the modern literature – a virtual space. “Virtuality” is treated as a universal characteristic of any text, despite of its art and aesthetic features. The developed model of analysis illustrates a new approach to the study of the spatial structure of a literary work.

Keywords: art space, spatial models, virtual space, V. Pelevin.

Понятие «виртуальное пространство» стало весьма распространенным в современном литературоведении. Причем каждый исследователь вкладывает в него свой собственный смысл – от «искусственно моделируемого динамического континуума, возникающего в рамках и по законам (пока только формирующимся) компьютерно-сетевого искусства» [2] и «текстовой локализации виртуального антуража компьютерных игр» [5, с. 44] до изображения мира снов, фантазий, грез персонажей и состояния души в целом [3, с. 5]. Все большую популярность получает точка зрения ученых, считающих виртуальным любое отраженное в сознании и как следствие в художественном тексте объективное пространство, поскольку само это отражение опосредовано индивидуальным восприятием окружающей действительности. Эта радикальная концепция позволяет трактовать «виртуальность» как универсальную характеристику любого текста, независимо от его идейно-тематической направленности, жанровой и стилевой принадлежности.

Особый интерес представляют произведения новейшей литературы, в которых сближаются все виды виртуальности. Например, В. Пелевин в романе «S.N.U.F.F.» (2011) [4] моделирует глобальное виртуальное пространство, которое становится едва ли не единственным ключом к пониманию и интерпретации произведения, играя в нем одновременно и

смысло-, и жанро-, и структурообразующую роль.

Предлагая очередной проект будущего мироустройства, автор создает иллюзию полного вхождения в виртуальную реальность.

На месте уничтоженной ядерным взрывом Древней цивилизации расположился Оркланд (Уркаган, Уркаина) – достаточно обширная территория в Верхней Сибири. Столицей Оркланда является Оркская Слава, большую часть которой занимают трущобы, застроенные «облезлыми бетонными трехэтажками времен поздних Прослов», с грязными улицами и скудной растительностью. Два других района города – Желтая Зона и Зеленая Зона – пространственно практически не определены, известно только, что в одной из них живут «номенклатурные нетерпильцы и другая творческая интеллигенция», в другой, «экстерриториальной», богатые орки, государственные чиновники и некоторые византийцы.

Над Оркской Славой, висит на антигравитационном приводе офшар Византиум (Биг Биз), огромный летающий город, куда перебралась элита человечества. В отличие от Оркланда, который представлен как естественное физическое пространство со всеми свойственными ему атрибутами (настоящими городами, деревьями, лесами, реками и т.п.), Византиум – глобальное виртуальное пространство, созданное компьютерными технологиями. Территория Биг

Биза четко структурирована: верхняя поверхность офшара, наиболее «натуральная» часть города, принадлежит старым порноактерам и «ребятам из Резерва Маниту», в нижней обосновались «глобальные урки», которым посчастливилось переселиться в «Лондон» из Оркланда, центральную часть занимают представители среднего класса, имеющие в зависимости от уровня доходов вид на Неаполь, Тоскану, Нью-Йорк и т.п. (см. рисунок 1).

Византиум, будучи всего лишь имитацией эмпирической действительности, тем не менее визуально выглядит реальным: из окон квартир можно увидеть прекрасный пейзаж или строгую архитектуру какого-нибудь древнего города: «Дом Бернара Анри стоял на возвышенности. Из окон открывался удивительный вид – насколько хватало глаз, во все стороны тянулись причудливо нарезанные поля и желто-зеленые холмы, поросшие кипарисами. Кое-где белели старые дома. На полях лежали большие цилиндрические кругляши, скатанные из выжженного солнцем сена. Еще была видна река, далекие синие горы и небо, где плыли безмятежные облака-гиганты. Лето, которому совсем чуть-чуть не хватало до вечности. От этой красоты Грыму в голову то и дело приходили стихи, но он ленился их записывать – таким покоем ведал от мира в окне»; есть здесь и рестораны, кажущиеся уютными из-за 3D-подсветки, и парки с множеством

тенистых аллей, ведущих к берегу моря; можно даже ощутить дуновение ветерка или насладиться свежестью морского воздуха. Однако все, что здесь радует глаз и будоражит чувства, оказывается симулякром (рис. 1).

«Контурсы физической реальности почти всегда можно было определить прямо сквозь трехмерное наваждение: места, где возникала опасность ушибить голову или локоть, были отмечены зелеными габаритными огоньками. Судя по ним, реальность была довольно тесной. Города состояли из нескольких площадей, площади были на самом деле круглыми залами с низким потолком, а то, что выглядело как улицы, оказывалось тесными туннелями. Кажется, исходное пространство везде походило на отключенный от генератора иллюзий неряшливый коридор, который Грым увидел в первый день на Биг Бизе. Но трехмерные проекторы превращали эти кривые технические норы в весьма убедительные проспекты с высокими старыми деревьями и сказочными дворцами. Иллюзия превосходила простой трехмерный мираж».

Изображая параллельно Оркланд и Бизантиум, В. Пелевин, на первый взгляд, использует традиционное для утопии (авторское определение жанра) противопоставление реального и идеального. Однако анализ пространственной структуры романа позволяет увидеть более глубокие смыслы этого противопоставления. Действительно, основным способом сюжетной организации произведения является ан-

тиномичность, которая проявляется в смысловом столкновении противоположных оценок (цивилизованного и примитивного, прекрасного и безобразного, гармоничного и хаотичного, естественного и искусственного, натурального и суррогатного и т.п.). В то же время иронический контекст актуализирует пародийность повествования. Причем, объектом пародии становится как идеал, так и антиидеал. Кроме того, в романе не наблюдается свойственного утопии/антиутопии временного разрыва с привычной средой, поскольку созданный автором единый виртуальный Бизантиум-Оркланд представляет собой хоть и утрированную, но в целом узнаваемую российскую действительность.

Восприятию пространства романа как виртуального способствует прием двойного видения окружающего – глазами Дамилолы и глазами Грыма, а их оценки зависят исключительно от типа культуры, которую они представляют.

Дамилола, боевой летчик, снимающий оркских «дикарей» для снафов по заказу корпорации CINEWS INC, комментирует все, что попадает в поле зрения его камеры, как истинный бизантиец. Следя за Грымом, который в данном случае является для него гидом по Оркланду, он ищет доказательства полной деградации оркской цивилизации: «Местность была довольно депрессивной. Вернее, с одной стороны от дороги она была даже живописной, насколько это слово применимо к Оркланду – там

были конопляные и банановые плантации, речка и пара вонючих оркских деревень. А с другой стороны начинались самые мрачные джунгли Оркланда». С презрением описывает он и столицу Оркланда: «Кто-то из древних сомелье сравнил Славу с пятном, которое остается на стене от долго живших за шкафом тараканов. Очень точное описание – ни прибавить, ни убавить». Для подтверждения веками сложившейся в Биг Бизе идеологии – оркское, значит примитивное, грязное, вонючее – Дамилола записывает разговор Грыма с дядей, в котором дается уничижительная характеристика «своего» пространства: «Эх... Да с чего мы вдруг сделаем что-то красивое и полезное, если... Дядя Жлыг широко повел рукой, словно приводя в качестве последнего довода панораму окружающего мира. Аргумент был, конечно, железобетонный». Особенное удовольствие он испытывает, «когда удастся на одном крупном плане так корректно, но четко показать всю агрессивно-мрачную суть оркского племени».

Противоположную оценку дает Дамилола Бизантиуму, который, по его словам, «лучшее, что есть в этом мире». Однако одический пафос то и дело сменяется ироническим и даже саркастическим: Дамилола прекрасно понимает, что окружающее – «чистейшая травестия и карнавал» и «сладких капель меда на жизненном пути не так уж много». Комфортная, сытая и счастливая жизнь такая же иллюзия, как и все в этой визуальной культуре. Рассуждения Дамилолы по поводу государственного, политического, религиозного и социального устройства нового мира становятся особенно едкими, когда речь заходит о личной жизни бизантийцев: «Когда в воскресенье мы, свободные люди нового века, приходим в храм, чтобы посмотреть свежий снаф, мы каждый раз лицом к лицу сталкиваемся с бесконечным лицемерием, пропитавшим нашу мораль. Лицемерием объемным, выпуклым и цветным. Так захотел Маниту. <...> вместо цветка вам показывают раздутую имплантатами высокобюджетную грудь, которой по всем законам природы уже полвека как пора распасться на кремний и

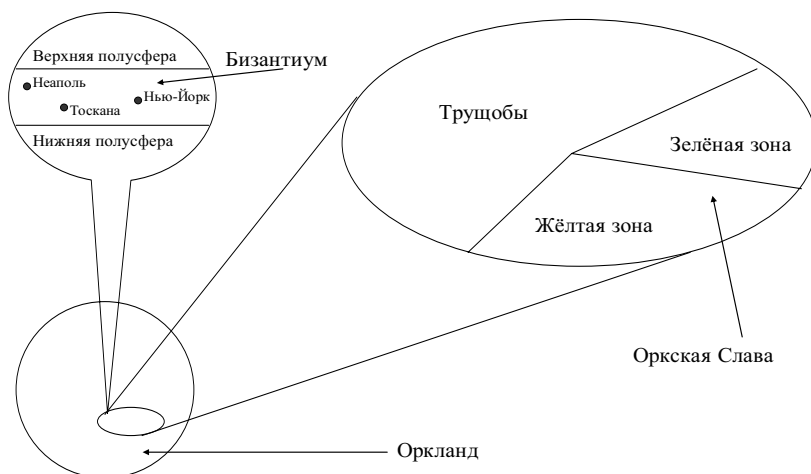

Рис. 1. Структура виртуального пространства в романе В. Пелевина «S.N.U.F.F.».

протешны. А затем извиняются, что все остальные лепестки все еще в повязках после пластики. И ожидают от вас приступа вакхической любви к жизни».

Удивительно, но в этом насквозь лживом «идеальном пространстве» наиболее человеческой оказывается настроенная на максимальную духовность кукла Кая, «цветок жизни» и «главная инвестиция» Дамилолы. Споры с ней, пробудив в первоклассном боевом летчике желание понять, чем «дочь рисоварки» отличается от человека, и разобраться в самом себе (а рефлексия совершенно отсутствует у людей «эры пресыщения»!) приводят к разоблачению утопической мечты Дамилолы: купленная в кредит за огромные деньги сура Кая, с которой он связывал надежду на личное счастье, предпочла «грязного орка» и сбежала с ним в неведомый и недоступный мир.

Большая часть событий в романе показана через объектив летной камеры Дамилолы. Следя за Грыммом, оператор-рассказчик виртуально сливается с ним, то критически оценивая его мысли и поступки с позиции человека высшей культуры, то неожиданно для себя принимая его психологию и идеологию: *«Моя попытка увидеть мир глазами юного орка может показаться кое-кому неубедительной – особенно в той части, где я описываю его чувства и мысли. Согласен, стремление цивилизованного человека погрузиться в смутные состояния оркской души выглядит подозрительно и фальшиво. Однако я не пытаюсь нарисовать внутренний портрет орка в его тотальности»*. В то же время в ряде эпизодов пространственная точка зрения смещается, это заметно даже на грамматическом уровне – повествование с первого лица переходит на третье. Именно в этих редких случаях несовпадения пространственных позиций рассказчика и персонажа кажутся особенно заметными различия в их мировосприятии. Если Дамилола, выросший в визуальной информационной вселенной, прекрасно чувствовал себя в тесных боксах и коридорах, имитирующих дома, парки и набережные, потому что имел «легкое и подвижное воображение,

постоянно готовое воспламениться и увести сознание в искусственный мир радости и экстаза», то Грым, дитя «примитивно-естественной среды», так и не смог привыкнуть к «цивилизации». Быстро пресытившись путешествиями в «фантастически красивые места, которые раньше видел только в «Свободной Энциклопедии» или на маниту», он понял, «что наваждение может быть каким угодно, и цена ему грош». Вот тут-то в момент сильнейшего разочарования в фальшивом рае судьба дарит Грымму неожиданно щедрый подарок – любовь Каи. Так, разоблачив одну утопию, автор «подкладывает» читателю другую: несколькими штрихами нарисовав идеальную землю, куда сбежали влюбленные, он настойчиво поддерживает мечту о все-таки возможном новоутопическом проекте.

Таким образом, анализ романа В.Пелевина «S.N.U.F.F.» позволил нам сделать следующие выводы:

1. Художественное пространство играет в романе структурообразующую роль. Автор моделирует трижды виртуальную реальность. Во-первых, виртуальным является пространство офшара Бизантиума, каким оно представляется Грымму. Кибернетическое пространство, созданное техническими средствами, живущее по собственным, отличающимся от привычных, законам, сначала приятно удивляет наивного орка, а впоследствии, когда приходит осознание абсолютной иллюзорности окружающего мира, разочаровывает: *«И сразу сделалось так горько, что это новое восхитительное чувство, только что пронзившее его душу, оказалось таким же обманом, как и все остальное в жизни»*. Во-вторых, не менее виртуальна реальность, описанная Дамилолой, который воспринимает «мир как игровую среду, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее» [3, с. 30]: *«Когда я говорю «боевой летчик», это не значит, что я летаю в небе сам, всем своим толстым брюхом, как наши волосатые предки в своих керсиновых гондолах. Как и все продвинутые профессионалы нашего века, я работаю на дому. Я сижу рядом с*

контрольным маниту, согнув ноги в коленях и упершись грудью и животом в россыпь мягких подушек – в похожей позе ездят на скоростных мотоциклах. <...> На моем носу легкие очки со стереоскопическими маниту, в которых я вижу окружающее «Хеннелору» пространство так же, как если бы я вертел приделанной к камере головой». Как мы уже отмечали, основные события романа даны через призму восприятия находящегося в виртуальной реальности пользователя – боевого летчика, который иногда задумывается над тем, что есть реальность: *«Впрочем, где мы, пилоты-надомники, на самом деле? В своих тесных комнатах или в оркском небе? И где это небо – вокруг моей «Хеннелоры» или в моем мозгу, куда его транслируют электронные удлинители глаз и ушей?»*. Следовательно, виртуальность представляет собой «продукт человеческого способа отражения и преобразования действительности» [3, с. 24]. И наконец, в-третьих, художественной вымысел, т.е. сам роман, – тоже феномен виртуальной реальности, поскольку, как отмечал Ж. Бодрийяр, в современном искусстве «процесс симуляции зашел так далеко, что утратилось само различие фантазии и реальности» [1, с. 19].

2. Глобальное виртуальное пространство определяет жанровую специфику романа: перед нами своеобразный метажанр, в котором парадоксально сочетаются черты утопии, рисуемой идеальную модель государства, антиутопии, развенчивающей этот идеал, социально-политической сатиры, предметом обличения в которой является современная реальность, а также психологического романа, рассказывающего о личной драме героя-повествователя.

3. Предложенная нами интерпретация романа всего лишь попытка приблизиться к разгадке творимой Пелевиным виртуальной реальности, однако, если верить автору, то никакой реальности вовсе не существует: *«Наше сознание всегда опирается на материю, а материя существует только в нашем сознании. Реальность не сводится ни к одному, ни к другому...»*.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Америка / Пер. с франц. Д. Калугина. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 206 с.

2. Бычков В.В., Маньковская Н.Б. Виртуальная реальность как феномен современного искусства [Электронный ресурс]. <http://www.intelros.ru/readroom/yestetika-vchera-segodnya-vsegda/vyp2-2006/7911-virtualnaya-realnost-kak-fenomen-sovremennogo-iskusstva.html> (дата обращения: 22.06.13).

3. Кирик Т.А. Виртуальная реальность: сущность, критерии, типология: Дис. ... канд. филос. наук. 09.00.01 – Онтология и теория познания. – Омск, 2004. – 165 с.

4. Пелевин В. О. S. N. U. F. F. – М.: Эксмо, 2011. – 480 с.

5. Прокофьева В.Ю., Пыхтина Ю.Г. Анализ художественного текста в аспекте его пространственных характеристик: практикум для студентов-филологов. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 99 с.

6. Пелевин В. О. S. N. U. F. F. – М.: Эксмо, 2011. – 480 с.

7. Прокофьева В.Ю., Пыхтина Ю.Г. Анализ художественного текста в аспекте его пространственных характеристик: практикум для студентов-филологов. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 99 с.

TOP ARTICLES OF 2013

in the field of Philological sciences

Alexandra Zalevskaya	ПРИНЦИПЫ НАВИГАЦИИ В ЖИВОМ ПОЛИКОДОВОМ ГИПЕРТЕКСТЕ
Eugenia Mincu	АФФИКСИДЫ В НЕОЛОГИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ЯЗЫКА
Hamze Dimitrina	КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СПЕКТР ПАРОДИИ
Iryna Kobayakova	VERBALIZATION OF HUMOUROUS TEXTS
Iuliana Pykhtina	СТРУКТУРА ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА "S.N.U.F.F."
Larisa Taranenko	DIFFERENTIATION OF SMALL FOLKLORE TEXTS ACCORDING TO THEIR LENGTH
Leila Mirzoyeva	К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ИМПЛИКАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ: КОНЦЕПТ «ДОЛГ» В РУССКОМ И В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
Liliia Shutova	УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК НА ПУТИ К ГЕНДЕРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
Liliya Doncheva	INTERACTIVE TEACHING METHODS IN SECOND LANGUAGE ACQUISITION WITH SPORTS STUDENTS
Liudmila Araeva, Artur Chepkasoff	ГРАФИКА ТЕКСТА СПИЧРАЙТЕРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭФФЕКТИВНОЙ РЕЧИ СПИКЕРА
Lyudmila Yekshembeyeva	О ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТА "ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ"
Mariana Balasanian	О ВОПРОСЕ ГЕНДЕРА В ЯЗЫКЕ
Olga Ikonnikova	THE SALISHAN LANGUAGE GROUP AS A REPRESENTATIVE OF THE ARCHAIC LANGUAGE TYPE
Olha Shumenko	SEMANTIC EVOLUTION OF QUANTITATIVE WORDS
Sabina Ayazbekova	КОСМОГЕНИЧЕСКАЯ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ: КОНЦЕПТ УСТНОЙ ИСТОРИИ
Uliana Barkar	ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧИСЛА "2" И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ
Valentin Li	АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ СЛОВА (К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИИ ПОНЯТИЯ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ)
Yaroslav Redkva	HISTORICAL OIKONYMY OF THE WESTERN UKRAINE IN COMMON SLAVIC CONTEXT (AS EXEMPLIFIED BY THE EVOLUTION OF TOPOFORMANT *-lʲʲe // *-isko IN SLAVIC LANGUAGES)

Екшембеева Л.В.,
д-р филол. наук, проф.
Казахский национальный
университет
им. аль-Фараби,
Казахстан

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ КАЧЕСТВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема совершенствования инструментария прикладных лингвистических исследований. Основной тезис: лингвистическое знание становится одним из эффективных инструментов прикладных исследований в контексте лингвистики и пограничных наук благодаря его новым качествам – контекстуальности и институциональной направленности. Данный тезис обоснован и аргументирован результатами исследований общности контекста знаний этнометодологии и прагмалингвистики; экспертизы идеологического портрета казахстанской компании «Казакхмыс» на сайте; анализа концепта «Великий шелковый путь» как средства рекламы. В качестве лингвистического инструментария прикладных исследований представлены знания лексикологии и концептологии, методик компонентного, концептуального и дискурсивного анализа, когнитивного моделирования информационного пространства.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, инструментарий лингвистических исследований, идеологический дискурс, качество знания, контекстуальность знания, институциональная направленность знания.

The problem of improving the tools of applied linguistic research is considered in this article. The main thesis: linguistic knowledge becomes an effective tool for applied research in the context of linguistics and frontier sciences thanks to its new features - a contextual and institutional orientation. This thesis is justified and argued by the results of studies of community context and knowledge of ethnomethodology pragmalinguistics; examination of the ideological portrait of Kazakhstan company «Kazakhmys» on the site, the analysis of the concept of the «Great Silk Road» as a means of advertising. As a linguistic tool applied research presented Conceptology lexicology and knowledge, techniques component, conceptual and discourse analysis, cognitive modeling information space.

Keywords: applied linguistics, linguistic research tools, ideological discourse, the quality of knowledge, contextual knowledge, institutional knowledge orientation.

Расширение сферы прикладных исследований в лингвистике стало реальностью нашего времени. Под влиянием внешних факторов лингвистические исследования направлены на выявление особенностей функционирования языка в той или иной сфере жизни социума. Результаты научных исследований свидетельствуют о приобретении лингвистическим знанием новых качеств, которые и позволяют расширять инструментальные функции языка.

Глобализация как процесс интеграции и унификации в науке определила такое свойство лингвистического знания как контекстуальность. Контекстуальность в современном мире становится одним из принципов познания, а знание, как его результат, приобретает особое качество – контекстуальности системного знания. [7] Расширение контекста научного лингвистического знания неизбежно порождает новые научные направления в лингвистике и сопровождается совершенствованием инструментария прикладных исследований.

В лингвистической науке принцип контекстуальности знания заявил о себе в рамках антропоцентрической научной парадигмы. Смена научной парадигмы сопровождалась значительным расширением контекста лингвистического знания за счет потенциала научных направлений внешней лингвистики. Расширение научного контекста явилось следствием изменения целей исследования. Язык исследовался и исследуется как инструмент мышления и речевой деятельности; как средство формирования и отражения индивидуального, общественного, научного и профессионального сознания; как транслятор культуры; как способ презентации научного и профессионального знания и др. При этом, кроме лингвистических, использовались теоретические знания и методы исследования пограничных наук (психологии, социологии, культурологии, когнитологии, этнологии).

Интегративные процессы лингвистики с другими науками продолжают и сегодня. Ученые заявляют о развитии новых научных направлений

интегративного типа: лингвоперсонологии [3; 9], лингвистической экологии (10), юрислингвистики (2;4) .

Однажды, с затаненным возражением, прочитала у В.З.Демьянкова [5], что социальная наука этнометодология является составляющей теории речевого действия, и предложила студентам в рамках учебного курса «Прагматика русского языка» провести учебное исследование на предмет выявления фактов, свидетельствующих о пограничности этих наук. Оказалось, что он прав!

Прямая соотнесенность этнометодологии как науки об обществе с прагмалингвистикой была выявлена нами через толкование предмета изучения, общие теоретические источники и общность научного инструментария.

Предметом исследования прагмалингвистики являются процессы использования языковых знаков для реализации намерений членов социума в речевом взаимодействии в ситуативно обозначенной деятельности. Этнометодология исследует социальное взаимодействие людей в

объективной реальности, которая моделируется множеством уникальных ситуаций общения. [11, с. 812] Общим теоретико-методологическим источником для этнометодологии и прагматики являются философские труды Л. Виттгенштейна. Он один из первых указал на роль социального контекста в понимании идей, действий и разума, а также на необходимость учета при толковании значения выражения не только внутриязыкового контекста, но и внеязыковой ситуации. Научным инструментом и этнометодологии, и прагматики является интерпретация.

Все это позволило студентам сделать вывод, что межличностное взаимодействие как разновидность взаимодействия социального, являясь предметом изучения этнометодологии, реализуется в речевом взаимодействии, природу которого изучает лингвистическая прагматика. Как видим, мы получили подтверждение контекстности двух систем знания. А в перспективе возможна и более глубокая интеграция.

Таким образом, интегративные процессы в науке в эпоху глобализации порождают новое свойство лингвистического знания – его контекстуальность. Именно контекстуальность лингвистического знания позволяет использовать его как инструмент исследования объектов других наук.

Инструментальные функции языка значительно расширяются благодаря институциональной направленности лингвистического знания, качеству, во многом определенному его контекстуальностью. Социальные институты общества формируют собственный языковой и текстовый инструментарий. Лингвисты активно изучают языки политики, экономики, культуры, искусства; выявляют специфику речевой профессиональной деятельности. Результаты их исследований используются конкретными социальными институтами. Так, например, «адресатом лингвистической экспертизы текста выступают как конкретные физические лица, так и соответствующие институциональные структуры – суд, прокуратура, различные федеральные агентства и ведомства, международные организации.» [5, с. 553]

Язык рекламы, имиджмейкинга, персонологии изучается с целью совершенствования механизмов регулирования отношений в обществе, социального позиционирования. Новым социальным институтом общества можно считать информационное пространство Интернета, где в материалах сайтов компаний и учреждений осуществляется их социальная идентификация. Средством идентификации компании на рынке и в социуме является идеологический портрет компании, а его инструментами – язык и дискурс.

Термин идеологический портрет компании выведен нами через осознание понятия «идеологическая социализация», под которой понимаются абстрактные идеологические установки и верования: «свойства текста и речи позволяют нам формулировать и выражать абстрактные идеологические верования самым непосредственным образом. ... Идеологическая социализация, таким образом, осуществляется в дискурсе.» [1] Е. Краснова под идеологической социализацией понимает «двусторонний, взаимообусловленный процесс взаимодействия индивида с идеосферой общества, результатом которого является избирательное усвоение индивидом идеологических ценностей, формирование собственной ценностной иерархии» [8, с.6]

Для идеологической социализации и создаются сайты компаний. Базовой составляющей сайта компании как разновидности идеологического дискурса является система фонового (социального) знания о компании. Создавая дискурс, компания презентует себя системой параметров, характеристик, сущностей и отношений между ними с целью создания идеологического портрета как средства идентификации компании в социуме. Вместилищем знаний и основным транслятором их является язык.

Языковые средства репрезентируют совокупность знания о компании в упорядоченной системе утверждений. Для каждого утверждения дискурса, как считает Ф. Джонсон-Лэрд, [6] строится своя ментальная модель. Утверждение способно стать основой ментальной модели дискурса

при условии экспликации базовых сущностей. Каждое новое утверждение добавляет к этой модели новые сущности, свойства или отношения. Все сущности, упомянутые в утверждениях, должны сохранять в ментальной модели дискурса свои свойства или отношения; если устанавливается ложность утверждения относительно имеющейся модели, то требуется модифицировать модель.

Таким образом, основным инструментом социальной идентификации компании становятся фоновые знания о её деятельности, выстроенные как ментальная модель идеологического дискурса сайта и переданные языковыми средствами. А это значит, что через конструирование и анализ ментальной модели дискурса сайта, можно сделать экспертизу идеологического портрета компании.

Объектом для исследования нами был избран идеологический дискурс сайта казахстанской компании «Казахмыс». Цель исследования – определить, насколько успешно сайт осуществляет идеологическую социализацию компании и необходима ли его модификация.

Материал сайта компании, как и ожидалось, представлен системой утверждений, которые и формируют ментальную модель фонового знания о компании. Основными стратегиями презентации являются стратегии номинации, целеполагания, указания на рейтинг компании. Выбор языковых средств для презентации информации анализируется нами как языковая стратегия.

Важной стратегией презентации является номинация компании. Анализ материалов сайта компании «Казахмыс» (www.kazakhmys.com) позволил выявить систему номинации, которую заявляет сама компания: группа, компания «Казахмыс»; ведущая компания, крупная международная компания, интегрированная группа. Расширение номинации осуществляется а) за счет позиционирования себя по отношению к другим компаниям – крупнейшая казахстанская компания, крупнейший производитель, одна из крупнейших казахстанских компаний, один из крупнейших производителей; б) за счет включения в

номинацию информации о сфере деятельности – крупнейший отечественный поставщик электроэнергии в Казахстане, крупнейший производитель электроэнергии в Казахстане, крупная международная компания по добыче и переработке природных ресурсов, наиболее гибкий низкзатратный производитель меди, полностью интегрированный производитель меди, один из низкзатратных производителей меди в мире, одна из немногих в мире полностью интегрированных производителей меди в мире.

Через вариативную систему номинации, использованную в презентации компании на сайте, формируется фоновое знание о компании – очень крупная (крупнейшая), казахстанская, поставляющая электроэнергию внутри страны, вышедшая на международный уровень (международная, одна из ... в мире) по добыче и переработке природных ресурсов и, прежде всего, производству меди. Это позволяет представить компанию как сильную, дееспособную, успешную, создающую конкуренцию на мировом рынке в области добычи и переработки природных ресурсов.

Стратегия указания на рейтинг компании (входит в список компаний FTSC100) и её регистрацию на Лондонской и Гонконгской фондовых биржах реализуется в утверждении, которое логично расширяет ментальную модель идеологического дискурса, усиливая позитивную оценку компании.

Стратегия целеполагания – статья ведущей компанией по добыче и переработке природных ресурсов в Центральной Азии – рассматривается как некорректно сформулированная: более низкая оценочность прилагательного *ведущий* по сравнению с *крупнейший*; сужение сферы деятельности с мира до Центральной Азии. Это может быть рассмотрено как ложное утверждение, которое не вписывается в ментальную модель и свидетельствует о необходимости её модификации.

Языковая стратегия сайта также не поддерживает позитивного позиционирования компании, сформированного при реализации стратегий номинации и указания на рейтинг. Глагольная лексика, используемая в

предложениях дискурса при агенте «Казахмыс», – *привлек, участвует, удовлетворяет, планирует увеличить, стремится увеличить, добывается, располагает, управляет, владеет, входит, имеет* – не моделирует образ сильного и самодостаточного субъекта мировой экономики.

Таким образом, результаты когнитивного (ментального) моделирования содержания сайта компании как идеологического дискурса и анализ языковых средств выражения его утверждений позволяют заявить о том, что базовые инструменты социальной идентификации компании использованы неэффективно. Нарушено логическое единство моделирующих утверждений дискурса сайта. Для обеспечения высокого уровня культуры презентации компании на сайте требуется модификация всего сайта компании.

Регулирование общественных отношений во многом определяется и рекламой. Почему отдельные понятия или фразы становятся рекламным средством? Как рождается энергия, обеспечивающая воздействие рекламной информации на реципиента?

Результаты анализа рекламных текстов сайтов Турагентства Национальной компании «Шелковый Путь – Казахстан» (<http://welcometokazakhstan.com/ru>), Комитета индустрии туризма Республики Казахстан – туризм и отдых в Казахстане <http://visitkazakhstan.kz/ru>), компаний Silk Road Adventures (<http://www.silkroadadventures.net/ru>) и Ak-Madi Travel (<http://ak-madi.kz>) подтверждают факт сформированности в них концепта Великий шелковый путь. В их контекстах традиционная понятийная составляющая присутствует, но доминирует оценочность. Доминирование оценочности при описании содержания понятия *Великий шелковый путь* наблюдается и при анализе контекстов Национального корпуса русского языка. Сема оценочность проявляется, во-первых, по отношению к самому Великому шелковому пути в сочетаниях с глаголами и глагольными формами: *познакомил, связал, соединил, способствовал интеграции*. Во-вторых, в ракурсе отнесенности к Шелковому пути и его маршрутам дается оценка

той или иной современной территории. Сочетания исследуемого понятия в качестве субъекта с глаголами *проходил, повторял, начинался, пролегал* используются не для описания маршрута Великого Шелкового пути, а для усиления привлекательности мест, через которые он проходил.

Расширение семантики понятия, наполнение его новым содержанием, изменение сферы его функционирования – все это свидетельствует о том, что понятие *Великий шелковый путь*, обозначающее исторический артефакт, стал межкультурным концептом. Именно поэтому концепт Великий шелковый путь используется как информационная основа рекламного продукта, что и определяет его средством рекламы.

По материалам сайтов туристических компаний и Национального корпуса русского языка фрейм исследуемого концепта представлен системой следующих положений:

Великий Шелковый путь – это дорога, обеспечивающая развитие торговли между странами Востока и Запада. Возникнув в древности, она существовала несколько веков, состояла из разных участков, опорными точками которых были караван-сарай и города.

Предметами торговли были драгоценные камни и шелка, пряности и красители, изделия из металла и др.

Основным средством передвижения и транспортировки товаров являлись караваны верблюдов.

Великий Шелковый путь обеспечил интеграцию цивилизаций и культур Запада и Востока.

Эта интеграция порождала энергию, которая качественно изменила мир: получили распространение прогрессивные технологии производства; стали развиваться институты посольств и почтовой связи; культурные и языковые контакты обогащали культуры и развивали языки.

Великий Шелковый путь – это феномен в мировой истории, что позволяет использовать его как критерий оценки явлений и артефактов современности.

Такое содержание концепта «Великий Шелковый путь», благодаря объективной и оценочной информа-

ции, позволяет манипулировать сознанием потенциального клиента, становясь средством рекламы.

Таким образом, лингвистическое знание становится одним из инструментов прикладных исследований в контексте лингвистики и пограничных наук. Это было продемонстрировано нами на примере использования знаний лексикологии и концептологии, методик компонентного, концептуального и дискурсивного анализа, когнитивного моделирования информационного пространства. Реализация инструментальных функций лингвистического знания в экспертных и исследовательских заключениях становится возможной благодаря его новым качествам – контекстуальности и институциональной направленности.

Литература:

1. Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. /http://psyberlink.flogiston.

ru/internet/bits/vandijk2.htm/

2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта, Наука. 2009. – 592 с.

3. Голев Н.Д. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы / Н.Д. Голев, Н.В. Сайкова (Мельник) // Вопросы лингвоперсонологии: Межвузовский сборник научных трудов. Ч 1/Алт. Гос. техн. Ун-т им. И.И.Ползунова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. – с. 7-12

4. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.

5. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239-320.

6. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения

// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. – 320с.

7. Корниенко А.А., Ардашкин И.Б., Чмыхало А.Ю. Философия науки. – Томск: Изд. ТПУ, 2007. – 164 с.

8. Краснова Е. Идеологическая социализация современной российской студенческой молодежи. Автореферат дисс. ... канд.соц.наук. Екатеринбург, 2009. – 16 с.

9. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса а дисциплины/ В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод:Сб. науч. тр. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. – С. 112-116;

10. Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления //Филологические науки. 1996. № 2. – с. 6-11

11. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 837с.

The AICAC Secretariat

Tel: + 12 024700848

Tel: + 44 2088168055

e-mail: secretariat@court-inter.us

skype: court-inter

A

I

C

A

C

**AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT**

International non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

Ikonnikova O.N.,
Cand. of Philology
South Federal University,
Russia

Conference participant,
National championship
in scientific analytics,
Open European and
Asian research analytics
championship

THE SALISHAN LANGUAGE GROUP AS A REPRESENTATIVE OF THE ARCHAIC LANGUAGE TYPE

In the present article the author introduces the notion of the archaic language type and the criteria of its definition – geographical isolation / social isolation of native speakers, mythological thinking, pre-grammatical mode of the language system, holophrases of concrete semantics. The material of the Salishan language group is analyzed in light of the mentioned criteria. The author concludes that the Salishan language group is a representative of the archaic language type.

Keywords: archaic language, isolation, pre-grammatical mode of the language system, Salishan language group, mythological thinking, holophrase.

The Salishan languages belong to the Indian language family located in the north-west of the USA, from eastern Montana to the Pacific coast, and from central British Columbia to the Columbia River. We consider these languages to be archaic according to our definition: 'Archaic languages – are the languages which due to the certain conditions of social development of their native speakers have in greater degree preserved ancient linguistic features'. Studying the archaic languages is very important as they can throw light on the ancient pre-grammatical language systems and diachrony of the language and its categories. We state that by the method of synchro-diachronic extrapolation using the material of the ancient languages one is able to reconstruct diachronic universalities.

So far we have elaborated the four main criteria due to which one is able to define the language as archaic. In this paper we are to present these criteria within the framework of the material of the Salishan language group as a typical representative of the archaic language type.

The first extra-linguistic criterion determining the archaic system of the language that we suggest is the *geographical isolation and / or the social isolation of the native speakers* of the language. In the case of the Salishan languages we are to comment on the social isolation of the Salishan tribes. The point is that the Salishans like other Indians of North America have had special war relations with the neighboring tribes that affected their living in isolation and prevented them from mixing with other tribes. At peace and at war they've had the only universal language – gestures. Evidently

under such conditions the Salishan languages haven't been influenced by the neighbouring languages, haven't mixed with them and as a result have preserved the original features in their systems.

The second criterion defining the archaic language type that we introduce is called *mythological thinking of the speakers*, i.e. irrational perception of the world. The point is that life of an Indian was not limited by the outer world: besides hunting, farming, wars, family there was a world of his beliefs, his internal spiritual ties with the other world. Each time of his everyday life was penetrated by the tangible invisible connection with supernatural power. Everything that the man saw around him, that he touched and what he used was an incarnation of the other world, a part of a divine entity.

Such a perception of the world is reflected in the Salishan language systems where the basic predicative force of all full words is a logical part of this organization. The simplest predications refer to events, situations, activities without reference to persons, places or things. When such entities are introduced, they are, unless there is specific evidence to the contrary, understood as involved in, affected by, or the result of the situation. The Salishan languages typically have a set of these transitivizers, used to mark differences in the degree of agentivity or volitionality assigned to the agent; this feature has traditionally been called the system of control or responsibility by Salishanists [see Thompson]. Cf.:

- a. *t'əm'-t-əŋəl* = *sx^w*
hit-TRAN-1pl.ACC = 2sg.NOM
'You hit us on purpose'.
b. *t'əm'-n-əŋəl* = *sx^w*
hit-NCT-1 pl.ACC = 2sg.NOM

'You hit us by accident/finally managed to hit us.' [Jelinek, Demers, p.703-704]

In the above given examples from Straits Salish TRAN identifies the control transitivizer expressed by the suffix -t and NCT identifies the noncontrol transitivizer expressed by the suffix -n. The noncontrol transitivizer can convey inefficiency as well as inadvertence [Jelinek, Demers, p.703-704].

We assume that the elaborate system of control / responsibility in the Salishan languages can be treated as a relic of the archaic language systems determined by the mythological consciousness and thinking of people of ancient times who believed that the events are not dependent on a person but are pre-determined by an external force and connected with it.

It's worth mentioning one more feature of the Salishan language as well as other languages of North America connected with the mythological thinking – the existence of the only *unwritten language form*. Unwritten languages are known to be archaic. Why is it so? One of the hypotheses is that it is the custom with nomadic people to keep mythological texts in the oral form by remembering them and passing them on from one generation to another, that was an acceptable alternative to the written language. As V.M. Pivoev emphasizes 'The point is that the written text rationalizes the message, decreases the possibility of transmitting irrational aspects of the myth' [Pivoev, p. 49].

The third criterion of the archaic language that we propose is the *pre-grammatical mode of the language system*. According to T. Givon, the pre-grammatical mode of the language is characterized by the absence of grammatical morphology and

pragmatical word order [Givon, p. 15]. Most Salishanists come to the conclusion that the Salishan languages lack a noun / verb contrast at the word level to say nothing of the other traditional parts of speech and grammatical morphology. Clauses consist of an initial predicate, minimally containing a lexical root, a functional head where valence is marked, and possibly a pronominal suffix marking an internal argument. The predicate is followed by a second position clitic string of inflectional elements, the subject pronoun and tense. In fact the Salishan word doesn't belong to a lexical category such as noun, verb or adjective: it is a predicate to which the inflectional clitics attach [see Jelinek, Demers p. 697-698, Thompson p. 260, Nater p. 33-34]. In the following examples the word 'hand' is rendered into Straits Salish by the lexical suffix *-sis*.

a. *lic 'sis-t-Ø = lə = sən*

cut-hand-TRAN-3ABS = PAST = 1 sg.NOM

'I cut his hand (on purpose).'

b. *ləŋ-sis-n-əŋət = sən*

cut.off-hand-NCT-REFL = 1 Sg.NOM

'I cut my hand off (accidentally) [I hand-cut-off myself].' [Jelinek, Demers, p. 716]

We suppose that the absence of traditional parts of speech in the Salishan languages is determined by the mythological thinking where the subject and object are not differentiated. The linguistic data of the Indian languages confirm the fact that subjects and objects are suffixes or adjuncts to the predicative stems.

The fourth criterion of the archaic language is *holophrases of concrete semantics*. Studying the vocabulary of the Kwakiutl language compiled by F. Boas [Boas p. 36-82] we have concluded that the distinctive semantic feature of the Kwakiutl vocabulary is concrete meanings. They discern subtle nuances of qualities in the objects of environment and have an elaborate vocabulary for defining the objects which differ from one another in irrelative undistinguished signs. The other important peculiarity of Kwakiutl

vocabulary is the tendency to express a complex notion by a single word – a holophrase. Among the holophrases we have singled out the concrete designations that lack corresponding generic notions in the vocabulary and which meanings are expressed in the holophrases (see below). The holophrases of concrete semantics are represented in the following lexico-semantic groups (LSG):

1) LSG – everyday activities:

to arrange bed – *heitla'lit*;

to ascend a river in canoe – *sia'*;

to bend with hammer – *mokpta'ul*;

to strike with hammer – *mukoa'*;

to carve meat – *k'c a'qit*;

to catch salmon in net – *tlakil*;

to roast salmon – *tl'o'pa*;

to make a dam across a river – *tsu'pa*;

to peel off cedar bark – *si'nga*;

to sing for pleasure – *su'lala*; to sing to dance – *dE'nqEla*;

to unload canoe – *mo'liola*;

to weave basket – *yi'p'a*;

to find something unexpectedly – *tlo'koala* (this term is used especially for meeting a supernatural being); *llo'k'oe* – what is found unexpectedly; to find while walking – *k'ak'askyina'la*;

to hang over rope – *kuq'uit*.

2) LSG – household, cult and everyday objects:

armor made of wood or skin – *pa'-k'aitEm*;

heavy beams supporting roof, parallel to ridge of house – *ky'a'lc wan*;

belt of women – *wusi'kyanKui*;

bottle made of kelp – *wawate*;

bracelet of mountain goat horn – *yo'kwekila*; bracelet of copper – *ko'eko'e*;

juice of berries – *sau'k*;

monster in sea – *ia'knim* (= cause of evil);

sacred object – *k'ii'mina*;

3) LSG – animals:

grizzly bear – *nan*; skin of grizzly bear – *pus'Kna'c*; black bear – *tl'e*;

4) LSG – magic actions, rituals:

to bewitch by putting clothing of a person in contact with a corpse – *la'pEtante*; to bewitch by putting clothing in a skull which is heated – *e'k-*

a; person who knows to do so, *t:k'noq*; to bring back novice from woods by dancing – *wutla'qut*;

self-torture ceremonial – *hawina'tl*;

to tremble with hands, dancing

– *qo'lcqohi*.

5) LSG – ties of relationship:

brother (said by male) – *nE'mwiot*; (collectively) *nEnE'inwiutlala*, brothers and male cousins – *natlEmwi'ut*, relatives – *mEnu'-ya*; (said by female)

– *wa'k'oa*, younger brother – *ts'a'ja*;

parents with children – *gyinli'kyBle*;

parents of twins – *yikwi'tl*;

elder sister – *no'la*; younger sister – *tsa'ya*;

Such holophrases of concrete semantics are determined by the peculiar thinking where classifying processes are carried out on the basis of sensory perception.

So we can conclude that the Salishan language group can be considered as a representative of the archaic language type according to the four criteria – social isolation of native speakers, mythological thinking, pre-grammatical mode of the language system, holophrases of concrete semantics. It should be noted that in the course of our further research we may add certain criteria of archaic languages to the presented ones or alter the terminology base.

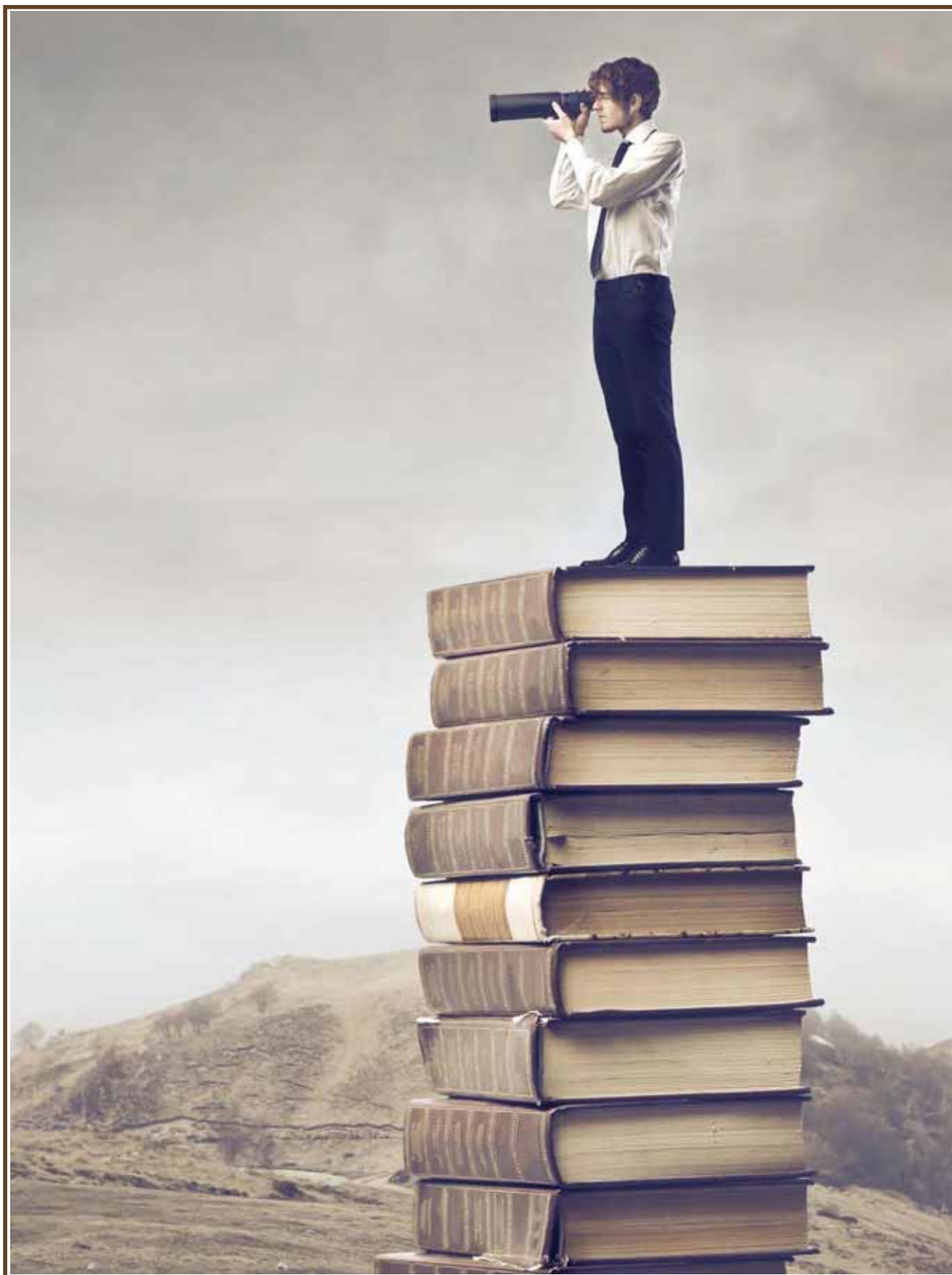
References:

1. Boas F. Vocabulary of the Kwakiutl Language / Boas F. // Proceedings of the American Philosophical society. 1898. P. 36-82.
2. Givon, T. Syntax. An Introduction. Vol. I. Amsterdam / Philadelphia, 2001.
3. Jelinek E., Demers R. Predicates and Pronominal Arguments in Straits Salish // Language. 1994. Vol. 70. No. 4. P. 697-736.
4. Nater H.F. The Bella Coola language. Ottawa: National museum of Canada, 1984.
5. Pivoev V.M. Mifologicheskije soznanije kak snosob osvoenija mira. – Petrozavodsk, Karelija, 1991.
6. Thompson, T. Clallam: A preview. // Studies in American Indian Languages. Linguistics. № 65. P. 251-294.

GISAP Championships and Conferences

October - December 2013

Branch of science	Dates	Stage	Event name
OCTOBER			
Economics, Law and Management	26.09-01.10	III	The state, corporation and individual: correlation of rights, economic interests and ways of their realization
Culturology, sports and art history	10.10-15.10	III	Place of the cultural heritage, art and conception thinking in the modern information-oriented society
Historical and philosophical sciences	10.10-15.10	III	Yesterday-today-tomorrow: historical and philosophical comprehension as the basis of the scientific world view
Biological, veterinary and agricultural sciences	24.10-29.10	III	Issues of conservation and reproduction of the consumed biological resources
Medicine and pharmaceutics	24.10-29.10	III	Medical and pharmacological resources and a healthy life-style as means of the quality and length of human life increasing
NOVEMBER			
Philological Sciences	07.11-12.11	III	Language means of preservation and development of cultural values
Psychological Sciences	07.11-12.11	III	Development of modern psychology in a conditions of a permanent social crisis
Sociological, Political and Military Sciences	21.11-26.11	III	The necessity, admissibility and adequacy of measures for overcoming socio-political crises of modern society
DECEMBER			
Technical sciences, Construction, Architecture	05.12-10.12	III	The development of technical sciences, building sciences and architecture in the context of the needs of society alteration
Earth and Space Sciences	19.12-24.12	III	A particular case in conditions of limitlessness: Earth in the vast Universe
Physics, Mathematics, Chemistry	19.12-24.12	III	From the lever to the Higgs boson: dynamics of development and actual issues of Physics, Mathematics and Chemistry

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442032899949

E-mail: office@gisap.eu

Web: <http://gisap.eu>